

ТЬМА ВНЕШНЯЯ

Владимир ЛЕЩЕНКО

астро нова

Владимир Лещенко

Тьма внешняя

«Автор»

Лещенко В.

Тьма внешняя / В. Лещенко — «Автор»,

Сложное, многоплановое произведение сочетающее элементы фантастического триллера и исторического романа с элементами фэнтези...
Мрачный колорит эпохи, картины ужасающих бедствий создают фон, на котором бушуют страсти и льется кровь.

© Лещенко В.

© Автор

Содержание

Авторы жанра НФ о книге	5
КНИГА ПЕРВАЯ. КОРОЛЕВА ЗЕМЛИ	6
Пролог	6
Часть первая. СТЫГ С ЕДИНОРОГОМ.	9
Интерлюдия	9
Глава 1	13
Глава 2	39
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Владимир Лещенко

Тьма внешняя

Авторы жанра НФ о книге

Сложное, многоплановое произведение сочетающее элементы фантастического триллера и исторического романа с элементами фэнтези...

Мрачный колорит эпохи, картины ужасающих бедствий создают фон, на котором бушуют страсти и льется кровь.

Алексей Калугин

Прочла роман с большим удовольствием. Очень советую прочесть его любителям приключений, хорошей фантастики, и всего героического и таинственного

Мария Симонова

Прочёл не отрываясь. Давно уже не попадалось такой интересной книги...

Алекс Орлов

КНИГА ПЕРВАЯ. КОРОЛЕВА ЗЕМЛИ

Пролог

Земля. Конец февраля 1347года от Рождества Христова.

**Священная Римская Империя, местность неподалеку
от границы с Французским королевством.**

* * *

...Ох, чуёт мое сердце, надо такую жизнь побыстренько заканчивать, не то болтаться мне в петле – известное дело, сколько веревочке не виться... Да и надоело; и Гансу, козлу старому, подставляйся, и Якоб туда же норовит, даром что нужны ему вроде и не бабы, а совсем наоборот! Уходить надо. И вообще завязывать с большими дорогами.

Того что припрятано, хватит надолго, если не транжирить попусту. Уберусь отсюда подальше, в места, где никто и не слышал про меня; найду, глядишь, себе какого никакого мужа, корчму открою. Давно пора, сколько раз уж себе слово давала! И ведь подворачивались же случаи! Тот купец ганзейский, что жениться на мне обещал, ведь не врал, похоже. И надо ж мне было навести на него Рутгера Паленого! А обиднее всего, что Паленый и расплатиться со мной не успел: повязали сердешного в тот же день. Или взять хоть ту графскую вдовушку из Вестфалии. Крепко я ее зацепила должно быть: с собой звала, озолотить обещала. И щедрая: пять монет за первую ночь отвалила! А ласковая – никакого мужика после не захочешь, честное слово. Кто мешал тогда с ней уехать? Так нет же – польстилась на ожерелье! Да она его, может быть, через месяц-другой сама бы мне отдала, а так еще и из города бежать пришлось. Да, одно слово, душой я была изрядной, но теперь уж все. Баста!

Ладно, день прошел, и слава Богу, а утром, на свежую голову все обдумаю как следует. Свалю отсюда, не будь я Катарина Безродная!

* * *

...Хрональный уровень 29, ствол 2748-991, главная ветвь 98, ответвление 81, основная планета, Центральный материк, регион 234, пространственная локализация в соответствии с абсолютной шкалой координат– 1000 и 245,4. При стандартной проверке в ходе обзорного наблюдения зафиксирован источник К– излучения. Активность слабая, спорадическая. Мощность 0,09 единиц в пике; 0, 004 постоянная. Источник: пол – женский, возраст – в пределах 1 цикла, тип ментальной деятельности 3бис. Общий биофизический индекс 0,9. В нейрограмме явно фиксируется наличие 7 подсистемы (неактивированна). В пси-поле присутствует алая составляющая.

Резюме: объект может представлять интерес для дела Хранителей.

*** * ***

Мидр. Континент Аэлла, Атх. Эра Второго Поколения,

598 цикл, 977 день, утро.

...Двое, одетые в одинаковые синие туники и черные брюки, заправленные в короткие серебристые сапоги, молча склонились над мерцающим разноцветными бликами прозрачным шаром.

– Да, ты прав, – наконец произнес тот, кто выглядел старше (хотя можно ли говорить о возрасте почти бессмертных существ?). – Ты прав, это и впрямь великое дарование. Я, конечно, не сомневался в тебе, Таргиз, но такого, признаться, не мог предположить. Да, не столь уж многие из известных мне Хранителей могут похвастаться подобными способностями.

Он вновь пристально всмотрелся в шар, в глубине которого, среди серых и буроватых полос переливались зеленые и ярко– синие тонкие прожилки.

– Но, Тьма Внешняя, как же они задавлены, как загрязнен спектр!

– Трудно было предполагать иное, Наставник, – негромко, словно оправдываясь, ответил Таргиз.

– Да, конечно, я понимаю, – тот, кого называли Наставником, опустился в кресло. – В подобном месте, и в подобное время... Мановение руки – и стена прямо перед ним обратилась в экран, на котором загорелось трехмерное переплетение замысловато изогнутых линий множества цветов и оттенков. И он, и Таргиз некоторое время изучали переливчатый рисунок

– Какие силы – просто поверить невозможно! И сколько времени уйдет на расчистку! Она, скорее всего, не проживет столько...

– Кто она такая? – спросил вдруг он, обернувшись к Таргизу.

– Она? Она преступница, Наставник. Живет тем, что отбирает средства к существованию у других людей, часто при этом убивает их.

– Тогда она тем более не проживет необходимого времени. Боюсь, как бы твоя находка не оказалась бесполезной, ведь из подобного континуума мы не сможем даже извлечь ее отражение в Мидр.

– Я думаю, Наставник Зоргорн, – осторожно начал Таргиз, – нам следует избрать совершенно противоположное решение. Если невозможно использовать то, что существует, то, быть может, можно создать нечто новое?

– Ты не хуже меня должен знать, что это невозможно: в мирах подобного рода на трансформацию уходит слишком много Сомы, при том, что результат далеко не всегда удовлетворителен. Кроме того, в половине случаев трансформативное копирование заканчивается гибелью объекта. Нет, забудь об этом, никто не даст нам необходимых ресурсов на таких условиях.

– Это не потребует таких больших затрат, как тебе кажется, Наставник, – в голосе Таргиза прозвучал оттенок затаенного торжества. – В данном случае можно применить иной способ. Если вместо прямой трансформации осуществить перемещение ментальной составляющей на другой носитель, пусть даже и с частичной его трансформацией, то Сомы уйдет совсем немного. Не потребуется даже пробивать осевой канал – хватит обычного спирального. Как раз сейчас рядом с ней почти постоянно находятся два человека – именно то, что нам нужно.

Зоргорн, с напряженным вниманием слушавший своего ученика, прервал его нетерпеливым жестом

– У тебя есть уже план воздействия на данный мир? Хотя бы в общих чертах?

– Нет еще, но некоторые соображения имеются.

– Тогда не мешкай, принимайся за работу немедленно. Как только ты закончишь, я немедленно доложу Высшим. Иди, а я еще понаблюдаю...

* * *

Странные дела со мной творятся. Как будто кто-то следит за мной все время, и днем и ночью. Плохо... Слыхала я от бывалых людей, что вот так ума лишаются; случилось, своих лучших друзей ни за что резали. И не нравится мне, как Ганс последние дни себя ведет. Что-то он определенно замышляет... Нет, надо уходить, чем скорее, тем лучше...

* * *

Перешагнув высокий, сияющий золотом порог, они оказались в обширном помещении со стенами цвета матового сапфира. Оба – и Зоргорн, и Таргиз одновременно склонились в церемониальном поклоне. Тот, кто их ждал, коротко кивнул, отвечая на приветствие. Внешне он не выглядел старым, не старше Зоргорна, но, тем не менее, от него исходила аура, глубокой, почти запредельной древности. Так мог бы выглядеть спустившийся на Землю бог.

– Я ознакомился с предложенным тобой планом, Таргиз, – начал он. – План твой хотя и не безупречен, но неплох, тем более, что подобный способ – единственный для получения Сомы из миров этого типа. Я не хочу обнадеживать тебя – вероятность неудачи достаточно велика. Ты, однако, хорошо поработал – прими похвалу от моего лица и от лица всех равных мне, – Таргиз вновь склонился в глубоком поклоне. – Прими и ты, Зоргорн, похвалу за столь способного ученика, – уста Высшего медленно роняли ставшие привычными за тысячи лет неизменные ритуальные фразы. – У меня, однако, имеется один вопрос к тебе, Таргиз: почему ты решил избрать для первичного воздействия Францию? Мне кажется, ты недостаточно обосновал свой выбор.

Таргиз вновь поклонился, досадуя про себя за столь очевидное упущение.

– Дело в том, Высший, что я уже достаточно долго являюсь куратором этого мира. И именно во Франции, по моему убеждению, сложилась наиболее благоприятная для нашего воздействия ситуация. Государственная власть достаточно слаба, среди правящего слоя нет прочного единства, а значительные массы населения весьма недовольны своим положением. С другой стороны. Франция является наиболее сильным государством этой части планеты, а кроме того, именно там располагается административный центр господствующей религии. Таким образом, установив над ней контроль...

– Достаточно. Я понял тебя и вполне удовлетворен твоим объяснением. Я одобряю представленный план. Сомы будет выделена в ближайшее время. Я так же освобождаю тебя от обязанностей куратора в отношении всех подведомственных миров на весь период операции. Иди и приступай немедленно.

Так судьба еще одной планеты переменилась по воле властителей Мидра.

Часть первая. СТЫГ С ЕДИНОРОГОМ.

*Да восстанешь ты из праха и взором своим повергнешь в
Бездну всех, дерзнувших заступить тебе путь!
Надпись на древнеегипетской гробнице.*

Интерлюдия

* * *

Информационно-логический блок № 38765-ата-609 – Серый.

Оперативная справка относительно плана мероприятий, предусмотренных к осуществлению, в порядке основной деятельности Хранителей.

Разработан куратором Таргизом и утвержден волей Высших.

Место осуществления. Хронально – пространственный континуум второго порядка, координаты – 56421 сектор, 578 ветвь, ответвление 42-ХД, хрональный уровень 329, причина возникновения – хронофлуктуация; длительность – нулевая; дистанция прогностического отражения – один солнечный год, протяженность обратной координаты времени – равна периоду существования континуума(98 солнечных лет на данный момент времени). Категория континуума по 1 критерию – вторая. Плотность точек перехода – 78,5 на сектор. Цивилизация от 1 до 7 дотехнологического уровня. Соответствие основной исторической последовательности: от 0 до 0,97 по регионам; в области социоструктуры– 1, повсеместно. Численность населения приблизительно 500 миллионов особей.

Пространственная локализация: Центральный материк, регион 234 по основному каталогу (Западная Европа).

Социальная локализация: сообщество 6 дотехнологического уровня, типа 8А.

Непосредственная цель: Создание фактотума.

Объекты воздействия.

Объект 0. Источник. Возраст– 24 солнечных года – приблизительно 128 красных единиц времени (1 цикл). Пол – женский. Имя собственное – Катарина. Общий биофизический индекс-0,91. Индекс ментальной составляющей -0,95; физиологической составляющей-0,97 от эталонной нормы. Необходимый коэффициент нейротрансгрессии-1,638. Необходимые затраты: Сомы: разделение и перенос-244400 единиц, закрепление – 74650, стабилизация-8110. Прочие энергозатраты 100000.

Вспомогательные объекты:

Объект 1. Носитель. Возраст– 26 солнечных лет – 138 красных единицы времени(1 цикл). Пол мужской. Индекс ментальной составляющей-0,7. Необходимые для деструкции затраты Сомы-2896 единиц, прочих энергоресурсов 5080 единиц. Индекс физиологической составляющей-0,97, ментальной составляющей-0,87 эталонной нормы. Необходимые для преобразования затраты Сомы-198720 единиц, прочие энергозатраты 65701 единица. Дополнительная информация: в ментальной составляющей объекта отмечается инверсия 5 составляющей 7 регистра. Коэффициент инверсии-0, 8.

Объект 2. Исполнитель. Возраст-44 солнечных года. приблизительно 233 красных единиц времени(II цикл). Пол – мужской. Индекс ментальной составляющей-0,9; физиологической-0,9 от эталонной нормы. Длительность пси-воздействия 11 синих единиц времени (7,8 солнечных суток) Необходимые затраты Сомы 400 единиц, прочие 0.

Осуществление возлагается на Хранителя Таргиза, Наставника – Хранителя Зоргорна и приданных им Хранителей-операторов Эста Хе, Марию Тер-Акопян и Хранителя-комавента Эорана Кхамдориса.

*** * ***

В полутьме, вокруг возвышавшегося на многоугольном постаменте черного параллелепипеда, стояли четыре человека. Трое мужчин в одеяниях касты Хранителей и женщина в длинном черном платье. На их лицах, под маской равнодушного спокойствия, проглядывало напряженное ожидание.

Вот один из них, казавшийся старше прочих, словно услышав безмолвный приказ, коротко взмахнул обеими руками. На одной из граней засветилось несколько огоньков. Вспыхнул один экран, за ним второй, третий. Пульт управления быстро оживал.

...Наблюдаемые характеристики объекта 0 удовлетворительные. Состав импульсов – соответствует базовым нормативным показателям. Прохождение импульсов через первичные каналы – без помех. Первичная подготовка объекта 0 и объекта Вспомогательный I (Носитель) силами объекта Вспомогательный II (Исполнитель) завершена успешно. Объект Вспомогательный II – выведен из операции в связи с отсутствием необходимости в его функционировании и нейтрализован. Отключить первичную связь?

Несколько экранов пульта мигнули, их залило ровным синим светом. Своим иным, внутренним зрением Хранитель увидел, как рвется паутина первичной связи, чтобы не помешать предстоящему.

Первичная связь отключена, контакт с Носителем потерян. Приступить к подготовке пробоя канала?

Машина задавала вопросы, и они – один за другим, отвечали, подтверждая правильность команд. То не было простой данью стародавнему обычаю, пришедшему из тех незапамятных времен, когда еще не было мыслящих машин. Слишком часто и на Мидре, и в иных мирах люди терпели поражения, именно потому, что слишком надеялись на созданную их руками и умом технику.

Далеко внизу под их ногами, в подземельях колоссального дворца сверхчувствительные поисковые сенсоры систем наведения нашаривали ничтожно слабый источник К-излучения; мозг человеческого существа, отличающийся от сотен миллионов себе подобных.

Эффекторы включены в цепь. Совмещение близко к 1. Расхождение отсутствует.

За тысячи километров отсюда открылись силовые заслонки в хранилищах Сомы, и невидимые потоки устремились по путепроводам к гудящим от напряжения накопителям излучателей. Повинуясь машинным командам стремительно набрали мощность реакторы, замелькали цифры на счетчиках распределительных узлов...

Совмещение – единица. Вероятность ошибки – 0,051. Подтвердить начало активной фазы. Запуск.

Конические рыльца эффекторов окутались облаком яркого света, из которого спустя долю мгновения вырвалась ярко-голубая стрела, чтобы унести сквозь толщу времени и пространства. Таргиз почти физически ощутил, как рвется под ее напором аморфный хаос межреальности, как стремительно тает заключенная в сияющем копье Сомы, разбрызгивая вокруг себя гигаватты впустую растрчиваемой мощи. Вот поток Сомы, утратив за краткие мгновения девяносто девять сотых своей силы, достиг цели и расплескался в разные стороны. Миг – еще два человеческих разума оказались в их полной власти...

...Контакт с Источником восстановлен. Контакт с Носителем произведен. Подтвердить начало фазы переноса.

Муть на мониторах светлела, и цепочки изменчивых символов уже не прыгали туда-сюда а медленно текли, строка за строкой, и все так же мертвый голос мыслящей машины повторял цифры и слова...

**...Подготовка окончена. Операционные объекты 0 и
Вспомогательный I – к трансформации готовы.**

В глубине экрана за клубился подсвеченный голубым туман. Из его матовой мглы выплывали замысловатые символы. Зеленые, голубые, бурые и ярко алые, они беспорядочно танцевали, словно снежинки в круговерти метели. Лишь очень опытный глаз мог различить что-либо в этой кажущейся бессмыслице. Глаза стоявших у пульта были именно таковы, и это беспорядочное мельтешение говорило им многое. Причин для тревоги пока не было, процесс проходил как будто нормально, но ни Таргиз, ни его Наставник, ни те, кто помогал им, не позволяли себе расслабиться ни на миг.

Начиналась самая ответственная часть процесса. Все внимание их обратилось на главный экран, где разгоралось алое свечение, собравшееся затем в безупречно правильный круг.

**...Первичная деструкция Носителя проходит в соответствии с
графиком. Амплитуда вибраций основных полей – 45,046; скелетных –
56,741; вторичных – 1238. Сеть кластерных ячеек сформирована.
Степень аморфности биомассы близка к оптимальной...**

Все новые и новые потоки энергий вливались в пробитый канал, разрушая содержимое мозга Носителя, проникая в каждую клетку его тела, изменяя и рисунок хромосом, уничтожая лишнее, добавляя нужное...

Тут уже бессильны были машины, тут как и в древние времена, на первое место выходили дарования Демиургов – то, что обычные люди называли бы магией или божественной силой. Ибо без них – без людей, способных усилием мысли и воли влиять на косную материю, бесполезны были все хитроумные изобретения, сделанные тут, на этой планете, на десятках других, и ныне поставленные на службу Мидру.

Экран засиял почти нестерпимым светом, его залило изумрудное сияние, смывая алый блеск, через мгновение сменившееся густо фиолетовым, чистого спектрального оттенка. За ними пришла зыбкая, неуловимо темнеющая синева, прозрачно голубая сверху, постепенно переходящая сначала в глубокую, как темный сапфир, а потом, внизу экранного поля, в бархатно-черную.

**Ментальная матрица объекта 0 захвачена, удержание прочное.
Физиологическая матрица объекта 0 захвачена, удержание прочное.
Базовый информационный пакет введен.
Подтвердить начало переноса матриц.**

...Свистящий писк сигнала тревоги разорвал тишину. Словно невидимая рука смела мгновенно поблекшие знаки, и в белом мареве проступило изображение, напоминающее угольно – черного паука с десятками лап. Кончики их налились алым, и через миг вся картина приобрела цвет свежей крови. Еще терция – и бледное зеленоватое свечение заполнило экран, стремительно густея, наливаясь темно – изумрудным.

**...Внимание! В структуре шестой составляющей
физиологической матрицы, в области, ответственной за первичное
поддержание жизнедеятельности, возникла аномальная пульсация,
близкая к критическому значению. Необходимо срочное
вмешательство операторов, в противном случае возможна цепная
реакция в структуре матрицы, вплоть до полного разрушения.**

Руки всех четверых, как по команде, метнулись к пульта, и он ответил на их приближение яркой вспышкой...

Разгоравшийся свет стремительно менял оттенки: темно– фиолетовый, темно– синий, ярко– голубой, зеленый, медовый, охристо-красноватый, густой оранжевый, багровый. В глубине что-то мерцало, пульсировало, словно билось гигантское сердце огненного дракона.

Колебания стабилизированы. Негативные изменения локализованы. Приступить к формированию дублирующего элементаря?

Многоцветные вспышки сменяли друг друга в стремительном темпе, и в такт многоцветному мерцанию подымались и опускались руки Хранителей.

Ритм многоцветного танца укорачивался, вспышки становились все реже и тусклее. Сотворение той, кто должна будет стать орудием их воли шло к концу...

Глава 1

* * *

....ОТКРЫВАЮ ГЛАЗА. Я ЛЕЖУ НАВЗНИЧЬ, НА ЗЕЛЕННОЙ, ТОЛЬКО ЧТО ПРОКЛЮНУВШЕЙСЯ ТРАВЕ. НАДО МНОЮ ЯРКО-СИНЕЕ НЕБО. ПРИПОДНЯВШИСЬ, ОСМАТРИВАЮСЬ: МЕСТО ВРОДЕ НЕЗНАКОМОЕ. ЧТО Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ? И КАК Я СЮДА ПОПАЛА? НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ; НЕ СРАЗУ ВСПОМИНАЮ ДАЖЕ, КАК МЕНЯ ЗОВУТ. ОТКУДА ЭТА СТРАННАЯ, НИ НА ЧТО НЕ ПОХОЖАЯ ТУПАЯ БОЛЬ ВО ВСЕМ ТЕЛЕ? И В ГОЛОВЕ СЛОВНО НЕ МОЗГИ А КИСЕЛЬ КАКОЙ-ТО! ПОЧЕМУ НА МНЕ МУЖСКАЯ ОДЕЖДА? ЭТО Ж ВРОДЕ ТРЯПЬЕ НАШЕГО ЯКОБА. ПОЧЕМУ Я ВСЯ В ЭТОЙ ВОНЮЧЕЙ ПОЛУЗАСОХШЕЙ СЛИЗИ, КАК БУДТО В БОЛОТЕ НОЧЕВАЛА? И КУДА, НАКОНЕЦ, ПОДЕВАЛИСЬ ГАНС С ЯКОБОМ?? СО МНОЮ ЧТО-ТО НЕ ЛАДНО, ОПРЕДЕЛЕННО НЕ ЛАДНО; ЧТО-ТО С ГОЛОВОЙ... НЕ БЫЛО НИКОГДА НИЧЕГО ПОХОЖЕГО, ДАЖЕ ПОСЛЕ КАКОЙ УГОДНО ПОПОЙКИ... И ЕЩЕ ЭТО ЧУВСТВО: БУДТО БЫ Я ЗАБЫЛА ЧТО-ТО ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ, Я ЧТО-ТО ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ... ЛАДНО, ХВАТИТ, ВСПОМИНАТЬ БУДЕМ ПОТОМ. СПЕРВА НАДО РАЗДОБЫТЬ НОРМАЛЬНУЮ ОДЕЖДУ ДА СМЫТЬ С СЕБЯ ЭТУ ГРЯЗЬ. КАК ВОТ ТОЛЬКО ДОБУДЕШЬ ОДЕЖКУ-ТО? СКАЗАТЬ, ЧТО НА РАЗБОЙНИКОВ В ЛЕСУ НАТКНУЛАСЬ, ОНИ МЕНЯ СНАСИЛЬНИЧАЛИ, ДОГОЛА РАЗДЕЛИ, А Я ОТ НИХ СБЕЖАЛА, И ВОТ ЭТИ ВЕЩИ ПРИХВАТИЛА? ВЕЩИ... РАНЬШЕ БЫ Я СКАЗАЛА – БАРАХЛО. И В САМОМ ДЕЛЕ СО МНОЮ ЧТО-ТО НЕ ТАК. КАКАЯ-ТО Я НЕ ТАКАЯ... И ГОВОРЮ, И ДУМАЮ НЕ ТАК, КАК РАНЬШЕ. И ЕЩЕ ЭТО ЧУВСТВО: СЛОВНО Я – ЭТО И НЕ СОВСЕМ Я, А... НЕ ЗНАЮ ДАЖЕ КТО. И СЛОВ ТАКИХ НЕТ НИ В ОДНОМ ЯЗЫКЕ. СТОП! А ПОЧЕМУ НИ В ОДНОМ, С ЧЕГО Я ВЗЯЛА?! И СЛОВА ЭТИ НЕ МОИ, ТОЧНО НЕ МОИ; Я И НЕ ЗНАЛА ТАКИХ. О ГОСПОДИ! ДА РАЗВЕ РАНЬШЕ СТАЛА БЫ Я ВООБЩЕ ДУМАТЬ: КАК Я ГОВОРЮ, И ЧТО ЗА МЫСЛИ У МЕНЯ В ГОЛОВЕ! ТАК, НАДО УПОКОИТЬСЯ; СНАЧАЛА ОДЕЖДА, ДА И ПОЕСТЬ (РАНЬШЕ Я СКАЗАЛА БЫ – ПОЖРАТЬ) НЕ МЕШАЕТ. И ВПРЯМЬ В БРЮХЕ ПУСТО, КАК У НИЩЕГО В КОТОМКЕ. ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?? ПОЖАЛУЙ, ПРО РАЗБОЙНИКОВ ГОВОРИТЬ НЕ СТОИТ: ЕЩЕ ВСПОЛОШАТСЯ, НАЧНУТ РАССПРАШИВАТЬ, ЧЕГО ДОБРОГО – СТРАЖУ КЛИКНУТ. А МОЖЕТ И НЕ НАДО ГОВОРИТЬ НИЧЕГО, А ПРОСТО ДОЙТИ ДО ПЕРВОГО ПОСТОЯЛОГО ДВОРА, ШМЫГНУТЬ К ХОЗЯИНУ ДА И РАЗДВИНУТЬ НОГИ? НЕТ, ПОЖАЛУЙ: В ТАКОЙ ОДЕЖДЕ ДАЛЕКО НЕ УЙДЕШЬ. ЧЕРТ ВОЗЬМИ! А ВЕДЬ СО МНОЙ И В САМОМ ДЕЛЕ ЗДОРОВО НЕЛАДНО: ПОДУМАЛА – КАКИМ МЕСТОМ ЛУЧШЕ ОДЕЖДУ ЗАРАБОТАТЬ, И НИКАКИХ МЫСЛЕЙ ПРИЯТНЫХ НЕ ВОЗНИКЛО. А ВЕДЬ МНЕ ВСЕГДА БЛИЗОСТЬ С МУЖЧИНАМИ НРАВИЛАСЬ! БЛИЗОСТЬ... – СЛОВО-ТО КАКОЕ! ОХ, ЧУЕТ МОЕ СЕРДЦЕ... ЛАДНО, ЧТО ЭТО

*Я ЛЕЖУ И ВОДУ В СТУПЕ ТОЛКУ-ВСТАВАТЬ НАДО ДА ИДТИ ХОТЬ КУДА-НИБУДЬ.
ПОТОМ РАЗБЕРУСЬ – ЧТО И КАК...*

*** * ***

Информационно-логический блок № 8111-као-004-Белый.

Оперативный отчет о состоянии фактотума на данный момент (13 оранжевых единиц времени, 29 солнечных часов с окончания трансформативного воздействия).

Полная контрольная проверка окончена. Информация о состоянии фактотума: физиологические характеристики 0,75 – 0,85 от нормы, характеристики ментальных составляющих соответствуют расчетным.

Распределение модулятивных рядов в синей и алой части спектра свидетельствует о повышенной частотности в сравнении со стандартной моделью. Психоэмоциональное состояние пониженное, в спектре преобладание серых и коричневых фракций, имеет место значительная тревожность и растерянность. Адаптивная способность незначительно ниже нормы. Способность к суггестивному воздействию-0,45 от расчетной. Состояние первой сигнальной системы – соответствует норме. Состояние второй сигнальной системы – соответствует норме. Состояние третьей сигнальной системы – соответствует норме.

Предварительные данные свидетельствуют о том, что трансформация завершилась удовлетворительно.

Резюме: фактотум может быть задействован незамедлительно. Рекомендации: задействовать объект в режиме частичной ретрансляции.

*** * ***

Не отрываясь, смотрел Зорггорн, как существо, созданное ими, делает первые шаги. Запасов Сомы, истраченных на него вполне хватило бы, чтобы обратить воду любого из морей Мидра в твердь или начисто изменить ландшафт одного из девяти материков.

...Какие же великие силы повинуются им и как страшна может быть ошибка владеющих подобными силами!

Таргиз был занят более прозаическими размышлениями.

Фактотум уже вполне в состоянии действовать самостоятельно, и это прекрасно. Однако она еще не осознала себя в новом качестве, несмотря даже на глубокую реморализацию и начавший действовать базовый информационный пакет. В ней еще слишком много от прежней Катарины Безродной, поэтому давать ей волю пока не следует. Повременим пока давать ей волю.

*** * ***

*...А ВОТ И ЖИЛЬЕ. ДЕРЕВНЯ НА ВИД ТАК СЕБЕ, ДВОРОВ СТО. ЗАМКА РЯДОМ
НЕТ – ХОРОШО, СОВСЕМ ХОРОШО. ЛЮДЕЙ НА УЛИЦАХ НЕ ВИДАТЬ.ТОЖЕ НЕПЛОХО.
НАДО ПОТОРОПИТЬСЯ, ЛУЧШЕ ЕСЛИ НЕ УВИДИТ НИКТО. ВОН ТОТ ДВОР, ПОХОЖЕ,*

ТО, ЧТО НАДО: БЕДНОВАТЫЙ, НО НЕ СОВСЕМ УЖ НИЩЕНСКИЙ. А КАЖДЫЙ ЗНАЕТ: БЕДНЯК СКОРЕЕ ПОДАСТ ПРОСЯЩЕМУ, ЧЕМ КУРКУЛЬ КАКОЙ. МИМО МЕНЯ ПРОБЕГАЮТ ДВОЕ МАЛЬЧИШЕК – НЕ УСПЕЛА РАЗГЛЯДЕТЬ, ОТКУДА ОНИ ВЫСКОЧИЛИ; ТЫЧУТ В МЕНЯ ПАЛЬЦАМИ, ЧТО-ТО КРИЧАТ. ЭГЕ!! ДА ОНИ, КАЖИСЬ, ПО-ФРАНЦУЗСКИ ВОПЯТ? Я, ВЫХОДИТ, ВО ФРАНЦИИ, ЧТО ЛИ? ТАК ВЕДЬ ДО ГРАНИЦЫ БЫЛО НЕБЛИЗКО. И ЧТО СТРАННО – Я ВЕДЬ ФРАНЦУЗСКИЙ ЗНАЛА, КОНЕЧНО, ТАК ВЕДЬ ОТ СИЛЫ ПОЛСОТНИ СЛОВ, А ВСЕ ЧТО ОНИ СЕЙЧАС ВЕРЕЩАТ – ОЧЕНЬ ДАЖЕ ХОРОШО ПОНИМАЮ. ДА ЗА ТАКИЕ СЛОВА! ОХ, ПОПАЛИСЬ БЫ МНЕ ЭТИ ЩЕНКИ РАНЬШЕ!! ВХОЖУ ВО ДВОР, ТОЛКНУВ ЕЛЕ ДЕРЖАЩУЮСЯ КАЛИТКУ. НАВСТРЕЧУ МНЕ ИЗ ДОМА ВЫХОДИТ БЕДНО ОДЕТАЯ ЖЕНЩИНА. СКАЗАТЬ ЕЙ ПРО РАЗБОЙНИКОВ? ИЛИ ЧТО ПОКА КУПАЛАСЬ, ОДЕЖДУ УКРАЛИ, А ЭТУ БРОСИЛИ.?... ЧТО, ЧТО Я ГОВОРЮ?! НЕТ, ЭТО НЕ Я! СЛОВНО КТО-ТО ЧУЖОЙ ШЕВЕЛИТ МОИМ ЯЗЫКОМ, ЗАСТАВЛЯЕТ ОТКРЫВАТЬСЯ МОИ ГУБЫ, И Я НЕ МОГУ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ ЕМУ... ЧТО-ТО О ВОЛЕ ГОСПОДА, О СПРАВЕДЛИВОСТИ, ОБ ИСТИНЕ, О ГРЕХАХ, О ЦАРСТВЕ БОЖЬЕМ НА ЗЕМЛЕ... ГОВОРЮ, ГОВОРЮ, А ДВОР МЕЖ ТЕМ ВСЕ БОЛЬШЕ НАПОЛНЯЕТСЯ ЛЮДЬМИ...

* * *

Королевство Французское. Графство Шампань. Вокулер.

Первые числа марта 1347года.

В это ясное мартовское утро Гийом Ивер был явно не в духе. Сказать по правде, вокулерского коменданта злила каждая мелочь. Рыбная похлебка, поданная женой на завтрак, казалась прокисшей и пересоленной; вино разбавленным; грязь на улицах особенно непролазной, а уха-жер дочери, явившийся с визитом с утра пораньше... При последней мысли коменданта буквально взорвало: «Как же, жениться он хочет! Небось, только одно на уме – поскорее затащить Хелен в темный угол, да завернуть ей юбки!». Баронский пащенок! Ему бы только поскорее всунуть девке между ног и без разницы: что дочка поденщика, что любимое дитя поседевшего на королевской службе человека! Комендант громко произнес по адресу своего предполагаемого зятя – шевалье де Альми, несколько слов, услышав которые тот, не раздумывая, схватился бы за меч.

Впрочем, он тут же пожалел о собственной несдержанности, ибо на лице вынырнувшего из узкого переулка аббата Жоржа отразилось брезгливое неудовольствие. «Вот и монаха встретил; все одно к одному». Нет, определенно сегодняшний ранний вызов к бальи¹ ничего хорошего не сулил.

– Здравствуйте, святой отец, – слегка поклонившись, поприветствовал он клирика, пытавшегося обойти обширную навозную лужу. – Здравствуйте, сын мой, – бросил тот в ответ. С его круглой физиономии не сходила брезгливая мина; правда, непонятно было, относится ли она к брани Ивера, или к луже, куда все-таки угодила его обутая в войлочный башмак нога. – Сын мой, а вы не к бальи идете?

Комендант остановился, слегка огорошенный.

¹ Бальи – глава административно – судебного округа, на который подразделялись провинции – бальяжа. Как правило – мелкий незнатный дворянин.

– Ээ, святой отец, как вы догадались?

– Дело в том, что я сам иду к нему же; мне передали, что он хочет видеть меня по важному и не терпящему отлагательства делу, вот я и подумал, видя вас идущим в ту же сторону... А что могло случиться, вы не знаете?

– Нет, святой отец, ума не приложу.

В сопровождении монаха комендант перешел городскую площадь, в этот час еще пустую и безлюдную, обрамленную с трех сторон запертыми лавками, верхние этажи которых служили жильем хозяевам. Ускорив шаги, они направились к дому бальи. Ивер поприветствовал стоявшего у ворот стражника, тот отсалютовал в ответ взмахом алебарды.

– Слушай, приятель, – спросил он, пока отец Жорж оправлял одеяние, – ты не знаешь, зачем мессир Антуан меня вызвал?

– Не знаю, мэтр Гийом. Хотя, может, из-за позавчерашнего: слыхали, должно быть – неподалеку от границы опять двух купцов ограбили.

Уже войдя в ворота, комендант вдруг задумался: а почему, собственно, здесь стоит стражник? Раньше такого вроде не водилось... Слуга торопливо провел их по лестнице наверх, в кабинет бальи.

При взгляде на его хмурое озабоченное лицо комендант понял, что опасения были небеспочвенны.

– Вот почему я позвал вас, уважаемые, – сразу взял быка за рога Антуан де Камдье, когда после обмена приветствиями вошедшие уселись напротив него на длинной скамье. – В бальяже бунт.

– Бунт?! – в один голос переспросили доминиканец и комендант.

– Да бунт и, скажу вам, бунт прескверный. Начать с того, что его возглавила какая-то баба, взявшаяся вообще непонятно откуда. Но это, само собой, не главное. Бунт начался дня два-три назад, а взято уже два замка. Всех дворян, даже женщин и грудных детей, зверски убили. Так же растерзали нескольких священников, пытавшихся увещевать мужиков.

Отец Жорж издал звук, напоминающий сдавленный стон, рот его приоткрылся.

– Два замка? – озадачено пробормотал Гийом Ивер.

– Да, Буи и Сен-Жерар де Энни.

– Сен-Жерар?! –

Комендант даже привстал: услышанное заставило его на миг забыть обо всем. Даже тревожное, мучительное ощущение, возникшее в его душе, как только он услышал слова бальи о бунте, отступило куда-то.

– Сен-Жерар?? – повторил он. – Быть не может!!

Замок Буи, как ему было известно, представлял собой довольно плохонькое сооружение с одной полуразвалившейся башенкой, низкими стенами, что не ремонтировались уже лет тридцать, и не имел даже приличного рва. Хотя и его взять с ходу необученной толпе было бы весьма непросто. Но Сен – Жерар? Цитадель графов де Энни с ее восемью башнями, донжоном высотой в полтора фута, двойным кольцом несокрушимых стен, глубоким рвом, огромными запасами... Крепость, которую даже небольшой гарнизон способен удержать против неизмеримо более сильного противника(что и случилось не единожды)...

– Как такое могло случиться?? – выдохнул Ивер.

– Бальи почему-то оглянулся на доминиканца, лицо которого пошло красными пятнами.

– Не знаю. Я сам не очень понял. Какая-то хитрость, вроде бы... Но самое плохое даже не то, что они взяли замок.

– Святой отец, – понизив голос обратился бальи к настоятелю. – Эта баба проповедует крестьянам чистейшую ересь. И люди, наслушавшись ее, покидают свои дома и толпами идут за нею. Вы понимаете, чем это пахнет?? Впрочем, вы сами все услышите.

Бальи позвонил в колокольчик, что-то вполголоса приказал заглянувшему в приоткрытую дверь слуге. Спустя полминуты в комнату вошел, втянув голову в согбенные плечи, маленький худой человечек. Лицо его было исцарапано вдоль и поперек, на скуле красовался набухший кровью огромный синяк. Украшавшая его голову свежесбрита тонзура, пересеченная крест накрест свежими следами бича, и длинное черное одеяние, когда-то щегольское, а сейчас разодранное и заляпанное засохшей тиною и грязью, выдавали в нем служителя церкви. Был он еще молод, не достиг еще, пожалуй, тридцати, и седая прядь в черных волосах выглядела странно и жутко. Он остановился у порога, переводя маленькие черные глазки то на бальи, то на отца Жоржа, то на коменданта. Больше всего он напоминал сейчас испуганную мышь, осторожно выглядывающую из своей норки. Да, несомненно, человек этот был очень сильно напуган. И нечасто приходилось видеть Гийому Иверу за свою жизнь людей, переживших столь сильный страх.

– Садись, – коротко приказал бальи. Торопливо закивав, тот опустился на стоявший в углу табурет.

– Повтори вот для них, – рука бальи указала в сторону аббата и коменданта, – все, что ты уже рассказал мне.

– Зовут меня, мме-мессеры... – каждое слово давалось ему с видимым трудом – Пьер К – кене. – Я, с позволения вашей милости... кх-х, буду причетник в церкви замка С – сен – кхе-кхе-йе... – горло человечка издало что-то вроде хриплого кваканья, и он замолк, хватая ртом воздух. С досадой хмыкнув, бальи извлек из под стола флягу и протянул причетнику. Тот с жадностью принялся хлебать вино, однако бальи тут же отобрал сосуд, не позволив слишком долго наслаждаться живительной влагой. Отдышавшись и вытерев дрожащей рукой губы, человечек, собравшись с силами, вновь начал говорить...

...Утром вчерашнего дня на главном донжоне замка Сен-Жерар де Энни затрубили тревогу. Вместе с прочими обитателями замка поднялся на стены и встревоженный Пьер Кене. С первого же взгляда было ясно, что в графских владениях имеет место бунт. Ибо что еще могла означать движущаяся в их сторону толпа в тысячу с лишним человек, о намерениях которых недвусмысленно говорили вилы, топоры и суковатые дубины в их руках. В замке оставалось только шесть десятков солдат: большая часть гарнизона была отправлена графом в его владения, лежавшие на границе с Фландрией, где опять было неспокойно. Само собой, котлов со смолой и кипятком на стенах Сен-Жерар тоже не было, а метательные машины еще прошлой осенью были разобраны и заботливо укрыты от непогоды в подземельях. Однако, хотя обитатели замка и почувствовали себя не очень уютно, страха ни у кого не возникло. Ведь Сен-Жерар всегда считался неприступным, а под стенами его сейчас собралось всего-навсего жалкое мужичье.

Меж тем толпа приблизилась уже настолько, что можно было различить землистые, грязные лица тех, кто явился штурмовать крепость, о которую в прошлую войну обломало зубы отборное воинство герцога Лотарингского. Высунувшись из бойницы старший сын графа, двадцатидвухлетний Арно де Энни (сам граф лежал тяжело больной), грозно осведомился: что им здесь надо, и приказал, чтобы они немедленно убирались прочь, предварительно связав и выдав зачинщиков, иначе висеть им всем на стенах вниз головой. И тут же получил стрелу в щель забрала.

Через мгновение на стены обрушился настоящий ливень смерти. И лучники, прятавшиеся до времени среди толпы, оказались на удивление меткими. Стрелы и арбалетные болты влетали во множество в бойницы, почти не давая возможности вести ответную стрельбу. Вскоре почти половина защитников, среди которой оказались и все командиры, были убиты и ранены. Но этого причетник уже не видел, поскольку был среди тех, кто унес прочь смертельно раненого юношу и все оставшееся время провел вместе с замковым кюре, который пытался утешить как мог, графиню и ее дочерей, рыдавших возле метавшегося в агонии тела их сына и

брата. Поэтому сам он не видел того, что произошло потом, и узнал об этом только из разговоров мятежников. А случилось вот что. Пока оставшиеся без командиров солдаты почти все собрались на западной стене, часть нападавших скрытно подобралась с другой стороны, быстро навела через ров наплавной мост из принесенных с собой бочек, бревен и досок, после чего были закинута на стену веревки с крючьями. Должно быть, часовые выставленные с той стороны, были перебиты стрелами или случилось еще что – нибудь, но это осталось Пьеру неизвестно. Взобравшись наверх, нападавшие легко преодолели второй пояс стен и после краткой яростной схватки, в которой пали почти все защитники, открыли ворота и опустили мост. Ревущая толпа оборванцев ворвалась в замок. Никаких подробностей этого боя причетник так же сообщить не мог – увидя бунтовщиков во дворе замка, он, совершенно потеряв голову от ужаса, принялся метаться, как заяц, по залам и коридорам, среди такой же напуганной, ничего не понимающей челяди.

Комендант невольно потряс головой. Странное, назойливое ощущение того, что все происходящее сейчас уже было с ним когда-то, путало мысли и мешало вникнуть в суть того, что говорил Пьер Кене.

Нервная речь причетника словно уплывала куда-то, отдалялась, как будто он говорил о чем-то незначительном и не имеющем касательства к нему.

Сделав усилие, он заставил себя вновь сосредоточиться на рассказе Кене.

Его, вместе с мажордомом и еще несколькими старшими слугами, схватили, вытащили во двор, немилосердно колотя и, скрутив, швырнули на землю. После этого о них на какое-то время забыли. По всему двору валялись раздетые изрубленные тела защитников, и собаки слизывали текущую из ран кровь. Здесь же, у галереи, под охраной мужиков с вилами сгрудилось полтора десятка связанных как куры, израненных пленных.

Тем временем, мятежники учинили во взятом замке какой-то безумный шабаш. Они резали гобелены и ковры, сдирали со стен драгоценные занавеси и кусками их обматывали грязные босые ноги. Они крушили и ломали резную мебель, били стеклянную посуду, дубинами разнесли в пыль витражи, привезенные из Венеции – предмет гордости хозяев. Многие справляли нужду прямо на инкрустированный деревянный пол. Казалось, бунтовщики стремятся даже не грабить, а разрушать. Во дворе возникла драка из-за золотой и серебряной утвари замковой часовни – ее рубили на мелкие куски топорами.

Отец Жорж, по ходу рассказа становившийся бледнее и бледнее, истово перекрестился.

От мужчин не отставали и женщины. Целая толпа галдящих баб окружила выкинутые на радость им из окон сундуки, где хранились дорогие платья, и казалось, вилланки вот-вот вцепятся друг другу в волосы, не в силах поделить господские тряпки.

Мимо него проволочили кричавших и плачущих хозяйку замка и ее дочерей. За ними тащили жестоко избитых, почти голых графа – он уже еле дышал, вместе с младшими сыновьями. «Пусть посмотрят!» – гоготали мужики. А какая-то женщина вцепилась графу в окровавленную бороду с воплем: «Будет тебе, ублюдок, право первой ночи!».

Отовсюду слышались вопли насилуемой прислуги, пьяные выкрики и песни: новые хозяева Сен-Жерар принялись опустошать его обширные винные погреба. Вновь вспыхнула драка, на этот раз за лошадей и коров, стоявших в хлевах Сен – Жерар, но дюжина крепких мужчин с тяжелыми палицами быстро восстановила порядок, проломив кому-то череп. С донжона сбросили кюре и нескольких приставов; потом подняли на вилы управляющего (в тот момент Пьер Кене решил, что пришел и его смертный час). Но самое страшное ожидало его впереди.

– Клянусь вам, клянусь, – жалобно бормотал причетник. Я...я не смогу про это рассказать как должно... Это надо было слышать и видеть...

Гомон сборища вдруг затих, как по мановению руки чародея, и в наступившей тишине послышался стук копыт. Во двор Сен-Жерар де Энни въехала на белоснежной лошади моло-

дая, необыкновенно красивая женщина, одетая в длинное белое платье. Голова ее была непокрыта, и распущенные волосы цвета темного золота ниспадали на плечи.

Все кто был во дворе, опустили разом на колени, протянув к ней руки... Слушая сбивчивый, местами невнятный рассказ причетника, комендант лихорадочно пытался понять: в чем же дело, что его так мучает? Откуда это чувство, что он не понял, упустил нечто важное?

Конечно, все сейчас услышанное было само по себе странно и невероятно. Но все же не настолько, чтобы смутить его, повидавшего и не такое. И, главное, почему ему все время кажется, что подобное уже было с ним когда-то? Предчувствие надвигающейся катастрофы на миг стало почти непереносимым, и он еле сдержался от крепкого словца, которым привык успокаивать нервы.

Глядя на окаменевшие лица коменданта и служителя церкви, де Камдье подумал о том, что всего два часа назад, первый раз выслушав излияния трясущегося от страха коротышки, уже был близок к тому, чтобы принять того за умалишенного. Но когда он уже почти в этом уверился, прибежал один из охранявших городские ворота стражников, сообщивший, что к воротам прискакал человек из замка Буи, твердящий, что сегодняшней ночью он взят взбунтовавшимися крепостными, ведомыми какой-то женщиной, а все его обитатели перебиты. Из его плеча торчал обломок стрелы, красноречиво подтверждавший истинность его слов, а значит, и рассказа Пьера Кене.

– Они приветствовали ее как – простите, святой отец – как посланницу самого господина Бога, они рыдали... Лица у них были... А когда она начала говорить... Они... как будто сама Дева Мария... – всхлипнул причетник, не в силах больше вымолвить ни слова: его горло перекрыл тяжелый комок, зубы отстукивали барабанную дробь. В это мгновение он вспоминал *ее* голос, голос от которого замирало сердце и холодела душа, голос необыкновенно красивый, свободно льющийся, чистый и высокий. Голос, в котором звучали все соблазны ада... или рая? Голос, наполненный неимоверной, непредставимой силой... Состояние его в эту минуту неведомым образом передалось слушателям. Ни один из них, кстати, ни разу за время рассказа не перебил говорившего.

У коменданта знакомо и нехорошо шевельнулось в груди. Недоброе предчувствие ощущимо укололо сердце. Что-то во всем этом было не так, определенно не так.

Он встряхнул головой, отгоняя это пренеприятное ощущение.

«Что это со мной? Что-то вроде знакомое. Заболел я что ли?»

– Она, – кое как справившись с собой продолжил причетник, – изрекала хулу на короля, на рыцарство, на церковь, говоря, что они все служат Антихристу, предались ему всей душой и ведут христиан к гибели...

И они, став на колени, поклялись, что пойдут за ней, куда угодно, и не опустят оружия пока... пока... не смею повторить это... пока она не сядет на трон, а все ее враги не погибнут... – причетник умолк, слезы полились из глаз. Слишком много страшного случилось за этот день, тем более для него – мирного человека, всю свою жизнь прожившего в тишине, покое и сытости под крылом богатых и могущественных людей, пересидевшего войны и смуты за неприступными стенами, даже ни разу не взявшего в руки оружия.

Несмотря на все его мольбы о пощаде, все слова о том, что он никому из них не делал зла, его, избив и отхлестав кнутом, швырнули в колодец. Должно быть, после всего, что с ним случилось, Господь сжалился над ним. Он не утонул, не потерял сознания и не захлебнулся, хотя, падая, несколько раз сильно ударился головой о каменную кладку, и воды в колодце, по счастью, оказалось лишь по грудь. Сброшенные следом за ним несколько увесистых булыжников также не причинили ему вреда. И, наконец – воистину промысел Божий: именно в этот колодец выходил подземный ход, один из трех имевшихся в замке. Как на пределе сил втянул готовое уже расстаться с душой тело в узкую щель хода, как в непроглядном мраке, отпирав засовы выходившей на глинистый обрыв двери, замаскированной под корягу (когда-то, этот

ход показал ему погибший на его глазах жуткой смертью кюре), он почти не помнил. Затем он чудом – воистину чудом, потому что толком и ездить верхом не умел – поймал бродившего поблизости мула, сбежавшего из разоренных замковых конюшен. Потом – сколько прошло времени причетник не имеет представления, но солнце уже заходило – животное сбросило его и, еле живой, он побрел куда глаза глядят. Он шел всю ночь и под утро рухнул совершенно без сил у ворот Вокулера...

...Комендант вдруг почувствовал, как по всему телу разливается ледяной холод.

Он внезапно понял, что означает это неотвязное чувство, вспомнил, почему знакома ему эта пульсирующая боль за левым ухом. Дневной свет стремительно заволокла мутная багрово-красная дымка.

Совсем как тогда под Байонной... Нет, сейчас гораздо сильнее... Насколько же сильнее!! Неужели смерть?! Проклятое бабкино наследство!

...Волна боли, словно чья-то тяжелая лапа сдавила голову, разламывая череп. В глазах потемнело. Тело вмиг налилось свинцом, и кровь, тяжело проталкиваемая сердцем по жилам, словно обратилась в вязкую ртуть.

...О, черт, как же жжет затылок, словно в череп вонзился раскаленный железный прут!

– Эй, приятель! Что такое? – голос бальи долетал до него, как из-за каменной стены. На тебе лица нет!

Крепкая рука встряхнула его за плечо

– Прошу прощения мессир де Камдье – что-то... нездоровится мне, – собственные слова доносились до него как в бреду. – Должно быть, простыл.

Мгла перед его взором рассеивалась. По лицу обильно струился холодный пот, казавшийся густым и липким, внизу живота еще тошнотворно шевелился тяжелый комок, но боль понемногу уходила.

– В общем, так, – заявил бальи после того как за причетником из Сен-Жерара затворилась дверь, – Этот мятеж надо раздавить немедленно, иначе все может кончиться, – он запнулся, с неудовольствием глядя на впавшего, похоже, в полную прострацию аббата, бормотавшего что-то невнятное о колдовстве и кознях нечистого, – очень плохо.

– Вы, святой отец, обдумайте что следует сделать.

– Нужно немедленно известить епископа, – тут же откликнулся поп.

– А ты, почтенный Ивер, поднимай гарнизон: он должен быть готов выступить в любую минуту.

– Что? – спросил комендант, изо всех сил пытавшийся взять себя в руки.

– Ты что, не слушаешь меня?! – резко повернулся в его сторону бальи.

– Нет, мессир, я только хотел спросить... – ээ – весь гарнизон или...

Что за вопросы? – Камдье даже не скрывал недовольства. В конце концов, – кто здесь комендант – ты или я?

Действуй, одним словом, и не мешкай.

* * *

Назвав, в сердцах, претендента на руку своей дочери пашенком, старый вояка погрешил против истины, и надо сказать преизрядно. Шевалье Филипп де Альми происходил от вполне законного, хотя и уже третьего по счету брака своего отца, барона де Альми, сира Граньяна. То обстоятельство, что покойный барон был человеком весьма небогатым, равно как и то, что Филипп был четвертым по счету его отпрыском только мужского пола, а к тому же у него имелось еще шесть сестер, и определило его судьбу. Уже в шестнадцать лет он покинул ветхий кров родового замка и отправился искать счастья. За пять лет, прошедших с того дня он

успел поучаствовать в двух больших войнах, быть посвященным в рыцари, получить две раны и посидеть в тюрьме за избиение королевского чиновника.

Ошибался почтенный воин и относительно намерений шевалье. Безусловно, пышные прелести юной золотоволосой красавицы Хелен занимали немалое место в его голове. Но на этот раз Филипп был по настоящему влюблен, и влюблен настолько, что лишь ее видел своей женой. Однако от того, чтобы немедленно сделать ей предложение, его удерживали некие весьма существенные обстоятельства. Смущало его вовсе не простое происхождение избранницы – это-то как раз мало его беспокоило: не он первый, не он последний. Все дело было в том, что шевалье страдал тем трудноизлечимым недугом, коим страдало множество знатных, равно как и не знатных людей: у него совершенно не было денег.

Семейство его по понятным причинам помочь не могло, богатых родственников, даже дальних, не имелось, а барон де Боле, у которого служил шевалье, сам сидел по уши в долгах.

Стыдно сказать – даже на приличную свадьбу денег не сыскать; ему и продать-то нечего. Даже доспехи, которые он носит, – и те не его собственные, а одолжены сюзереном. Да и сколько за эту ржавь выручишь? Десять золотых – и то хорошо. Есть, правда, еще конь, которого он выиграл прошлым летом в кости у проезжего рыцаря. За него давали, не торгуясь, двести ливров, только Филипп не расстанется со Шмелем и за две тысячи.

А на что он будет жить с молодой женой? Неужели придется поселиться приживалом у тестя? Одна только мысль об этом причиняла Филиппу истинные муки. Или вернуться в родной дом? Старший брат, конечно, не прогонит, но что его там ожидает? Бедность, жидкая похлебка на обед и ужин; скандалы с ростовщиками, ежедневное брюзжание матери – вот уж у кого происхождение Хелен вызовет истерику... Нет, такая жизнь не для него.

Поневоле тут позавидуешь папаше Гийому: и жалованье худо-бедно, а получает, и добычи должно быть прикопил. Что за жизнь – хоть в монастырь уходи! И почему бы Хелен не оказаться дочерью богатого купца?!

Его невеселые мысли не могло разогнать даже то, что только сегодняшним утром ему украдкой от отца, удалось-таки перемолвиться парой словечек с Хелен, и назначить ей свидание в церкви, в шестом часу вечера.

Размышления шевалье де Альми, которым тот предавался в корчме у городских ворот, за кружкой яблочного вина, были прерваны появлением корпорала² из замка Боле, с повелением срочно явиться на службу. По выражению лица старого Барнабе шевалье понял, что дела плохи. Быстро допив сидр, и швырнув на стол монету – предпоследнюю между прочим, он вышел вон.

* * *

Информационно-логический блок № 8111-као-004 – Белый.

Дополнительная информация, затребованная ответственными исполнителями, о состоянии фактотума. Ретранслируемый сигнал развернут частично. Коэффициент развертки -2 стандартные единицы. Радиус первичного воздействия – 30 стадий. Отмечена спорадическая инверсия 7 и 8 подсистем в 4 регистре, значение 20 единиц вниз от оптимума в пике. Активные характеристики носителя – в норме; реакция двойника полностью адекватна; сцепление – общее 0,97, внутриментальное-0,91. Фрактальность 0,0177 (в пределах Н-константы). Пропускная емкость дубль – канала 0,2 от необходимого значения. Хрональная энтропия при межфазовом переходе отсутствует. Начато формирование основного ретранслирующего блок – канала.

² Корпорал – нечто вроде ефрейтора.

* * *

Комендант вышел за ворота дома бальи и, пройдя не больше двадцати шагов, остановился – силы совершенно оставили его.

Страх не было. Вместо него на дне души колыхалась мутная тоска, мешая собраться с мыслями. Без удивления он почувствовал, как дрожат руки. Взгляд его упал на виселицу, возвышавшуюся на площади над помостом из неструганных досок.

«Не долго же ей пустовать», – отрешенно подумал Гийом, и, собравшись с силами, побрел куда глаза глядят.

Вот значит оно как...

Он вдруг явственно вспомнил свою бабу, старую бретонку Иможен, рано увядшую, хоть и с явными следами былой красоты, на дне черных глубоко запавших глаз которой прятался тщательно таимый неизбывный испуг. Вспомнил, как однажды еще будучи совсем маленьким, увидел, как она достала откуда-то из тайника старинные амулеты, покрытые непонятными письменами и ни на что не похожими, но нагонявшими невнятную жуть изображениями, и шептала над ними что-то на своем языке.

Вспомнил и слова деда, когда он будучи в сильном подпитии, повздорил из-за чего-то с матерью, и обозвал ее, а заодно и явившегося на шум своего старшего сына, дядьку Эжена, проклятым ведьминым отродьем. После чего добавил, что он, должно быть, погубил свою душу, связавшись с язычницей. Дед потом наорал на маленького Гийома, когда тот, мучимый любопытством, простодушно спросил, почему это он обзывал бабушку язычницей и ведьмой, ведь она верит в бога и часто ходит в церковь?

«Никогда! – рычал дед, тряся потерявшего дар речи Гийома за шиворот, – никогда не мог сказать я о своей добродетельной и богобоязненной жене такой гадости! Ты просто по малолетству не понял ничего, вот и лезет в голову всякая чушь!». Дед размахивал кулаками над головой плачущего внука, обещал выпороть нещадно, если еще хоть раз что-то подобное услышит, а в глазах его был все тот же страх. Много позже Ивер поймет причину его.

И вспомнил он еще разговор с бабушкой, перед тем как в восемнадцать лет первый раз ушел на войну. Когда уже все изрядно набрались на проводах, она, к тому времени уже дряхлая, согнутая годами, с трудом передвигавшая ноги старуха, отозвала его в сторону и поведала что, быть может, ему, ее младшему внуку, седьмому по счету (почему-то она несколько раз упомянула об этом), перейдет от нее, через поколение, дар предчувствия опасности. Она, не обращая внимания, на скептическую ухмылку подвыпившего юнца, подробно описало чувство возникающее при этом, добавив, что предупредит оно лишь о смертельной угрозе и укажет, даст почувствовать путь к спасению, и что ощутив нечто подобное, он должен не зевать, а бежать прочь со всех ног. Он с пьяной насмешкой спросил тогда: помог ли этот дар ей самой хоть раз? Старая Иможен вдруг со злостью, и неподдельной обидой в голосе заявила, что помог, и не только ей, но и ему – молодому дураку. Потому что не родился бы он на свет, кабы не почувствовала она тогда, в четырнадцать лет, приближение неизбежной мучительной смерти да не бежала прочь из дому, куда глаза глядят – гореть бы ей вместе с матерью, отцом, братом, да младшими сестрами на костре святой инквизиции. При последних словах она, сплюнув, выругалась по-бретонски. Ивер был тогда настолько удивлен услышанным, что забыл спросить – почему она тогда не предупредила родных...

Он, конечно, ошибся, не поговорив с ней и не выяснив все уже тогда, легкомысленно отложив все это до своего возвращения. Потому что старуха умерла ровно через месяц. Как потом не без суеверного страха узнал комендант, именно в тот день, когда во дворе взятого штурмом кастильского замка, он впервые получил это страшное, сводящее с ума предупре-

ждение, и в последний миг инстинктивно метнулся в сторону, а туда, где он только что стоял, рухнула горящая балка...

...Гийом Ивер поднял голову. Перед ним была распахнутая настежь дверь трактира его приятеля Жака Дале. Он вошел. Народу почти не было. Хозяин оторвал глаза от стойки и, с некоторым удивлением: тот был здесь нечастым гостем, уставился на своего знакомого.

– Подай вина, Жак, – пробормотал комендант. – Похмелиться надо бы, малость перебрал вчера, – зачем-то соврал он, выуживая непослушными пальцами несколько су из кошелька на поясе.

– То-то я смотрю, Гийом, ты грустный, как на собственных поминках, – понимающе кивнул трактирщик. Он отвернулся, чтобы нацедить вина из дубовой бочки, и поэтому не увидел, как побледнел его друг при последних словах.

– Что слышно в народе? – спросил комендант, осушив объемистую кружку вина, вкуса которого почти не почувствовал.

– А что говорят? Разное говорят... Не дожидаясь просьбы, Жак вторично наполнил посудину. Жалуются люди, само собой: налоги дерут, съестное дорожает... Ну, да когда легко-то было? – добавил он, словно оправдываясь. И, неожиданно наклонившись к уху коменданта, полупшепотом спросил:

– Случилось чего? Или война опять?

– Да нет, Жак, что ты... Это я так, просто... – Вот что, – поспешил он сменить тему. Я перекушу, пожалуй, чего-нибудь.

Жак кивнул.

– А чего будешь есть?

– Да все равно, – бросил Гийом, направляясь в чистый угол к пустующему столу. Посмотрев внимательно ему вслед, трактирщик пожал плечами. Молоденькая, весьма миловидная и пухленькая служанка поставила перед комендантом большой глиняный кувшин с красным вином, миску с густой гороховой похлебкой, блюдо с тушеной рыбой и пучком зелени и полкаравая ржаного хлеба.

Он почти не взглянул на еду, зато проводил глазами округлый, весьма аппетитный задик девушки.

«Может быть попробовать эту штучку? – вдруг подумал он, – Наверняка ведь не откажет». За свою жизнь он знал не так уж много женщин. Продажными девками брезговал, а на войне... Мать воспитала в нем уважение к женской чести и почти никогда, за исключением нескольких случаев он не пользовался во взятых городах и деревнях извечным правом победителя и не брал женщин силой... Над ним из-за этого смеялись другие солдаты, называя то монашхом, то евнухом, пока однажды, кто-то, прошедшийся на счет мужских достоинств его отца, не свел близкое знакомство с его кулаками.

Отец... Колесный мастер Анри Ивер, умерший когда Гийому было восемь лет, добряк, не любивший войну и отшлепавший сына, когда тот заявил отцу, что хочет стать солдатом.

А он сам сейчас почти на десять лет старше, чем был его отец, когда отдал Богу душу!

И что за мысли лезут ему в голову?

Комендант вгрызся в каравай, вспомнил, что не прочел молитву перед едой, но только махнул рукой.

В харчевню входили люди, о чем-то весело переговаривались, звенели серебром, щипали служанок – те в ответ взвизгивали нарочито громко. Многие узнавали коменданта, приветствовали его, тот кивал, односложно отвечая. Кувшин меж тем быстро пустел. Он опрокидывал кружку за кружкой, и незаметно показалось дно в кувшине, а затем и во втором. И уходила куда-то тяжесть, что владела душой, и забывалось то, что наполняло сердце мраком.

...С какого-то момента он перестал осознавать и помнить, что происходит с ним. Память сохранила только отдельные картины, словно выхваченные из темноты вспышками молнии.

...На коленях его сидит та самая служанка. Играя глазками, она тянет сидр из кружки, поднесенной ей Ивером, в то время как другая его рука шарит у нее под подолом. Вот уже служанка, висит у него на шее, что-то жарко шепча ему в ухо, а от стола отступает другая ее товарка, с округлившимися глазами, прикрывая дрожащими руками разорванную до пупа блузку.

...Его приятель Жак с угодливо – испуганным лицом пятится прочь; позади него столпились посетители, чьи лица мешает различить эта проклятая дымка. При этом, в руке Гийом зачем-то держит обнаженный меч.

Это было последнее, что сохранилось в его памяти...

* * *

Вокулер. Четыре дня спустя.

Закатное солнце, бившее в окно, бросало оранжевые отсветы на стены, листы бумаги на столе, на осунувшееся, небритое лицо Антуана де Камдье. Бальи сидел, обхватив голову руками, весь уйдя в тягостные мысли.

Господи, ну почему этому надо было случиться именно в его бальяже, за что ему такое наказание?! Ведь в округе не было особой нищеты в сравнении с соседями, и дворяне особо не лютовали, и прево.³

не так чтобы лихоимствовали. Здешний народ, конечно, подкосила война с империей, но то было уже пять лет назад.

Как все таки скверно получилось! С самого начала все пошло вкривь и вкось. Часа через полтора после ухода отца Жоржа и коменданта к нему явился весьма взволнованный городской эшвен⁴ Симон Павел и сообщил, что среди жителей Вокулера пошли разговоры о появлении в Лотарингии сына покойного короля Людовика X, вовсе не умершего будто во младенчестве, как было объявлено три десятка лет назад, а спрятанного верными слугами отца, дабы избежать козней врагов. И теперь принц собирает войско, желая вернуть себе корону. В двух словах поведав эшвену о разыгравшемся бунте и наказав немедленно сообщать любые подозрительные известия, бальи принялся лихорадочно обдумывать: не связан ли как-то бунт с этим, сулящим возможно еще большие неприятности, слухом, и – чем черт не шутит – не происки ли все это давнего врага: императора Карла Богемского.⁵

Попутно он пожалел о том, что так опрометчиво рассказал о бунте известному своей болтливостью Павелю и, как оказалось, пожалел напрасно. Явившийся с докладом городской сержант⁶ сообщил, что в одном из трех вокулерских кабаков вспыхнула драка между завсегдатаями и приехавшими на рынок крестьянами. Стража палками разогнала пьяных буянов, но при этом кто-то из разбежавшихся в разные стороны мужиков выкрикнул, что недалеко пришествие избавительницы и что скоро вот ужо всех стражников и приставов развесят за срамные места. Из этого бальи с грустью заключил, что слухи о бунте успели просочиться в город. Гоня прочь недобрые предчувствия, бальи кликнул писца и принялся составлять донесение сенешалю⁷ Шампани.

³ Прево 1. Руководитель наиболее мелкой административно – территориальной единицы во Франции – превотажа, или королевский наместник в городе. 2. Выборный глава городской общины.

⁴ Эшвен – член городской управы.

⁵ Имеется в виду Карл IV, король Богемии, император Священной Римской Империи с 1342 года.

⁶ Сержант – в средние века во Франции – чиновник низшего ранга.

⁷ Сенешаль – правитель провинции, представляющий на ее территории королевскую власть.

От этого занятия его оторвал явившийся к нему собственной персоной отец Жорж. Пыхтя и отдуваясь, он поведал, что почти у самых ворот аббатства его остановил, надо полагать, уже окончательно выживший из ума дряхлый старик и простодушно спросил: знает ли святой отец, что на землю спустилась сама Мария Магдалина, чтобы спасти Францию? На истерический выкрик настоятеля – от кого тот слышал эту чудовищную ересь? – старец спокойно ответил, что так говорят жители его деревни, а им об этом сказал человек, видевший посланницу небес воочию.

В довершение всего беда пришла оттуда откуда ее меньше всего ожидали. Вскоре после того как пробило три часа пополудни, ему доложили что его хочет видеть лейтенант вокулерского гарнизона. Тот сообщил, что комендант Ивер на службе не появлялся, а слухи в городе ходят весьма тревожные.

После не слишком долгих поисков доблестного Гийома Ивера обнаружили в чулане заведения Жака Болвана, где он валялся, упившись хуже, чем тамплиер, в обнимку с почти голой девкой, вылакавшей не меньше его самого. Как следовало из путанных объяснений кабатчика, его старый добрый знакомый явился к нему с утра в весьма скверном расположении духа, потребовал вина, потом еще и еще, потом принялся глотать вино, как воду, а потом схватил попавшуюся под руку служанку, силком влил в нее кувшин сидра и поволок в кладовую, в чем хозяин не решился ему перечить, поскольку тот при этом размахивал оружием и выкрикивал угрозы, от которых стыла в жилах кровь. Бесчувственного коменданта перенесли в кордегардию, пытались отлить холодной водой, совали под нос лук и чеснок – все было напрасно. Взбешенный выходкой коменданта де Камдье сгоряча хотел бросить его, так и не пришедшего в себя, в тюремный подвал. Но вовремя одумался, ибо Гийом Ивер был, как – никак, весьма опытным воином и заменить его было нечем. Отложив разбирательство до лучших времен, бальи волей неволей должен был пока взять командование крепостью на себя. Он приказал лейтенанту удвоить дозоры на стенах, усилить стражу всех четырех городских ворот и выслать отряд конных к замку Сен – Жерар со строжайшим приказом не ввязываться в ни в какие стычки, а только внимательно разведать обстановку и вернуться до темноты. Одновременно ко всем окрестным дворянам были отправлены люди с предупреждением об опасности. Гонец с сообщением о происшедшем был послан и в Реймс – столицу графства.

После того, как эти неотложные дела были закончены, бальи принялся обдумывать предстоящие военные действия. Первоначально он склонялся к тому, чтобы, оставив в Вокулере минимум солдат и вооружив горожан, стремительным броском настичь мятежников и, не дав им опомниться, разбить, пока те еще не умножились в числе настолько, что против них придется посылать настоящее войско. Но быстро понял, что лучшего способа погубить себя, чем выступать в поход, не зная ни сил врага, ни точного его местонахождения, ни даже – что он из себя представляет, придумать нельзя. Кроме того, имевшиеся в его распоряжении солдаты остались, по крайней мере сейчас, без командира, а сам Антуан де Камдье последний раз выходил на поле битвы пятнадцать лет назад – как раз тогда ядро арагонской катапульты перебило ему обе ноги. К тому же было небезопасно оставлять город без защитников. Его десятифутровой толщины стены, правда, казались вполне надежными, но стены замка де Энни тоже были таковы...

Ближе к вечеру возвратились отряженные в разведку солдаты.

Добравшись до замка, они увидели распахнутые настежь ворота, а на виселице возле ворот – изуродованные тела несчастных де Энни и их приближенных.

Замок как будто был пуст, но внутри, опасаясь засады, разведчики не решились войти. Они так же сообщили, что в двух деревнях, попавшихся им на пути, не оказалось жителей. Только в одной им встретилась древняя старуха, осыпавшая их бранью.

Напоследок командовавший разведчиками солдат сказал, что на донжоне висел какой-то странный синий флаг с непонятным изображением.

Невольно обернувшись, бальи посмотрел туда, где на лавке валялась хоугвь, сорванная сегодня дозорным разездом со шпиля придорожной часовни в двух лье от города. Небольшой прямоугольник синего холста был украшен довольно искусной аппликацией, изображавшей одетую в белое платье женщину, оседлавшую скачущего единорога. В руке она сжимала пику, наконечник которой заменял язык пламени. Еще раз оглядев штандарт мятежников, де Камдые молча пожал плечами.

...Следующее утро не принесло ничего нового, за исключением того, что к бальи явился с объяснениями проспавшийся, наконец, Гийом Ивер.

Бес попутал – ничего более вразумительного де Камдые не услышал от него. Бальи ограничился тем, что сурово отчитал незадачливого выпивоху.

Ближе к полудню со стен Вокулера было замечено два больших дымных облака, недвусмысленно свидетельствовавших о пожарах. В той стороне как раз располагались небольших два замка, и бальи имел веские основания предполагать, что горят не взбунтовавшиеся деревни, вразумляемые господами. Немного погодя, над горизонтом поднялся еще один черный столб, причем совсем в другой стороне. Это было совсем нехорошо, потому что бунтовщики при всем желании не могли пройти такое расстояние за столь короткое время. Стало быть, их уже так много, что их предводительница, или кто там начальствует в действительности, уже имеет возможность разделить свое воинство на несколько отрядов. Тем временем под защиту городских стен стали стекаться дворяне с семьями – те, кто не рассчитывал отсидеться за стенами своих усадеб (кое-кому пришлось прорываться с боем), прево и чиновники, и лица духовного звания. В городе появились так же самые богатые торговцы, и несколько семей проживавших в округе евреев. А к вечеру столбы дыма, возникая один за другим, уже окружили Вокулер с трех сторон. Правда, это горели жилища уже оставленные бежавшими шевалье, и некоторые замки, как сообщили присланные оттуда гонцы, отбили нападавших с немалым уроном для черни.

...Все эти первые три дня де Камдые ожидал появления врага у городских ворот. Ждал без особой боязни – ошибки, погубившей защитников Сен-Жерар он, дай Бог, не допустил бы и продержал бы вилланов под стенами сколько угодно, а дней через десять, самое большее, они бы сами начали разбегаться. Но те не торопились, что было необычно для крестьянских возмущений, когда всем скопом идут напролом, и это тоже томило его душу смутными опасениями. А вчерашним вечером, глядя с городской стены на взявшие в кольцо Вокулер зарева, мессир Антуан неожиданно почувствовал настоящий страх.

Тяжело поднявшись, он прошелся по комнате, хромая на обе ноги, с застарелой досадой поглядел на стоявший в углу посох.

Черт возьми!! Полыхни какой угодно жестокий бунт, поднимись разом пол-бальяжа и явись под городские стены, это было бы, в общем, понятно. Но сейчас...

Первоначально единственную угрозу он видел в еретических проповедях той, что возглавила мужиков. Но теперь он все чаще думал, что и это далеко не все. Он каким – то образом предчувствовал, что происходящее – много опаснее, чем может показаться, хоть и не мог понять, в чем же дело. Вот взять хотя бы то, как они взяли Сен – Жерар де Энни. Аббат говорил о колдовстве и кознях нечистого. Но что-то не приходилось слышать ему о колдовстве, которое помогло бы захватить даже плохонькую крепость. Скорее уж грубая оплошность защитников, оставшихся без офицеров.

Но все равно, что-то тут неладно.

Бальи вспомнил недавний визит отца Жоржа. На аббата было жалко смотреть. Человек, известный своим жизнелюбием, обжора и ценитель тонких вин, страстный охотник, державший большую псарню и дюжину соколов, регулярно брюхативший своих крестьянок, (не говоря уже о том, что в его доме постоянно жили две экономки), за эти дни разительно переменялся, постарев и как будто даже похудев. Он служил по три обедни ежедневно, читал сум-

бурные проповеди; по его приказу монахи укрепляли стены обители. Сам святой отец сидел почти безвылазно в монастыре, если и покидал его, то не иначе как под охраной трех – четырех вооруженных слуг. К сегодняшнему дню под его опекой оказалось несколько десятков странствующих монахов и деревенских кюре, бежавших от своих собственных прихожан. Иные из них побывали на волосок от смерти, и при этом не самой легкой. Надо полагать, их рассказы не могли улучшить настроение святого отца. Окольными путями бальи узнал, что тот написал паническое письмо архиепископу.

...За окнами послышался конский топот, и через несколько мгновений воздух сотрясла громкая замысловатая брань. Бальи досадливо крикнул. Явился барон Роже де Боле, чьи владения примыкали к Вокулеру, знатностью и древностью рода превосходивший всех окрестных дворян.

Правда, от многих поколений высокородных предков, сколь храбрых, столь и расточительных и недалеких, ему досталось не очень много не самой лучшей земли и обветшалый замок. Остались так же и долги – единственное, что нынешний барон приумножил. Наделенный в полной мере фамильной глупостью семейства де Боле, Роже, однако, был способным командиром, что доказывал не раз; а его дружина, состоявшая из отчаянных рубак, готовых в огонь и воду за своим господином, не знала равных себе. Именно поэтому бальи и сделал его своей правой рукой. Вернее сказать, сам барон сделал себя ей, прибыв третьего дня со своими людьми в Вокулер и заявив, что становится под начало бальи, желая помочь в истреблении поганой черни. Правда, пока что де Камдые не имел случая испытать, каков Роже де Боле в деле. Зато нарочитая грубость и высокомерная фамильярность барона по отношению к нему – простому, нетитулованному дворянину, даже не рыцарю, весьма раздражала бальи.

Гремя волочившимся по ступеням мечом, в комнату ввалился барон. Здоровенный, тучный, почти квадратный, он напоминал дикого кабана на двух ногах.

– Удача, дружище! – рявкнул он с порога. – Удача, клянусь ляжками святой Клариссы! К моему замку посмел приблизиться отряд в полсотни, без малого, этих свиней. Половину мы перерезали сразу, а оставшихся развесили на деревьях, как свинячьи туши. – Ха-ха-ха!! – барону, должно быть, сравнение это казалось необыкновенно остроумным и веселым.

– Что, всех? – спросил, не скрывая неудовольствия де Камдые.

– Как можно, дружище, помню я твою просьбу, – все приказы барон упорно именовал просьбами. – Привез я тебе ихнего вожака, живого и невредимого; выгляни в окно – увидишь.

Глянув во двор, де Камдые увидел, как люди барона снимают с седла человека, увязанного, как тюк с овсом.

– Скрутили его, как барашка, хоть сразу на вертел сажай!

«Вот и первая победа», – подумал про себя бальи. Особой радости он почему-то не почувствовал.

Однако, представлялся удобный случай выяснить все об этом бунте от одного из тех, кто стоял во главе его. Пленного следовало немедленно допросить. И, кстати, нужно было послать за аббатом Жоржем: как-никак здесь замешана ересь... Внезапно Антуан де Камдые кое о чем вспомнил, и к тому моменту, как запыхавшийся настоятель переступил порог его дома, в его голове уже созрел некий план...

* * *

...Солнце пригревало почти по-летнему. Радостно зеленела распутившаяся листва деревьев, радостно сияло светлое голубое небо, радостно прыгала по недавно проклюнувшейся изумрудной травке, весело чирикающая, серенькая птичка. Впервые за многие годы комендант обратил внимание на красоту окружающего его мира. Сколько ему еще осталось любоваться ею? Вдыхать свежий весенний воздух, ступать по остро пахнущей, мягкой земле? Неужели

он обречен совсем скоро покинуть этот мир, такой прекрасный в своем пробуждении к новой жизни?

Он тяжело поднялся со скамьи у входа в кордегардию. Неподалеку несколько солдат и горожан, упираясь спиной и грудью в веревочные лямки, втаскивали на стену бочку со смолой.

Город готовился к обороне. В его стенах он прожил последние десять лет. Тут его дом – первый настоящий дом за многие годы. На городском кладбище похоронены два его сына, умершие младенцами. Отсюда он уходил в походы, и его он защищал в последнюю войну.

Пять лет назад, во время осады, вот на этой самой стене, у вон того выщербленного зубца, лезущий на стену немец рассек ему протазаном щеку.

А в день третьего штурма, когда в перерыве между атаками Гийом спустился со стены, к нему подбежала Софи, держа на руках младшую дочку. Хелен, с помертвевшим лицом, шепча молитвы, стояла рядом, вцепившись обеими руками в мать. Он сначала не понял что она кричит ему, а когда расслышал, что она просит убить ее и детей, только чтобы живыми не попасть в руки озверевших ландскнехтов, то даже не нашел в себе сил выругаться...

Из своих почти сорока лет Ивер, двадцать два отдал солдатской службе. Он участвовал во взятии шестнадцати городов и обороне четырнадцати. Он был на шести больших войнах, не считая мелких пограничных стычек. Он уже давно потерял счет боям, в которых ему случалось сражаться (он и вправду не смог бы точно вспомнить их число). Давно уже, кажется, должен был свыкнуться, сжиться с мыслью о смерти; да он и сам думал что так и есть. Почти уж не осталось никого из тех, кто начинал с ним службу под орифламмой.⁸

А сколько раз он мог расстаться с жизнью, сколько раз смерть уже заглядывала ему в лицо? Костлявая была знакома ему во всех видах: от рыцарской пики и алебарды пехотинца, от каменного ядра бомбарды, от расплавленного свинца, льющегося со стен, от стрелы и меча, от голода в осажденных городах. Он, вроде бы, должен уже давно разучиться бояться, а вот поди ж ты...

Выходит, судьба хранила его все эти годы, чтоб он погиб, сражаясь с какими-то бунтовщиками, о которых через год и думать забудут?? Нет, Гийом Ивер не был трусом. Но, Господи, как же ему хотелось жить! Он, наверное, только сейчас впервые, быть может, за всю свою жизнь, по настоящему стал понимать, как прекрасен окружающий его мир, удивительной красоты которого он не видел доселе. Почему же ему суждено умереть именно сейчас, этой радостной молодой весной? Весной, когда все зовет к жизни! Такая глухая безнадежность, такая обессиливающая тоска глодала его душу с того самого дня, когда он получил неведомо от кого – от кого именно, задумываться не хотелось – то страшное предупреждение.

Помнится, бабка говорила, что когда придет смертельная опасность, он почует, откуда исходит угроза, и поймет как ее избежать... Так и было дважды в его жизни.

Но сейчас опасность была со всех сторон, и непонятно было, что делать и где искать пути к спасению. По всему выходило, что и впрямь он доживает последние дни. Бежать из города, стать презренным дезертиром, обречь себя на участь изгоя, а жену и детей на позор? Нет, это не для него. Да и потом – ведь и это не обещает спасения.

Сначала комендант пытался хоть как-то отвлечься от мысли о неизбежном конце, уходя с головой в дела. Но это оказалось бесполезно: стоило лишь на миг оторваться, как проклятая была уже тут как тут.

Так, должно быть, чувствует себя приговоренный, из окна своей тюрьмы взирающий на возводимый для него эшафот. Так искусный врач обнаруживает у себя несомненные признаки неизлечимой болезни. Так осознает неизбежный конец старый, опытный воин, получивший смертельную рану.

И уже не первый раз приходило ему в голову: «Скорей бы уже»...

⁸ Орифламма – военное знамя королей Франции, представлявшее собой алое полотнище, вытканное золотом.

* * *

– Как там поживает наша подопечная? – Таргиз с неудовольствием обернулся к неслышно вошедшей Марии Тер – Акопян.

– Связь устойчивая, самочувствие превосходное, успешно исцелила уже десятка четыре больных и раненных. Правда, вынуждена много есть, но это скоро пройдет, – сухо отрапортовал он.

– А какова численность ее сторонников?

– Посмотри сама, – ответил Хранитель. Не время было сейчас вести пустые разговоры. Для нее, старого опытного оператора, это не первый и, может быть, даже не сто первый эпизод. Но для Таргиза это самая первая планета, которую он должен поставить на службу Мидру.

Так уже бывало не раз. Они находили или создавали себе помощника, покорного их воле, вели его к власти, после чего возникала единая религия, с человеческими жертвоприношениями, или с торжественными казнями у храмов, выстроенных в местах, где можно было пронзить ткань мироздания и получить доступ к Соме. В более развитых мирах, если они подходили им, приходилось идти другим путем, и тогда вдруг изобретались устройства, дающие чудесные исцеления или возникала политическая система, порожающая войны и все те же массовые казни. Результат всегда был один – еще немного Сомы поступало в распоряжении Хранителей и Демиургов Мидра.

Не обращая внимания на Марию, продолжавшую наблюдать за ним со спокойной улыбкой, Таргиз вновь погрузился в изучение диаграмм, мелькавших на экране.

Все шло как нельзя лучше. Структура ментальной составляющей развивалась и усложнялась ежедневно. Пока что ее поле может охватить лишь небольшую территорию. Но уже совсем скоро оно будет простираться на десятки миль вокруг, сотни тысяч людей будут действовать в интересах Мидра сами того не подозревая. Нити суггестивного влияния протянутся от нее очень далеко, во многие города и страны, незаметно подчиняя нужных людей воле Таргиза и его сподвижников. Настанет время, и двойнику станет доступно влияние на событийные цепи, а потом и управление стохастическими процессами в событийном континууме. Тогда вмешательство Хранителей сведется только к контролю и постановке самых общих задач.

Но это будет еще нескоро, очень нескоро. А пока что даже небольшая мелочь, одно неудачное стечение обстоятельств, случайная стрела в конце концов, могут погубить все дело. Поэтому именно сейчас надо быть особенно внимательным, не позволяя себе расслабиться.

* * *

...По узкой винтовой лестнице они спустились в полуподвал с маленьким окошком под низким потолком. Пленник оказался молодым, лет чуть за двадцать пять крестьянином, одетым в добротную домотканую куртку и грубые башмаки свиной кожи. Он был надежно скручен толстой веревкой по рукам и ногам, а глубокий порез на шее и кровь на разбитом лице, свидетельствовали, что взят он был не без боя. Он не выглядел испуганным, не поклонился ни аббату, ни бальи, даже не опустил глаза, как обычно делали крестьяне перед господами. А между тем в подвале, кроме двух стражников, присутствовал еще и палач, с равнодушным видом помешивавший длинными щипцами угли в жаровне.

– Кто ты такой? – начал бальи допрос.

– Человек, – просто и с достоинством ответил пленный. Барон громко фыркнул.

– Хорошо, а как тебя зовут? – бальи решил пропустить мимо ушей странный ответ простолудина.

– Морис Дубле, – произнес после короткого раздумья тот.

– Ты крепостной?
– Свободный, – в голосе пленного прозвучала гордость.
– Выкупился или от рождения?
– От рождения – отец выкупился. Дед всю жизнь деньги копил, да так и не успел, в рабстве умер.

Краем глаза де Камдье различил на лице Роже гримасу, недвусмысленно говорившую: что это ты, любезнейший, время теряешь; кликни-ка лучше палача.

– Тогда я тем более не понимаю, что ты делаешь среди бунтовщиков? Ты вроде умный человек, должен знать и понимать, что победить они не могут, – старался как можно безразличие говорить бальи. Да и что тебе в этих холопах? Они, предположим, хотят свободы, ну а ты?

– Тебе не понять этого, шевадье, – перебил его Морис Дубле, и в его голосе была непонятная горечь. – Светлая Дева сказала правду, что вы не можете даже понять ваших преступлений и грехов. Может, если бы ты увидел ее, услышал ее слова, ты бы понял – почему я с ней. Да нет, где вам!

В подвале повисла напряженная тишина. На лице отца Жоржа отразилось боязливое изумление, а что до барона, то, несомненно, только присутствие духовного лица удерживало его от того, чтобы не разразиться потоком брани. Бальи тоже был в немалой растерянности. Слова этого крестьянина уж слишком сильно отличались от того, что он ожидал услышать. Дело было даже не в том, как уверенно держался этот простолюдин, и даже не в том, что именно он говорил, хотя и это тоже... Было в нем еще что-то такое, с чем, и бальи мог в этом поклясться, он раньше не сталкивался. И де Камдье вновь ощутил впившийся в сердце укол непонятной тревоги.

– Послушай, – он вновь попытался взять инициативу в свои руки, – Светлая там дева, или еще какая, но ты же должен знать – ни во Франции, ни в других королевствах не было такого, чтобы бунтовщики побеждали. Бывало и так, что они входили в Париж, а все равно заканчивали на виселицах и кольях.

– Сейчас с нами Светлая Дева, посланная нам самим Богом, с нами ее сила, и она делает нас непобедимыми, – спокойно ответил крестьянин. Да ты и сам знаешь, как легко мы взяли ваши неприступные замки.

– Ну хорошо, – вновь повторил бальи. – Но все– таки объясни: за что лично ты дрался? «Что-то я не то говорю», – промелькнуло у него в голове.

– За божью справедливость, – прямо глядя де Камдье в глаза, ответил Морис Дубле. Вы забрали себе все блага земли, дарованные Богом всем поровну – рыбу в реках, дичь лесную и полевую, сами леса и саму землю! Вы взяли у нас все – нашу свободу, наших девушек, власть над нашей жизнью и смертью! Вы все, помыкающие нами, как скотиной – графы, бароны, дворяне, король с его слугами – вы как клещи на теле людей. И пришло время очистить от вас землю, – закончил он.

В его словах не чувствовалось даже особой ненависти, да и в самом деле, – можно ли всерьез ненавидеть клещей? Было некое превосходство, даже нет, не превосходство – искренняя вера, знание чего-то, им недоступного изначально, того, что делало их, его судей, заведомо ниже его. Да он словно сочувствовал им! «Тебе не понять...»

А как он все это говорит – прямо как проповедь в церкви читает.

Предположим даже, что этот мужик просто повторяет сейчас услышанное от этой таинственной предводительницы; самому ему, конечно, до всего этого не додуматься. Но тогда дело еще хуже, чем казалось ему вначале: всего за несколько дней внушить такую веру!

– «Ничего не получится, Дьявол с ними со всеми!» – подумал бальи, ощутив навалившуюся невесть откуда усталость.

– Сын мой, – отец Жорж решил, что раз светская власть пасует, то самое время вступить в дело духовной. Подумай о том, что ты совершаешь великий грех, – наставительно начал он.

Этот мир устроен так, как того хочет Господь, коего ты здесь все поминал. Промысел божий не всем понятен. Есть три сословия – кормящие, молящиеся и обороняющие их вооруженной рукой. Бог возложил на каждое из них свой крест: на людей духовного сана молиться за мир и отпускать грехи; рыцарству сражаться за веру и королевство; простым людям – трудом своим кормить их. Да простит меня Бог, но то же самое мы увидим даже и у сарацинов, и у язычников до рождения Христова.

– Сын мой, подумай, – эта жизнь только краткий миг пред жизнью вечной, – аббат давно уже не был столь красноречив, пожалуй, то была одна из лучших его проповедей за последнее время. Грехи, которыми ты отяготил свою душу, могут быть прощены. Ты говорил о силе, коей будто бы обладает ваша предводительница. Но если и так, сила эта не от Господа нашего, а от Сатаны ибо...

Закончить свою мысль настоятелю не удалось

– А таких как ты, церковный боров, надо приканчивать первыми! – заорал, стараясь изо всех сил высвободиться из своих пут, бунтовщик. Всех до единого, всю вашу породу!! – Именно вы хуже всех, – вы обманываете людей, вы губите ложной верой их души, заставляете их покоряться насильникам! – Морис Дубле бешено извивался, повиснув на руках двух дюжих солдат. Он тщетно пытался дотянуться до замершего в испуге приора, воздевшего руку для крестного знамения. Побагровевший барон тянул меч из ножен.

Несколько секунд бальи пребывал в напряженных раздумьях. Нет, ничего не выйдет. Жаль.

– Морис Дубле, – произнес он, – Властью данной мне государем нашим, королем франков Карлом, приговариваю тебя, как злодея короны и бунтовщика, к повешению. Ты будешь казнен через час. Если желаешь, то я распоряжусь, чтобы прислали священника.

– Спасибо, не надо, – отрывисто бросил узник. Я уже приготовился к смерти, – лицо его было на удивление спокойно.

Де Камдье явственно почувствовал – это не пустая бравада. Он действительно не страшился смерти и был готов к ней. На мгновение бальи почувствовал что-то похожее на уважение к этому крестьянину.

Повернувшись, бальи молча направился к двери. За ним потянулись остальные. Последним вышел приор, в полной прострации повторявший полупрошептом: – Ересь и колдовство... Ересь и колдовство...

– И чего ты, дружище Антуан, выслушивал так долго, как этот выб...к, мелет своим поганым языком черте что? – спросил барон, когда за ними закрылась дверь кабинета бальи. А надо же, как они ее называют – Све-етлая Дева! – ты подумай! Хорошо бы проверить: какая-то такая она дева! Роже загоготал.

– Я подумал, – ответил бальи, подавляя в себе раздражение, – что если эту чертовку, которую они поставили над собой, прикончить, то вся шайка разбежится в три дня. Есть у меня на примете ловкий человек. Хоть и старый уже, а из арбалета на четырех сотнях шагов оленю в голову попадет...

– Это Гасконец, что ли?

Бальи кивнул в знак согласия

– Знаю, как же. Веревка по этому браконьеру плачет!

– Я и прикинул: проводи его этот Дубле к лагерю мятежников, и дело сделано.

– Ишь ты! Неплохо придумано, поцелуй сам себя в зад! Так за чем же дело стало? Надо было пытаться его, пока не согласился бы, и все тут.

Де Камдье махнул рукой.

– Он бы орал на дыбе хвалу своей деве и обзывал при этом нас по всякому. А если бы и сломался, так только когда уже стал бы не годен ни на что. Или, того хуже, на засаду навел. Видывал я таких упертых.

– Хм, – барон подкрутил ус, – А ведь верно: смерд отлично держался. Пожалуй, в другое время я бы взял такого молодца в свое войско; не задумываясь взял бы. А как он на монаха-то! Не иначе, кюре его невесту попортил!

– Значит, повесить его, говоришь? – вдруг совсем другим тоном спросил барон, ухмыльнувшись в ответ на утвердительный кивок. А ведь, как ни крути, он мой пленник. Нехорошо распоряжаться чужой добычей. Барон высунулся в окно:

– Эй, там! Позвать ко мне Большого Эктора!

Вошел громадный, почти упирающийся макушкой в потолок, звероватого вида громила – конюший барона.

– Вот что, Эктор; возьми в подвале того вонючего козла, которого мы привезли, и вздерни его на площади. Можешь взять кого-нибудь в помощь.

– Справлюсь и сам, господин, – не изменившись в лице, ответил Большой Эктор и вышел прочь, по-медвежьи переваливаясь. Пожалуй, столь же спокойно он выслушал бы приказ повесить хоть даже и самого бальи.

– Слушай, дружище, а чего ты мрачный такой? – спросил де Боле. Не изволь беспокоиться: неделя, ну две, и приволоку я тебе эту светлую девку на аркане. Мои людишки уже разползлись по округе и всю ее ищут. Ха! Только имей в виду – сразу я ее тебе не отдам; я, знаешь, люблю норовистых мужичек. Когда она под тобой как дикая кошка бьется... – барон мечтательно вздохнул. – Да хватит киснуть! Эка невидаль – да сколько этих бунтов было, хоть и на нашей памяти.

– Мне кажется, все не так просто, – произнес де Камдье. – Определенно творится что-то неладное. Повидал я не один бунт, и не разу не было ничего похожего.

– Чего ничего? Бунт, он и есть бунт. Что баба во главе? – так бывало уже такое. И в Италии, да и у наших буколов.⁹ Сам-то я еще не видел, мал был, но папаша мой порассказал, как он этих бешеных девок дюжинами по деревьям развешивал. А лет восемь назад, помню, в Оверни тоже объявился один такой. Говорил, что послан самим Михаилом – Архангелом повести праведных на битву с Антихристом. К нему даже один рыцарь – не иначе, совсем чокнутый, примкнул. Ну и что? Я со своими четырьмя сотнями его две тысячи разметал – и ворона каркнуть не успела. И накрыли мы его, когда тот собирался улизнуть с пятью тысячами нагбренных ливров.

– Нет, тут другое, – повторил бальи, правда, несколько менее уверенно.

– Да что другое?! Объясни!

– Если бы я знал! – с непонятной тоской произнес де Камдье.

– Нет, приятель, не нравишься ты мне, – озабоченно произнес де Боле. А хочешь, – оживился он – девчонку тебе пришлю? Хорошая девчонка, пятнадцать лет всего. Племянница моя, между прочим – наплодил же бастардов папаша! Жена твоя, я слыхал, с семейством в паломничество отправилась, так пользуйся случаем! – барон выразительно шелкнул пальцами.

– Нет, не надо, – пробормотал бальи в ответ, испытывая почти непреодолимое желание: послать щедрого барона ко всем чертям, сколько их ни есть в Аду.

Еще через три дня.

На главной площади Вокулера выстроилось небольшое войско. Семь с лишком сотен пехоты и полторы сотни конных воинов были готовы к выступлению. После многодневной игры в кошки-мышки таинственная Светлая Дева объявилась неожиданно всего в нескольких

⁹ Буколы («пастухи») – название участников стихийного массового движения 20-х годов XIV века во Франции и на Севере Италии. Им даже удалось на короткое время войти в Париж и осадить королевский дворец. В числе их предводителей действительно были и женщины.

милях от города и открыто расположилась лагерем неподалеку от покинутой усадьбы. С ней пришло примерно три тысячи. Хотя и подозревая подвох, Антуан де Камдье принял решение напасть первым. И теперь он с балкона собственного дома наблюдал за последними приготовлениями к походу. Вдоль строя арбалетчиков и пикинеров суетились младшие командиры, отдавая последние распоряжения. На правом фланге восседал на гнедом меринке нахохлившийся Гийом Ивер. Не похоже было, чтобы предстоящее дело вызывало у него особую радость, не преминул отметить бальи. Зато Роже де Боле, возглавляющий дворянскую конницу, сиял в предвкушении славной забавы. Сгрудившиеся вокруг него всадники были одеты в разномастные доспехи, среди которых попадались сохранившиеся чуть ли не со времени Первого крестового похода. Надраенные речным песком, они тускло сияли при свете этого пасмурного утра. Яркими пятнами выделялись гербы на щитах. Из толпы зевак доносились редкие всхлипы родных.

Барон громко рассмеялся в ответ на чью-то шутку. Глядя на него, Антуан де Камдье пожалел о своих криво сросшихся ногах. Ну да ладно, авось справится; хоть и дурень его милость изрядный, но не первый раз воюет. Бальи взмахнул рукой – в ответ один из всадников громко затрубил в рог. Колонна тронулась в путь.

* * *

Внимание! Угроза существованию фактотума!

Степень третья, опосредованная. Время осуществления – в пределах четырех белых единиц. Источник угрозы – структурное подразделение местных вооруженных сил численностью не менее восьмисот человек. Рекомендации – вывод двойника из опасной зоны либо нейтрализация угрозы имеющимся в его распоряжении вооруженным контингентом в сочетании с максимально возможной активизацией собственных защитных средств.

* * *

На экране высветилась рельефная карта местности, где совсем скоро исполнительнице их воли предстояло дать свой первый настоящий бой.

Розовый прямоугольник, рядом с которым мерцала ярко красная точка – местоположение фактотума и подчиненных ему войск. Медленно ползущая по направлению к ним с юго-востока зеленоватая змейка – королевские солдаты. Таргиз сосредоточился. Сейчас, когда защитные механизмы двойника еще далеко не задействованы на полную мощность, вероятность его случайной гибели весьма велика.

Именно поэтому следовало максимально обезопасить Катарину даже ценой гибели всех ее сторонников на данный момент.

Если она спасется, то через несколько дней сможет без особого труда собрать столько же, если не больше.

Однако ж, начинать дело с поражения все-таки весьма нежелательно.

Он послал запрос в информаторий. Некоторое время внимательно читал возникающие на боковом экране строки ответа. Затем отдал распоряжение машинам переслать фактотуму сообщение.

* * *

...Пройдя по чудом уцелевшему, не растащенному строителями замков куску старой римской дороги, они остановились. Именно здесь, за низенькими холмами их, как подтвердили загодя посланные разведчики, и ожидал противник.

Рыцарский отряд въехал на пологий взгорок. В первый момент Роже де Боле не понял, что перед ним искомые мятежники. Внизу, в сотне туазов, на лугу выстроилось настоящее войско. Идеально ровный, словно вычерченный на земле рукой архитектора, поблескивающий сталью полумесяц. «Не меньше четырех тысяч с лишком», – определил на глаз де Боле.

– Святой осел! – выругался барон, – их тут бес знает сколько! Пусть десять тысяч дьяволов заберут меня!

Он с глухой тревогой оглядывал ровные ряды врагов. Бунтовщики не рвались вперед при виде рыцарей, не кидались в схватку очертя голову, с воплями размахивая дрекольем, как это бывало обычно. Они стояли абсолютно неподвижно, как бы приглашая первыми напасть на них. Одно это могло насторожить. Да, пожалуй, балы был не так уж не прав. Тут дело и впрямь нечисто!

Барон, как уже говорилось, был довольно глуп, но только не в том, что касалось войны. И поэтому сейчас, когда дворянский гонор требовал немедля мчаться во всю прыть вперед, рубить и топтать на скаку грязных мужланов, здравый смысл подсказывал: постоять и подумать. Его люди замерли позади, ожидая приказаний.

– Что-то не очень нравится мне, как они стоят, – вполголоса пробормотал кто-то из них, должно быть – самый умный.

Не обращая внимания на шепот за спиной, Роже напряженно вглядывался во вражеские ряды, про себя поминая задницу Вельзевула, причинное место Марии Магдалины, невинность папы Григория и тому подобные, столь же благочестивые материи.

Строй напоминал арабский – нарочито слабая середина, напрашивающаяся на удар, и два изогнутых крутой дугой сильных крыла, готовых охватить, сдавить мертвой хваткой втянувшегося в бой врага.

«Неужели сама додумалась? Да нет, быть не может, чтобы баба...»

Он еще раз оглядел напоминающий натянутый лук строй. Да, именно так строили свои полки мавры в Испании. Но кто же ее надоумил??

Барон хищно усмехнулся: там, кажется, откуда-то взялся бывалый вояка? Ну что ж, сейчас он увидит, что Роже де Боле тоже не дурак! Должно быть, он знать не знает, что барон не раз и не два крошил самонадеянных мусульман, воображавших, что их хитроумные построения что-то значат в сравнении с истинной доблестью и храбростью.

– Позвать ко мне этого... командира пехотинцев – скомандовал он, не оборачиваясь.

* * *

– Спорное решение... – критически поделился своими мыслями Кхамдорис, внимательно изучая схему боевых порядков. – Двойная ловушка без сколь-нибудь длительной подготовки согласованных действий, на одном суггестивном управлении... Конечно, при прочих равных условиях это вполне могло бы сработать, но... Осторожность – прежде всего. Не попусти Тьма потерять фактотум.

Его озабоченность была вполне понятна Таргизу.

Она – тот инструмент, посредством которого они единственно и могут не только видеть и знать все, происходящее в этом мире, но и определять его судьбу.

– В самом деле, будь предельно осторожен, не подставляй ее без нужды под стрелы, – сухо бросила Мария Тер-Акопян. Физиологическая составляющая пока еще не в том состоянии, чтобы обеспечить регенерацию после достаточно тяжелого ранения

– Если я уберу ее подальше, то не смогу достать нападающих.

– Да, верно, – Мария задумчиво почесала нос. – Ну, попробуй, может быть так, без суггестии. По-моему, вполне получится. Или поставь защиту.

– Сгорит ответственный фрактал, так что потом не реконструируешь, только и всего. А если, как ты предлагаешь, отказаться от ментального воздействия, то ее люди просто побегут. Не время еще для таких экспериментов.

– Ну ладно, – волновой оператор опустила в кресло. Придется рискнуть.

– Свет Смерти! – подал голос напряженно следящий за показаниями сканера Эст Хе. Там, кажется, сенситив!

– Где?! – Таргиз и Мария тревожно переглянулись.

– У королевских... Да еще, вдобавок, и активированный. Только этого не хватало!

– Сильный?

– Да нет, через несколько секунд ответил Эст – так себе. Одна десятая от стандартной силы для данной категории континуумов... Так-так, направленность узко векториальная, прогностическая, третья группа, низшие регистры фиолетового спектра...

– Пожалуй, опасности не представляет, – пробормотала Тер-Акопян, успокаиваясь. Ну что ж, начнем, благословясь.

* * *

...И вновь неведомая сила вливается в меня. Точно такое же чувство, как тогда, когда я стояла на замковой площади перед коленопреклоненными соратниками, среди крови и мертвых тел... Сила переполняет всю меня, давая мне чувство грядущей неизбежной победы, изгоняя прочь из души страх перед закованными в сталь врагами... Их всех ждет смерть! И я чувствую исходящий от их толпы затаенный страх, они тоже предчувствуют свой конец, хотя и не понимают этого...

* * *

– Ты, приятель, – зычно обратился барон к подъехавшему Гийому Иверу, – со своими солдатами начнешь первым. – Ударишь по правому крылу. Перестреляй этих скотов побольше, прежде чем сойдется рукопашную. Ну а мы, – он указал на беспорядочно столпившихся рыцарей – начнем попозже и атакуем левое. И если после этого они не побегут как зайцы, то пусть меня, – он расхохотался, – проткнут в двадцати местах сразу.

...С того момента, как за ним закрылись городские ворота, Гийом Ивер все время отгонял кошмарное воспоминание – такие же тяжелые, окованные железом ворота, захлопнувшиеся вслед за загнанными в городской собор жителями Гренобля, – женщинами, детьми, стариками, ранеными. Собор, который через несколько минут будет подожен с четырех сторон хохочущими пьяными солдатами, среди которых был и он, тогда еще простой лучник девятнадцати лет от роду. Всю дорогу он старался не думать о предстоящем бое; старался вообще ни о чем не думать. В голову лезла всякая всячина – зацветающие деревья вдоль дороги, порванная и грубо зашитая подпруга седла – не оборвалась бы вновь, жена, что провожая его, вдруг разрыдалась, кинувшись ему на грудь.

Затем на глаза ему попался Филипп де Альми гордо восседавший на своем, редкостной золотисто-гнедой масти жеребце, и Ивер подумал, что было бы неплохо, случись бунтовщикам

прикончить его. И тут же перекрестился – великий грех желать гибели своему соратнику, кто бы он ни был.

За последние дни мучительная тоска и неприятное колющее ощущение в затылке не то чтобы угасли, но сделались привычными, он даже, можно сказать, притерпелся к ним.

Но сейчас, почти не вслушиваясь в слова де Боле, он вновь с ужасом ожидал, что окружающее вдруг утонет в стеклянисто блестящей дымке, а голову пронзит знакомая боль.

Барон, проводивший его взглядом, увидел, как комендант спрыгнув с коня, и не глядя бросив поводья одному из увязавшихся за ними горожан, направился к сгрудившимся у подножья холма солдатам.

...Семьсот пар кованых башмаков одновременно ударили в землю. Пехотинцы двинулись на врага. Впереди копейщики, держащие длинные пики наперевес, за ними алебардисты, позади – четыре шеренги стрелков.

Боль за ухом, возникшая следом за разговором с бароном, не отпускала, но и вроде бы не усиливалась. «Может еще обойдется все», – промелькнуло в голове у Ивера.

Комендант шел, тяжело переставляя ноги, точно налитые свинцом. Так бывает в кошмарном сне, когда за тобой гонится неведомый ужас, а ты не в силах убежать. «Может обойдется, – мысленно твердил он. – Господи, помоги, не дай умереть без покаяния!»

Воинству, неведомым образом, передались чувства командира. Люди сбивались с ноги, невольно замедляя шаг, строй растягивался, извиваясь. Он, даже не оборачиваясь, знал это, слыша, как вразнобой топчут позади грубые, подбитые железом подошвы. Многие невнятно бормотали молитвы...

С пригорка хорошо было виден солдатский строй, ползущий навстречу не двинувшимся с места бунтовщикам.

– Что это с ними? Чего они ползут, как мухи по коровьей лепешке?! – в досаде выругался барон.

...Вот уже враги были в досягаемости их выстрелов. Немеющим языком Гийом Ивер отдал команду. Заскрипели натягиваемые воротки, защелкали первые стрелы.

В строю мятежников упали первые убитые; потом еще и еще. Солдаты стреляли не слишком метко, но чтобы промахнуться на такой дистанции по неподвижной цели, нужно было сильно постараться. Руки работали независимо от головы: с усилием повернуть девять раз рукоять, вытащить короткий тяжелый штырь, вложить в гнездо... арбалет к плечу, палец жмет на спусковую планку... Кто-то упал... Или это не его выстрел?

Со стороны мятежников прилетало на удивление мало стрел.

«Почему? – незамутненным краем сознания удивился Гийом. Нас ведь так легко перебить...» Нужно было, не теряя времени и не дожидаясь, пока враг опомнится, упорядочить стрельбу, а затем рвануться вперед и сойтись с бунтовщиками лицом к лицу, пустив в дело алебарды, мечи и боевые топоры. Мужики наверняка не выдержат и обратятся в бегство, они ж непривычные, они умеют только покорствовать, да гнуть спину... Но странная истома прочно овладела комендантом, и он был не в силах ничего сделать.

«Пора!! – решил барон. Черт с ними!»

– Вперед, пош-шел! – он хлестнул жеребца плетью. Переходя с рыси на быстрый галоп, наставляя пики, верховые устремились за де Боле, на скаку выстраиваясь в подобие тупой подковы.

Двести шагов... Земля летит из под копыт. Сто пятьдесят шагов... Сто двадцать... Краем глаза барон зафиксировал топчущуюся на месте в нерешительности пехоту, тем не менее старательно прореживающую стрелами по-прежнему недвижимый строй бунтовщиков.

– Почему они не контратакуют?? – пробормотал Ивер, вгоняя очередной болт в серую человеческую массу.

Сто шагов... В душе храброго барона вдруг возникло непреодолимое почти желание вернуть коня и мчаться прочь, наддавая изо всех сил шпорами.

Пятьдесят... Ему уже видны накидки из козьих шкур, утыканые стрелами бесформенные щиты, кое-как сплетенные из лозы, загорелые лица под рваными колпаками и шапками длинных грязных волос. На лицах этих написана непреклонная решимость не отступить.

Тридцать! Вот сейчас они врубятся в эту ошетилившуюся дрянными самодельными копьями толпу и, почти не сбавив ходу промчатся сквозь нее, оставляя за собой ковер из мертвых и хрипящих в агонии тел.

Двадцать!

Где-то позади поредевшего темно – серого строя коротко пропела труба. «Конец!!» – ударило набатом в мозг коменданта. Качнувшись, вся масса мятежников, разом подалась назад...

Ааа!!! – завыл, заревел барон, и этот крик смертельного ужаса подхватило почти полторы сотни глоток. Там, где только что стояли люди, высился лес забитых в землю кольев, вил и отточенных до бритвенной остроты кос. Всей тяжестью де Боле повис на поводьях, но слишком малое расстояние осталось до смертоносного железа, чтобы разогнавшийся тысячефунтовый жеребец успел остановиться. Спина коня ушла куда-то вниз, страшная сила вырвала барона из седла, небо и земля несколько раз поменялись местами. Боль, нечеловеческая боль кровавым облаком застлала взор. Затем на Роже де Боле рухнула всей тяжестью конская туша...

...Остолбенев, глядел капитан на гибнущую конницу. Вопли умирающих, лязг доспехов, крики лошадей – назвать эти звуки ржанием не поворачивался язык... Лишь немногие сумели каким-то чудом задержать коней и теперь удирали прочь во весь опор. И в этот миг воздух наполнило слитное гудение тетив – бунтовщики наконец-то ответили по настоящему. Добрая четверть бывших под началом коменданта рухнула наземь. Вопли раненых слышались со всех сторон. Гийом пришел в себя. Страх по-прежнему не уходил, но непонятное оцепенение пропало, и боль в затылке и позвоночнике, напоследок вспыхнув, тоже отпустила. Он увидел, как из ближнего леса вылетают одетые в брони всадники. По их посадке было видно, что это непрофессиональные воины, но какое это значение имело теперь!

Бежать!! Но прежде чем эта мысль оформилась в голове, его люди уже ринулись прочь бросая оружие, топча моливших о помощи раненых. Не пробежали они и десятка шагов, как в спины им ударил второй залп...

...Он неся, задыхаясь, среди других таких же, охваченных паническим ужасом людей, а сзади их неумолимо настигал конский топот.

Вот всадник поравнялся с бегущим рядом с ним молодым солдатом, все еще прижимавшим к груди бесполезный арбалет, взмахнул кистенем... Стальной, усеянный острыми зубьями шар на длинной цепи обрушился на спину парню, разрывая кольчугу, ломая ребра, дробя позвоночник. Брызнула кровь.

А за спиной коменданта уже слышался храп лошади, жаркое дыхание коснулось его затылка.

Обернувшись, Гийом увидел занесенную над собой секиру в руках полуголого всадника. Инстинктивно он попытался заслониться от стремительно падающего лезвия рукой, но не успел.

...С каким-то странным удивлением: почему он совершенно не чувствует боли, Гийом Ивер увидел раздробленную бело-розовую кость ключицы, опадающее на глазах сизое легкое... Затем из рассеченного плеча хлынул красный фонтан. Земля покатила ему навстречу, дневной свет померк.

Перед его взором встали алые маки в золотистой пшенице у стен родного городка, крошечная дочка, весело щебечущая на его руках, юное, освещенное ласковой улыбкой лицо

жены... Затем все поглотил мрак, и лишь далекий глухой гул звучал в его сознании еще некоторое время.

* * *

...Прильнув к шее коня, Филипп де Альми летел вперед, к спасительным стенам города. Он бросил пику; меч, который он так и не успел обнажить, подпрыгивая, колотил его по бедру.

Только одна мысль владела им – спасти жизнь любой ценой! В эти минуты он был трусом и не стыдился этого.

...Он видел, стараясь изо всех сил сдержать несущегося вперед коня, как умирают в муках его товарищи по оружию, как, взревев, отступившие враги кинулись вперед, добивать еще живых. Ему несказанно повезло – он задержал коня всего в паре туазов от кольев.

Рванув удила, он развернул Шмеля, что есть силы ударил шпорами. Скакун взвился от жгучей боли, но всадник усидел, сдавив рассеченные до крови бока и, огрев коня плетью, погнал его прочь с поля битвы, ставшего в мгновение ока полем смерти. В тот миг уцелевшие всадники совершенно забыли о гибнущей пехоте, не сделав даже попытки помочь ей.

Они мчались как бешеные, а за их спинами слышался нарастающий топот копыт и вопли преследователей.

Им удалось оторваться от погони. Все решило то, что рыцари спасали свои жизни, а гнавшиеся за ними хотели только настигнуть нескольких разгромленных врагов. Шмель, которого он холил и лелеял, которого кормил отборным овсом, даже если приходилось отдавать за него последние медяки, не подвел.

Когда впереди показался городской вал и знакомая корчма у ворот, он едва не потерял сознание от жгучей радости – спасен. Но тут же молнией блеснуло: «Хелен!». Он пришпорил уже начавшего уставать коня. Возле барбакана стояли люди, тревожно вглядывавшиеся в даль; он даже не обратил на них внимание.

Филипп первым подлетел к распахнутым воротам. Мелькнули испуганно недоумевающие лица охранявших их – и вот он уже в городе.

Немало людей собралось на площади перед воротами. Галдя, они кинулись к нему, но он, едва не сбив кого – то, помчался к заветному домику, предоставив рассказывать о случившемся тем, кто бежал следом за ним.

Только одна мысль – о Хелен, о том, что ее надо спасти, билась в его голове.

Из под копыт Шмеля била грязь, разлетались, квохча, куры.

Натянув поводья, он остановился у домика под некрашеной тесовой крышей.

От крыльца к нему бежала Хелен. С недоумением взирала она на покрытого пылью всадника на взмыленном коне.

– Что случилось, Филипп?!

– Нас разбили, – выдохнул он. – Надо бежать!

– К-как разбили? – пробормотала Хелен полупшепотом. – А отец?

Де Альми почувствовал, что не сможет сейчас сказать, что ее отец наверняка погиб.

– Твой отец... Я не видел его, – невпопад ответил Филипп. – Хелен – надо бежать! – повторил он.

На колокольне запоздало ударили в набат.

– Да ты что, рехнулся?! Да отец, как вернется, проклянет меня, если узнает, что я сбежала с тобой! И как я брошу мать и сестру?

«Она ничего не поняла!» Филипп едва не завыл от злой досады: как объяснить ей, безмозглой клуше, что Вокулер, оставшийся без защитников, неизбежно станет добычей бешеного мужичья, которое уж точно не пройдет мимо пухленькой и аппетитной дочки начальника гарнизона?!

– Да ты...

Лопнул ремень, и висевший на седле щит с грохотом упал на землю.

– ... твою мать!! – выругался де Альми.

Хелен повернулась, намереваясь захлопнуть за собой калитку.

Позже Филипп долго не мог понять: что ударило ему в голову тогда? Но в тот момент он не думал вообще ни о чем, словно им руководила чья-то чужая воля.

Ухватив за воротник блузы, он одним рывком втащил Хелен в седло и, перекинув через спину коня, надал шпорами.

Ошеломленная девушка начала кричать и вырываться, только когда они уже проскакали переулком и помчались по главной улице Вокулера, ведущей к воротам.

Но руки Филиппа крепко держали ее, а удары кулачков не могли повредить ему, законному в доспехи, пусть и плохонькие.

«Только бы не заперли ворота» – повторял он про себя, соображая, что надежд на это мало.

Но ему вновь повезло – ворота были все еще открыты, должно быть охранявшие их надеялись, что не все погибли. На предвратной площади люди собрались вокруг нескольких всадников, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг.

Стражник, пытавшийся загородить ему путь, испуганно отскочил в сторону и только что-то крикнул вслед, когда копыта Шмеля уже прогрохотали по подъемному мосту.

Глава 2

Я пытаюсь понять, что происходит со мной, и не могу. Как случилось, что я оказалась во главе бунтовщиков, почему они слепо идут за мной, беспрекословно повинуются мне?

Словно неведомый грозный могучий вихрь подхватил меня и понес куда-то; поставил во главе огромного войска, сокрушающего неприступные крепости и непобедимых рыцарей...

Но я так до сих пор и не знаю – зачем все это надо, и кому я служу? Почему я вспоминаю то, чего не знала никогда, и знать не могла? Почему я всегда знаю, что надо делать? Откуда идет это мое знание? Мне точно известно, как надо расставлять свои войска, чтобы наверняка выиграть бой и что будет делать враг; случается, я вспоминаю, что у осажденной крепости есть забытый всеми подземный ход, и он обязательно обнаружится там, где указала я. И я могу предчувствовать опасность, которой еще нет, которая видится мне зыбкой, размытой тенью, где-то там, впереди.

Я пытаюсь все это понять, но не могу ни на йоту(а еще недавно я не знала этого слова) приблизиться к разгадке.

Я знаю, что я Катарина Безродная, которую иначе не звали никогда. Я знаю, что я человек из плоти и крови, не бледный призрак и не привидение. Когда я рассекла себе руку кинжалом, то рана затянулась буквально на глазах, но из нее текла горячая и соленая кровь, которая быстро свернулась и побурела. Мое лоно кровоточит в установленные дни, а мужская плоть по-прежнему дает мне наслаждение. Я обнаружила, что, если нужно, могу подолгу обходиться без еды и воды, но чувствую голод и жажду, я перестала бояться холода, я могу бежать почти вровень с лошадью, не уставая, и сон мне почти не нужен.

Но это все не главное. Когда я говорю с людьми, то чувствую в душе, словно какой-то всепобеждающий огонь, переполняющую меня огромную силу, изливающуюся на окружающих.

Я не могу передать всего, что я чувствую, словами; это – как сон, яркий и одновременно пугающий. Словно в этом сне я дышу, живу, разговариваю, проповедую людям то, о чем даже ни разу не задумывалась до того утра, когда пробудилась от странного забытья, отдаю им

приказы и отвечаю на их вопросы, не зная откуда берутся в моей памяти ответы. Но сон этот как будто не про меня, а про кого-то другого...

Иногда мне и впрямь кажется что я – уже не я, ведь прежде я была совсем иной... и во мне нынешней почти нет того, что было сущностью меня прежней. Лишь глядя в зеркало я вижу свой прежний облик, и одно это убеждает меня, что я – это я...

* * *

Нечто темное, жуткое, чужое и чуждое, незаметно вторгалось в мир людей. Оно не имело видимого облика или запаха, его нельзя было услышать или попробовать на вкус. Неосязаемое, неуловимое, необъяснимое словами, оно тем не менее давало о себе знать. Оно проявляло себя в глухих беспокойных предчувствиях, захватывавших все больше и больше людей, в кошмарных снах, заставлявших детей с криком пробуждаться по ночам, в смутных, но угрожающих пророчествах кликуш и бесноватых, в тревожных видениях, что посещали немногих избранных, владеющих необычными способностями. Оно протянуло свои невидимые щупальца далеко за пределы небольшого выступа громадного материка, гордо именуемого христианским миром, за моря, океаны и горные хребты, незаметно меняя предначертанный ход событий. Вспыхивали неожиданные мятежи, вроде бы без особых причин затевались войны, делались туманные и зловещие предсказания, почему-то сбывавшиеся.

Перемены коснулись и природных явлений. Где-то слегка изменили свой путь воздушные течения, вдруг, в теплое время года, совершенно неожиданно выпадал снег, засуха поражала прежде плодородные области, а над безлюдными пустынями выпадали бесполезные дожди. Звери тоже испытывали непонятное беспокойство, иногда словно даже сходя с ума, что не укрывалось от человеческого взгляда, и не могло не вызывать смутной тревоги.

Мудрецы из иных времен и миров называли бы происходящее «искажение реальности». В данном месте и времени ни в одном языке даже не было подобных слов. Но, тем не менее то, что они обозначали, не могло остаться незамеченным.

И все больше людей испытывали неизъяснимый страх перед будущим. Что-то страшное надвигалось на пока что еще ничего не подозревающее человечество, обитавшее на одной из бесконечного множества подобных ей планет в мириадах параллельных вселенных.

* * *

Начало апреля. Орлеан.

Из-за окон дворца доносился цокот копыт, грохот колес подъезжающих карет, окрики возничих и слуг. Гости продолжали съезжаться, и все новые и новые посетители, облаченные в богатые одежды, входили в ярко освещенный зал.

Лица духовного звания, дворяне, богатые купцы, городские нобили.

Мажордом, уже слегка охрипнув, выкрикивал имена и титулы.

– Мэтр Шарль Леруа – виконт-майор¹⁰ Орлеана.

– Мессир Тристан де Гревенн – граф, сеньор Вилфранш.

– Мессир Готье де Рети – смотритель королевских лесов и вод герцогства Орлеанского.

– Мэтр Жером ле Орийак – протонотарий¹¹ Иль-де-Франса.

¹⁰ Виконт-майор – мэр крупного города.

¹¹ Протонотарий – должность, примерно соответствующая начальнику канцелярии провинции.

- Мессир Эдуард Моро – аббат монастыря Святого Франциска.
- Баронесса Марселина де Ферран.

Архиепископ Сомюрский Леон де Иверни задавал пир, желая отметить таким образом годовщину своего рукоположения. Граф Бертран де Граммон, сир Онси, бывший в числе приглашенных, в ожидании начала торжества прохаживался по обширному главному залу дворца. Хотя траур по жене еще не окончился, он все же принял приглашение архиепископа, боясь нанести обиду клирику, приходившемуся, вдобавок, графу дальним родственником.

Кроме того, двор его преподобия успел прославиться блеском и утонченностью, мало в чем уступающей королевским.

Прежний архиепископ – преподобный Робэр, маленький хрупкий старичок, занял свою должность не столько благодаря склонностям и стремлению, сколько благодаря улыбке Фортуны. Больше всего на свете он боялся вызвать чем-нибудь неудовольствие Святого Престола, и каждый приезд папского легата повергал его в священный ужас.

Не меньший трепет вызывала в нем, впрочем, и королевская власть; хоть нынешнего государя нельзя было сравнить с его грозным отцом, но он так же без излишнего пиетета относился к церкви.

Все это, а так же преклонные года и болезни, привели к тому, что деятельность почтенного старца свелась, в итоге, лишь к отправлению самых торжественных обрядов, а дела епархии не без выгоды для себя, разумеется, велись его ловкими помощниками. Занимавший ныне сей высокий пост преподобный Леон сумел быстро придать архиепископской митре должный блеск.

На устраиваемых им пирах демонстрировали свое высокое искусство знаменитые менестрели, чтецы, поэты и философы. Астрологов и алхимиков при его дворе было немногим меньше, чем служителей церкви. Впрочем, любители менее утонченных забав так же не имели оснований жаловаться. В резиденции его преподобия не менее часто можно было встретить весьма остроумных шутов, фокусников и, не в последнюю очередь – не слишком строгих с мужчинами красавиц – танцовщиц и певиц из Италии, Кипра, земель Восточного Рима. Архиепископ и сам, по примеру многих церковнослужителей, не чуждавшийся радостей земных, был снисходителен к человеческим слабостям.

Зал все больше заполнялся людьми, шум голосов звучал все громче.

В ожидании начала пира гости могли выбирать развлечения по своему вкусу. Молодые дамы и их кавалеры слушали пение провансальского трубадура: изящного томного юноши в красной шелковой тунике и щегольски заломленном берете. Другие обступили старого барона де Краона – одного из последних доживших до сего дня крестоносцев, чудом уцелевшего героя Сен-Жан-де-Акр.¹² Иные же просто беседовали, прогуливаясь по двое – по трое. Одна такая компания остановилась неподалеку от де Граммона, в одиночестве рассматривавшего мозаику, недавно законченную специально приглашенными из Неаполя мастерами, изображавшую пленение Людовика Святого. Трое, одного из которых, рыцаря де Суни, граф неплохо знал, обсуждали события происходившие далеко от французских границ. – Старый Ираклий вроде бы собирался просватать свою правнучку за Пьера Кипрского, – говорил сановито выглядевший немолодой чернобородый мужчина, судя по одежде – богатый горожанин. По крайней мере, об этом говорили в Никее, перед тем, как я отплыл.

– Его правнучке лет, должно быть, уже немало, – рассмеялся третий участник беседы, лицо которого тоже показалось Бертрану знакомым. Ведь Ираклий Палеолог сидит на троне дольше чем мы оба, мэтр Рене, прожили на свете. Ему, думаю, уже больше ста.

¹² Сен-Жан-де-Акр (Акка), город-крепость в нынешнем Ливане, последний оплот крестоносцев, захваченный арабами в 1291 году. Взятие его принято считать моментом окончания эпохи крестовых походов.

– Ну, что вы, шевалье, – с улыбкой заступился де Суни за византийского самодержца. Ираклию еще и девяноста нет. Его отец отвоевал у наших рыцарей Константинополь, если я не ошибаюсь за два... нет – за три года до того, как он появился на свет.

– Сколько бы лет ей ни было, я не нахожу, что Ираклий – такой уж завидный родственник для кого бы то ни было, тем более для кипрского короля, – продолжил неизвестный шевалье.

– Нет, отчего же, – вновь вступил в разговор тот, кого назвали мэтр Рене. Как – никак, в этом случае король имеет все шансы занять константинопольский трон. Кроме того, как я слышал, в молодости император был достойным воином. Когда он воссел на престол, его владения простирались немного далее крепостных стен Константинополя, а сейчас ему принадлежит почти половина Малой Азии. Он выгнал де ля Рошей из Афин и турок тоже изрядно пощипал.

– Тут я с вами не соглашусь, – пробасил де Суни, задетый, должно быть, за живое рассуждениями неблагородного о воинской чести. Не спорю, он удачливый полководец, но рыцарства в нем нет ни капли. Все победы ему приносила хитрость и изворотливость. Да и вообще воевал не как христианин, а как сарацинский язычник: он не гнушался даже подкупать вражеских военачальников. Я не говорю уже о том, что он изрядно труслив. Под Смирной, помню...

Троица удалилась, граф за ними не последовал: дела Константинопольской Империи его совершенно не занимали. Особенно на фоне событий, уже почти два месяца разыгрывающихся на севере Франции.

Кстати, именно на эту тему беседовал с двумя дамами не первой молодости только что вернувшийся из Артуа клирик из свиты архиепископа.

Как раз сейчас он рассказывал о происшествии, приключившийся с ними по дороге. На ночлег они остановились в небольшом аббатстве Сент-Юан, прославившемся чудотворными мощами сразу нескольких святых, но не обладавшим стенами достаточной крепости.

Ночью к воротам обители прибежал крестьянин из принадлежавшего монастырю села, с паническим сообщением, что совсем неподалеку расположилась конница бунтовщиков. Страх мгновенно охватил всех его обитателей – и святых братьев, и путников с монастырского постоянного двора.

Вооружившись кто чем мог, они собрались в трапезной, но думали больше не об обороне, а о неизбежной скорой смерти. Всю ночь они провели без сна, читая молитвы и ежеминутно ожидая нападения злодеев. А приор, должно быть совсем потеряв голову, почему-то вообразил, что его обязательно сварят живьем, и даже хотел приказать продырявить большой медный котел, стоявший в монастырской поварне. Таким образом он намеревался помешать бунтовщикам, которые неизбежно возьмут монастырь, осуществить это намерение.

Когда рассвело, оказалось, что за банду всадников приняли стадо быков, которых торговцы скотом перегоняли в Париж.

Но вот по залу прокатился приветственный гул – перед гостями появился сам архиепископ Леон. Он моментально оказался в центре всеобщего внимания.

Весь облик его был полон достоинства, проистекавшего из осознания своей значимости.

Его высокая дородная фигура величаво плыла среди толпы гостей.

Облачен он был в сутану из темно-фиолетового бархата, отороченную золотой вышивкой. На груди висел крест, в центре которого сиял крупный золотистый топаз.

– Рад видеть вас, – обратился хозяин к собравшимся. – Рад, что вы почтили своим посещением меня – недостойного слугу господнего. Хочу надеяться, что вас привело сюда не только уважение к моему сану, но и к тому, что удалось мне сделать в этот год в меру слабых моих человеческих сил.

К сожалению, сегодняшнее торжество омрачают печальные события, что имеют место быть в нашем королевстве.

– Но, мессире, – возвысил голос архиепископ. Вспомните, сколько подобных возмущений случалось на нашей с вами памяти, и до нас, да и, увы, после нас наверняка случится.

Речь преподобного Леона все больше напоминала проповедь: должно быть он увлекся. Впрочем, послушать его было одно удовольствие: те, кто лгья сравнивали его слог с творениями Иоанна Златоуста, не так уж сильно грешили против истины.

– Вспомните хотя бы происшедшее без малого сто лет назад, – продолжил он с таким выражением, словно слушатели лично могли застать упомянутые времена. Вспомните, мессеры: какой-то венгр явился ко двору, обманул королеву Бланку, и с ее согласия принялся собирать крестовый поход из простолюдинов. Кстати, как и сейчас, он проповедовал, что знатные отвергнуты Богом за спесь и безверие, – на лицах кое у кого из присутствующих промелькнуло выражение недовольствия при этих словах.

И этот нечестивец тоже ссыался на волю Богоматери: ничто не ново под Луной, как видите. И что же – ему дали полную свободу, вместо того чтобы немедленно сжечь! Он собрал армию из всякого сброда в пятьдесят знамен. Священники, которых они поставили над собой, открыто проповедовали безбожную ересь, разбой и разврат. Невозможно перечислить совершенные ими злодеяния – я читал сообщения о них в архивах капитула и, клянусь, не смогу повторить все это.¹³

– А что творилось еще на глазах ныне присутствующих здесь во время мятежа буколов в царствование покойного короля Филиппа V, да почиет он в мире?!

– Ереси, – он оседлал своего любимого конька, – ереси, к великому несчастью множатся по прежнему. Дьявол, дети мои, не дремлет.

– Впрочем, увы, – развел руками архиепископ. Ведь простолюдины – добыча для него весьма легкая. Истинной, глубокой верой могут похвастаться немногие из них – слишком много грубых суеверий гнездится в их душах! Они верят, к примеру, что души некрещенных младенцев вселяются в голубей, что мертвецы в могилах едят свою плоть и даже хрюкают, как свиньи.

В деревнях по праздникам перед церквями все еще закалывают животных, будто на языческом жертвоприношении. Да вы сами, наверное, знаете, что творится во время этих праздников, как они чтут святых и мучеников. Бесстыдные пляски, попойки с обжорством, сквернословием и разнузданной похотью – настоящие оргии!

Архиепископ махнул рукой.

– А впрочем, что долго говорить, – архиепископ махнул рукой. – Вы слышали когда-нибудь о святом Гинефоре Домбском?

Видимо, никому из присутствующих имя это не было знакомо,

– Так вот, – он патетически воздел руки. – Под этим именем темные люди почитают собаку!

– Собаку?! Как, собаку?? – послышались изумленные восклицания. Епископ сокрушенно вздохнул.

– Увы, чему же после этого удивляться?! А что до нынешнего возмущения... Воистину знамение Господне, что столь богохульный и еретический бунт возглавила женщина – Radex Malogoum!¹⁴ Прошу прощения у присутствующих дам. – Бунтовщики называют ее Светлая Дева, – продолжил епископ. Между прочим, Дева – одно из имен языческой богини Дианы. А ведь именно Диана считается покровительницей ведьм.

– По латыни ее имя звучит как Люцивиргиния, – похвалился кто-то из присутствующих своими познаниями,

– Верно Люцивиргиния – почти что дочь Люцифера.

¹³ События, действительно происходившие в 1251 году.

¹⁴ Radex Malogoum – корень(первопричина)греха – распространенный взгляд на женщину в богословии того времени. Ср. «Молот ведьм»: «Женщина – это химера...она горька, как смерть, как дьявол...»

– Дьяволица, – уточнил барон де Краон, не зная, конечно, что данному им только что прозвищу суждено быть вписанным в историю.

– Вы удивительно остроумны, мессир, – улыбнулся архиепископ. И весьма точно определили суть того, что она творит.

Но тут под сводами зала прозвучали голоса труб, и мажордом пригласил присутствующих к столу.

Кухня архиепископа заслуженно славилась далеко за пределами Орлеана и, по словам знатоков, вполне могла соперничать с королевской. А на этот раз повара поистине превзошли самих себя, постаравшись на славу. Оленьи окорока и седла в шафранном соусе, кабаны с приправой из трюфелей, пироги, начиненные ежевикой, финиками, зайчатиной, и замысловатые торты с винной подливой.

На больших серебряных блюдах миловидные прислужницы подавали розовую нежнейшую лососину и отварную форель. Вторая перемена состояла из золотистых, подрумяненных куропаток и фазанов. Истекая нежным жиром, они горками лежали на больших тарелках разноцветной итальянской майолики.

Однако же лучшим украшением стола были зажаренные в соусе с пряностями горлицы, коих откармливали на голубятне архиепископа зерном, размоченным в молоке. Гости не заставили себя упрашивать отведать все это.

За столом велись обычные разговоры, слышанные им уже не один раз. Об охоте и о качествах охотничьих собак, которыми гости хвастались друг перед другом, словно в них была их заслуга, пересказывались столичные и местные сплетни.

К тому моменту, когда слуги начали разносить десерт – сваренные в меду цукаты на серебряных блюдах тонкой чеканки, аккуратно разрезанные на дольки дыни, лишь недавно появившиеся во Франции, и миндальные пирожные – де Граммон уже начал слегка сожалеть о том, что решил посетить высокое собрание. Тем более, что от всего съеденного у него уже началась изжога.

* * *

Информационно-логический блок С-7890-Коричневый.

Оперативный отчет. Адресаты – Хранитель– Наставник Зоргорн, Хранитель-Куратор Таргиз, Хранители – операторы Эст Хе и Мария Тер – Акопян, Хранитель – комавент Эоран Кхамдорис. Высшим – без ограничений.

В соответствии с проводимым планом воздействия в данном континууме, используя дополнительно сформированные к настоящему моменту каналы, продолжается осуществление суггестивного воздействия, направленного на дальнейшую стимуляцию деструктивной активности социума. При этом имеют место незначительные спорадические побочные эффекты в виде:

- 1. Апатии и снижения положительной активности в ряде территориальных конгломератов зоны первичного воздействия**
- 2. Активизации отдельных индивидуумов и малых групп религиозного и квазимагического характера.**

Данные эффекты не могут оказать заметного отрицательного влияния на развитие плана воздействия.

Внимание! В популяции имеется значительное число субъектов, невосприимчивых к дистанционному суггестивному воздействию.

Часть из них так же не восприимчива к прямому воздействию в зоне непосредственной дислокации фактотума.

Рекомендации – усилить идеологическую составляющую программы воздействия на социум.

* * *

Свой день Наставник – Хранитель Зорггорн всегда начинал с обхода части дворца Атх, занимаемой подведомственным ему управляющим узлом.

Особой необходимости в этом не было, но традиция есть традиция. Точно так же, как по традиции, освещенной множеством циклов, которую на его памяти не нарушал ни один Высший, доклады им полагалось выслушивать лично, а не с помощью голографической связи, или, упаси Тьма Внешняя, через селектор.

В главном рабочем зале за пультами, в одиночестве колдовал младший оператор Эст Хе, взявший на себя текущие дела секции, ранее целиком курируемого Таргизом.

Зорггорн постоял, молча наблюдая за ним. Неотрывно уставившись на экран, тот следил, как одна за другой возникали и пропадали схемы, отображавшие потоки энергий, пронизавших по воле обитателей Мидра межпространственный хаос. На большом экране, занимавшем всю стену, разноцветными бликами сияла карта контролируемой отсюда части Метавселенной.

...Бесчисленные ряды мирозданий; ветвящееся огромное древо, неизмеримое и бесконечное. Бесконечная цепь бесконечных вселенных... И все они вместе – меньше ничтожнейшей пылинки рядом с тем, что еще неизвестно им. Сидящий за пультом обладает могуществом, что превосходит могущество любого из богов, выдуманных людьми. Стоит ему только захотеть и лишь чуть-чуть вмешаться в ход уже случившихся событий в каком-нибудь континууме – и ветвь расщепится – возникнет новая Вселенная. С Землей – с ее океанами, горами, людьми, с Солнечной системой. Со звездами, туманностями, квазарами и галактиками, с мириадами неизвестных разумных существ в ее бесконечных глубинах. Может быть, случится и так, что новая ветвь уйдет и в прошлое, к Египту и Атлантиде, к обитателям пещер, к динозаврам, ревущим среди громадных болот... К первичному океану и несущемуся среди облаков космической пыли раскаленному каменному шару и еще дальше, соприкасаясь с породившим ее мирозданием только в одной, бесконечно малой временной точке, измеряемой долями кашт – том неуловимом мгновении, когда она зародилась. И все это не сон и не мираж и будет существовать вечно, даже после того, как исчезнет Мир (если такое когда-нибудь произойдет). Во власти Эста совершить великое чудо, а он даже не задумывается над этим.

Эст Хе наконец поднял глаза от экрана; встал, приветствуя старшего.

– В операционном поле без изменений; на контролируемом участке Древа образовалось два новых ответвления, – доложил Зорггорну оператор. – На 29 и 17 ветвях. В первом случае это хрональная флуктуация, а во втором внешнее воздействие. – Вот как? – Зорггорн бросил мимо-летный взгляд на экран, где среди серых и синих линий короткими ярко розовыми отростками были изображены новорожденные континуумы.

– Да, Наставник, – подтвердил оператор – удалось даже установить, что воздействие осуществлено выходцами из континуума 456 уровня 34 ветви.

– Они уже додумались до передвижений во времени? Мне, признаться, казалось, что этому уровню рано еще.

– Да я сам удивился; они открыли, как выяснилось, совершенно новый способ, что-то связанное с электромагнитной формацией Единого поля. – Наши ученые уже подробно изучают этот вопрос, говорят даже Высших это заинтересовало.

– Ну, что ж, – вздохнул Зоргорн, раз они додумались до машины времени, то следует ожидать возникновения еще не одного континуума. Следовательно, возможно у нас прибавится работы... и Сомы.

Покинув операторскую, он спустился на нижний ярус, в это время почти безлюдный.

Множество залов с излучающими мягкое сияние полупрозрачными колоннами выстраивались анфиладой перед ним.

Стены одного из них украшали восьмиугольные и овальные экраны, в глубине которых проплывали, сменяя друг друга, картины жизни множества планет, именуемых их жителями различно на разных языках, но всегда одинаково по сути – Земля.

В свое время подобные залы были задуманы как дублирующие для основных операторских комплексов Хранителей, но теперь чаще всего сюда приходили понаблюдать за жизнью иных вселенных. Вот и сейчас перед одним из экранов расположился в раскладном кресле молодой демиург. На экране проплывала панорама большого города, застроенного зданиями, напоминавшими ступенчатые пирамиды огромной высоты. В небе, вровень с их верхушками, неспешно пролетали неуклюжие воздушные корабли, видом своим напоминавшие катамараны, а на заднем плане можно было разглядеть синюю полосу моря с точками судов на горизонте.

Каждый из обитателей Мира мог выбрать развлечения по своему вкусу. К их услугам были книги, написанные во всех известных мирах, созданные в них фильмы и театральные спектакли, все когда – либо происходившие спортивные состязания. Иные наполняли свой досуг почти одним только общением с противоположным полом, зачастую предпочитая выбирать из числа Свободных. Занятие не такое уж легкое, поскольку те побаивались хозяев Мидра, а какое – либо принуждение запрещалось обычаями, более строгими, чем законы. Другие, как вот этот демиург, отдавали свободное время наблюдению за жизнью в сотнях тысяч континуумов. Многие погружались в управляемые сны – старинное искусство, на которое Высшие смотрели почему-то искоса, или проводили целые дни на охоте за населяющими Мидр животными. Были те, кто не хотел знать ничего иного, кроме разнообразных игр, изобретенных в разное время и на разных планетах.

Нынешний Ученик Зоргорна был равнодушен ко всему этому. Он был из тех, кто отдыхал лишь потому, что это было необходимо. Таргиз был суровым трудоголиком. Он не нарушал установленных правил жизни и тратил на отдых не меньше положенного времени. Но и только. Смыслом его жизни была его работа, и то, что не было ею, принималось им лишь постольку, поскольку не мешало ей. Невольно Зоргорн задумался о нем. В самом деле, Таргизу многое дано, пожалуй, он самый способный из всех тех, чьим наставником он когда либо был.

Он не был самым лучшим создателем каналов, не самым лучшим оператором, хотя чисто операторские способности были отменными, его математические построения и программы не были верхом совершенства, даже реакция его была похуже, чем у иных. И вместе с тем в нем было что-то неуловимое, что отличало его от всех других, и благодаря чему все удавалось ему наилучшим образом. Можно ли было сказать, что он просто удачлив?

Не потому ли Высшие так внимательно наблюдают за ним?

* * *

Де Граммон выглянул в окно, в тысячный, наверное, раз оглядывая свой замок.

На огромном дворе – от стены до стены почти сотня туазов, кипела жизнь,

Все необходимое для существования нескольких сотен человек в течение как минимум полугода было заключено в этих стенах. Подвалы Шато-Онси хранили провиант на многие месяцы осады.

Вдоль стен выстроились домики замковых слуг с небольшими огородиками и курятниками возле каждого; из общественного хлева доносилось мычание коров. Слышалось кудахтающие кур, гогот гусей. С другой стороны тянулись конюшни и псарни.

Над кузницей поднимался дымок, время от времени в неподвижном воздухе слышался звон молота.

По зеленой траве, что покрывала двор, гонял на аркане необъезженного жеребца Аллейн – его младший конюший, принятый на службу сын деревенского шорника. Пожалуй, из парня выйдет толк.

Вот уже не первый год граф большую часть жизни проводил в этих стенах. Здесь, в парадном зале, он разбирал тяжбы своих подданных, судил нарушителей законов божеских и человеческих. Здесь обучал воинов своей дружины. Здесь принимал нечастых гостей. Здесь сыграли, одну за другой, свадьбы его дочери, чтобы уже на следующий день покинуть родной кров.

Внизу, прямо под окном, рос сад, обнесенный выложенной из булыжного камня оградой, где росли серебристые тисы и розовые кусты. Стоит только прикрыть глаза, и он увидит, свою, ныне покойную супругу, Изабель, прогуливающуюся среди роз, в руках у нее корзинка с любимой кошкой.

Опустившись в кресло, обитое синим бархатом и отороченное шелковой бахромой, де Граммон вернулся к своим размышлениям о нынешнем положении Франции. О состоянии королевства он судил здраво и беспристрастно, не закрывая глаза на пороки и неурядицы. Скудные урожаи и холодные зимы, чиновники, беззастенчиво набивавшие карманы, бароны сеявшие смуту, стремясь выколлотить у короля все новые привилегии и вольности; грызня могущественных кланов высшей знати, подрывающая власть... Двор с его бесконечными охотами, дразгами и интригами. Высшая знать, основное занятие которой травля кабанов и оленей да пиршества с драками, ссорами и хмельным разгулом, в конце которых благородные сеньоры валяются под столами как упившиеся мужланы, а благородных дворянок заваливают прямо на столах.

Победоносные восстания (привычно победоносные) во Фландрии, две неудачных и бессмысленных войны со Священной Римской Империей, на стороне которой в последний раз так некстати выступил Арагон. Мелкие крестовые походы – несостоявшиеся, почти состоявшиеся, бесславно завершившиеся в самом начале, но одинаково разорительные, и все это под разговоры о большом походе, что раз и навсегда должен утвердить Святую землю за христианами, в реальность которого уже не верил почти никто.

Все это так, глупо отрицать. Именно поэтому он сам несколько лет назад добровольно удалился от двора. Уж лучше разбирать споры между собственными арендаторами и пересчитывать доходы от имений, нежели с головой погружаться в весьма дурно пахнущие тонкости политики.

Но, при всем этом Франция оставалась самым могущественным и богатым государством христианского мира, и не только его. Слава Богу, ему было с чем сравнивать.

Он вспомнил Италию, где был дважды. Города, где под фальшивой позолотой прятались язвы убожества и нищеты, где квартал шел на квартал, а чужаку на соседней улице могли просто так воткнуть кинжал меж ребер. Толпы щуплых крикливых торгашей и ремесленников, облаченных в лохмотья, на которые не позарился бы иной парижский бродяга. Зловонные кучи отбросов, наподобие баррикад перегораживающие узкие кривые улочки. Склепы цезарей разграбленные дочиста века назад; древние мраморные гробницы, источавшие невыносимый смрад: уже многие поколения здешних жителей использовали их как отхожие места. Просторные площади, на которых разместились бы небольшая крепость, и где среди развороченных мраморных плит паслись тощие коровы и драные козы. Величественные когда-то храмы, превращенные ныне в загоны для свиней.

Вспомнились ему возвышающиеся над жалкими лачугами стены замков городских сеньоров, огражденные рвами и ошестинившиеся катапультами вовсе не из пустого бахвальства: шла бесконечная война всех против всех, война, где давно потерялись все понятия о рыцарской чести и благородстве.

Англия, где он тоже побывал – бедный остров, страна полуголодных земледельцев и пастухов, в стольном городе которой, холодном сыром Лондоне, свиней было не меньше чем жителей.

Германия, гордо именуемая Священной Римской Империей, разделенная на сотни крохотных княжеств. Там любой барон-разбойник, в сравнении с которыми самый разнузданный французский дворянин покажется ангельски кротким созданием, мог безнаказанно плевать на императора и, случалось, просто от скуки творил с имевшими несчастье оказаться в его власти такое, за что француза колесовали бы. Во всяком случае, могли бы колесовать.

Нынешние бунтовщики, конечно, не знают всего этого, не имеют представления, что простолудины в других королевствах существуют куда хуже их. Они воображают, что спалив десяток другой замков и разграбив еще полсотни, они тут же заживут не хуже господ.

А ведь даже крепостным во Франции живется лучше, чем свободным вилланам в Лотарингии или Фландрии, откуда и в удачные годы они бегут во владения французского короля и готовы на любую работу, чтобы с голоду не сдохнуть. Они могут отдыхать по воскресеньям и во все праздники, а по субботам работать полдня, получая оплату за целый день, в то время как в других землях люди трудятся, не разгибаясь, все дни, получая вместо оплаты розги и тумаки.

Где им это все понять? А значит, придется опять вразумлять их огнем и мечом.

Поднявшись, граф подошел к стене покоя, где на дорогих персидских и сирийских коврах было развешено оружие, лучшее из принадлежавшего ему.

Всю историю славных деяний его семьи можно было проследить по этому собранию. Вот широкий тяжелый меч еще со скругленным острием, предназначенный для того чтобы рубить, но не колоть. Это было оружие его далеких прапрадедов, сделанное грубо, но на совесть, и прослужившее верой и правдой не одному поколению. Им сражались при Меровингах, в эпоху бревенчатых замков и «ленивых королей».

Вот тот длинный двуручный меч был освящен почти три века назад его далеким предком, ушедшим в самый первый крестовый поход, в иерусалимском храме. Вот другой меч – короткий саксонский, добытый другим его предком под Гастингсом, где он бился среди рыцарей Вильгельма Завоевателя. По семейной легенде, чтобы взять этот меч, ему пришлось разжать окоченевшую ладонь самого короля Гарольда. А этот кривой тонкий клинок, покрытый вчekanенными в темную сталь серебряными арабскими письменами – память о третьем крестовом походе. Он принадлежал египетскому принцу, сраженному на поединке его прадедом.

Матово черный, с золотистым отливом меч был выкован для его двоюродного деда, командора ордена рыцарей Храма, эдесским кузнецом – невольником из обломков вражеского оружия, захваченного во многих боях. Им можно было разрубить любой доспех, и знатоки говорили, что ему нет цены. Да и как, в самом деле можно оценить оружие, что спасет тебе жизнь в бою? А вот этот странный меч – длинный, чуть изогнутый, в резных ножнах, покрытых красным лаком, с наборной деревянной рукоятью, из пластин плотного тяжелого дерева, увенчанной наверху в виде отполированного до зеркального блеска нефритового шара, инкрустированного золотыми драконами, привез его дядя, брат отца, Мишель де Граммон. Он, еще юным, попал в плен к неверным, бежал, скитался по востоку шестнадцать лет, прежде чем сумел вернуться на родину. Этот меч, да еще неизлечимая болезнь, от которой он и умер спустя неполный год после возвращения – единственное, что он привез из своих скитаний. Бертран не очень хорошо помнил дядю: ему было десять лет, когда тот ушел в лучший мир.

Он почти ничего не рассказал о том, где побывал, и что видел, в своих странствиях, лишь упомянув, что дошел до Индии и острова Тапробана, и даже более дальних краев. Но иногда

странная, многозначительная грусть возникала на его отмеченном печатью преждевременной старости лице, когда в его присутствии священник начинал рассуждать о Боге, или же менестрель – распевать песни о дальних краях, заселенных одноглазыми и крылатыми людьми.

Взор графа остановился на висевшей в центре ковра двулезвийной секире – франциске.

Обычная ничем не украшенная секира на простом ясеневом древке. То была родовая реликвия де Граммонов. Никто не мог сказать, сколько лет назад рука их предка впервые коснулась ее, но говорили, что это случилось задолго до рождения Карла Великого. На сером металле уже сильно сточенного лезвия можно было различить следы стершихся знаков забытого уже бог весть как давно франкского рунического алфавита. Может, то было имя кузнеца? Или заклятье, призывающее на помощь владельцу неведомых языческих богов или духов? Станным образом сталь, из которой она была откована, не уступала лучшей нынешней. Была ли то случайная удача мастера или же просто, как и в случае с тамплиерским мечом, было перековано чужеземное оружие?

С этой секирой было связано старое предание, гласившее, что в самой тяжелой битве, которую будет однажды вести отпрыск семьи графов, она, когда уже не будет надежды спастись, спасет ему жизнь.

Бертран постоял, вглядываясь в блики света на клинках. Мысли его от дел государственных перешли к семейным. Давно уже не было вестей от старшей дочери. Как же она далеко, в другой стране, во владениях сардинского короля. Видит Бог, он нашел ей и ее сестре хороших мужей...

Как она там, часто ли вспоминает об отце? Впрочем, ведь и он сам нечасто вспоминает о них, хотя искренне любит. И мысли его о другом: любимая жена не оставила ему сына.

Пройдет еще пятнадцать-двадцать лет, вряд ли больше, и его тело обретет вечный покой в семейном склепе, а гербовая печать будет разбита. Кто унаследует его титул и владения, кто поднимет флаг его цветов: лилового и серого? Или щит с гербом де Граммонов опустят в могилу вместе с ним! Ведь он еще не стар, ему только тридцать восемь лет...

Не рано ли он стал задумываться о новой женитьбе, ведь с кончины Изабель еще и полугода не прошло?

На пороге возник камердинер.

– Мессир Бертран, – сообщил он с поклоном, – к вам гонец из Парижа. Он протянул господину свитки.

Де Граммон развернул первое письмо, скрепленное печатью с королевскими лилиями.

То был приказ коннетабля, отданный от имени короля, явиться в Париж, взяв с собой своих лучших солдат. Второе послание было от его двоюродного брата Людовика де Мервье, благодаря женитьбе на дочери могущественного королевского кузена графа Филиппа Валуа весьма высоко поднявшегося, ныне герцога Сентского и вице-канцлера Франции.

В нем без обиняков говорилось, что положение много хуже того, что казалось вначале и что мятежники вот– вот могут начать угрожать столице. Некоторое время де Граммон сидел, коснувшись ладонью нахмуренного лба.

– Скажи, пусть накормят гонца, – наконец обратился он к безмолвно стоявшему у входа в ожидании приказов камердинеру. И пусть ко мне пришлют моего лейтенанта.¹⁵

¹⁵ Лейтенант – в описываемое время под этим термином понималось не воинское звание (таковых, в современном понятии в Европе не было) а должность помощника офицера или военачальника.

* * *

Шампань. Почти одновременно с вышеописанным.

Некто, оставшийся безымянным.

Когда в дверь каморки, где он отсыпался, кто-то постучал, он не заподозрил ничего – он ведь договорился с хозяйкой, чтобы она устроила ему какую-нибудь шлюшку почище да потолще. За порогом и впрямь стояла молодая женщина – одна из кухарок постоянного двора. Потупясь, она сообщила, что госпожа прислала ее услужить постояльцу. Рубашка на ее груди была весьма соблазнительно развязана, открывая взору то, что положено прикрывать, и глаз его невольно задержался на вырезе. Только поэтому он слишком поздно заметил метнувшиеся из-за спины гости силуэты.

Он рванулся в сторону, но опоздал на мгновение, и на голову ему опустилась короткая дубинка.

Хотя удар и не вышиб из него дух, но напрочь лишил способности сопротивляться.

Только поэтому четверым стражникам удалось без потерь повалить его на пол, скрутить за спиной кисти рук и набросить на шею петлю. Покончив с этим делом, они принялись обшаривать его жилище, перетряхивая вещи и заглядывая во все углы. Девица тем временем, торопливо запахнув корсаж, убежала вниз, и стук ее сабо по ступеням отзывался в его раскалывающейся от боли голове топотом исполинских копыт.

Подождав, пока он немного придет в себя, их командир, судя по одежде – мелкий шевалье, опрокинул ему на голову кувшин воды.

Затем его грубо подняли на ноги и вытолкали на лестницу. Должно быть, стражи были предупреждены, с кем имеют дело: натянутая веревка в руке офицера больно врезалась в шею, а в спину упирались острия протазана и кинжала.

Пока его вели вниз, он напряженно размышлял: где именно он совершил ошибку и на чем прокололся?

Тот рыцарь, которого подстрелил у входа в церковь, где он должен был обвенчаться? Племяннику, заплатившему за этот выстрел полста золотых, не нравилось, что еще не старый дядюшка может обзавестись наследником, и тогда прощай замок и земли... Или еврей – ростовщик из Ангулема, в дом которого он вошел как-то ночью полгода назад вместе с двумя случайными друзьями, а вышел один, унося с собой тяжелый сундучок, оставив за собой четыре трупа – хозяина, его жены и сообщников? А может быть, дело в той девчонке в простом холщовом платице, с которой он позабавился, встретив ее в лесу? Ну кто ж знал, что это окажется дочка местного барона, вздумавшая, переодевшись в ряднину, бегать на свидания к сыну соседа, с которым у ее папочки была родовая вражда??

Когда его поволокли к черному ходу, он впервые заподозрил неладное.

Ведь пойманного вора и убийцу положено вести на виду у всех, дабы всякий знал, что стража бдит и добропорядочный буржуа может спать спокойно; чтобы прохожие могли наслаждаться зрелищем скрученного душегуба, порадоваться унижению злого разбойника. И почему командует схватившими его не кто-нибудь, а офицер-дворянин?

Когда же его затолкали в небольшой дормез, приткнувшийся к калитке заднего двора, удивление его превысило все пределы. Сидевший на козлах человек что-то крикнув, хлестнул лошадей.

И почти сразу один из конвоиров надвинул ему на глаза толстый войлочный колпак.

...Повозка, подпрыгивая на ухабах мостовой, поворачивала туда-сюда: то ли возница нарочно кружит по городу, стремясь запутать невольного седока, то ли и впрямь до места не просто добраться.

Стараясь не обращать внимания на боль в еще гудящей от удара голове, он напряженно пытался понять: что все это может значить? Во всяком случае, вряд ли его везут в тюрьму, и это было само по себе хорошо. Если конечно, не иметь в виду, что кто-то из обиженных решил рассчитаться с ним сам, не обращаясь к королевскому правосудию. При этой мысли он не на шутку испугался.

...Возок остановился, с него сорвали колпак и выпихнули в открытую дверь.

Он находился на заднем дворе какого-то большого отеля – какого, он не мог припомнить, хотя знал все более-менее богатые дома Реймса – в иных даже побывал тайно от хозяев.

По въевшейся в плоть и кровь привычке, он принялся машинально прикидывать: на какой высоте находятся незарешеченные окна и где удобнее перебраться через ограду, но увесистый тычок в спину оторвал его от этого увлекательного занятия.

Его подвели к небольшой неприметной двери, глубоко утопающей в побеленной стене. Офицер отворил ее, пленника грубо толкнули – мол, проходи.

По узкой и темной лестнице его повели наверх. При этом обнаженная сталь по – прежнему упиралась ему в спину.

Конвоиры впихнули его в узкое помещение с побеленными стенами и небольшим полукруглым окном, забранном толстыми прутьями. За столом у окна сидел грузный краснолицый человек в дорогом платье, позади него пристроились еще двое.

Жестом краснолицый отослал стражников прочь. Офицер что-то хотел сказать, но,глянув на жесткое лицо хозяина, промолчал и, поклонившись, вышел вон. Они остались вчетвером: кроме него и хозяина тут был тощий, как сушеная рыба, священник в сутане тонкого добротного сукна и еще один – жилистый гибкий человек неопределенного возраста, на поясе которого болтался длинный кинжал. Ему было достаточно лишь мельком посмотреть в его сторону, чтобы понять – перед ним собрат по ремеслу.

Взгляды их на миг скрестились, и в глазах телохранителя он явственно прочел предупредительно насмешливое: «Не вздумай...»

Краснолицый назвал себя. Он удивился и даже слегка оробел: сенешалей и графов среди его знакомых пока что не было.

Затем, время от времени искоса поглядывая на лежащий перед ним пергамент, хозяин назвал его имя, затем кличку, затем другую, под которой знали его в Лондоне, третью, которой звали его в парижском Дворе Чудес.¹⁶

После этого начал перечислять его делишки. При упоминании об очередном преступлении клирик укоризненно качал головой, нервно поигрывая тяжелым наперсным крестом.

Ни ростовщика, ни рыцаря, ни девчонки в этом списке не имелось, но и того, что было поименовано, с избытком хватало, чтобы обеспечить ему конопляный шарф, любезно завязанный рукой палача.

А потом ему предложили работу. В первый миг с его языка едва не слетели слова отказа, сопровождаемые бранью, но он вовремя вспомнил, где находится.

...Он вспоминал все это, лежа у маленького слухового оконца на низком пропахшем пылью и мышами и заляпанном голубиным пометом чердаке. Перед ним лежал взведенный арбалет, изготовленный по его особому заказу лучшим лондонским мастером. С минуты на минуту в конце переуллка должна была появиться та, которую он должен был убить... За пазу-

¹⁶ Отель.

хой лежал тугой кошель, полный монет – хватит на небольшой домик где-нибудь в предместье или на полгода развеселой жизни.

Кроме этого, было твердое обещание, что на его прошлое закроют глаза. На некоторое время, во всяком случае.

Его чутких ушей хищника коснулся гомон приближающейся толпы. Он поудобнее перехватил самострел, снаряженный сегодня не обычным болтом, а толстой, специальной выделки стрелой, наконечник которой был заранее смазан ядом, который дал ему тощий клирик. Слякню с его остатками он тоже сберег – на будущее.

В конце улицы послышался шум приближающегося множества людей, и все посторонние мысли мигом вылетели из его головы. Вот из-за угла появилась толпа, во главе которой шла женщина в белом.

Привычно он поймал ее в прорезь прицельной планки, несколько секунд потратил на то, чтобы убрать некстати возникшую дрожь в руках («Старею!») и, задержав дыхание, нажал на курок. Щелкнув, самострел толкнул его в плечо, и белая фигурка, переломившись в поясе, упала наземь. Мельком он успел удивиться – как все просто оказалось...

Арбалет исчез в грязном мешке. По совести надо бы его бросить, но уж слишком хороша работа и не вдруг найдешь второго такого умельца, да и жалко потраченных золотых. Теперь быстро вниз по скрипучей темной лестнице, выходявшей в узкий тупичок между двумя старыми домами...

Шаркающей походкой, еле волоча ноги он поплелся по извилистому грязному переулку в сторону, противоположную той, откуда слышались крики.

Никому в голову не придет, что этот старый босоногий нищий, хромой и согбенный, с грязной седой бородой (он почти два часа потратил на то, чтобы покрасить ее должным образом) и ветхой котомкой за плечами и есть убийца повелительницы бунтовщиков. Вот сейчас, проскочив между ветхими домами, он окажется на улице, что ведет к воротам, и спустя меньше чем полчаса покинет этот город, оставив позади разъяренное сборище, что будет переворачивать его кверху дном в поисках виновника своего несчастья.

...Сверху на него упала сеть. Сильный рывок опрокинул его, он попытался встать на четвереньки, в первые мгновения еще не понимая, что случилось. А со всех сторон на него уже навалились множество тел, придавливая всей тяжестью к земле... Тупой конец пики с силой ударил его в подвздошье, заставив бессильно хватать ртом воздух. Нога в деревянном башмаке отпихнула вывалившийся из его ладони нож...

Его обступило с дюжину вооруженных людей.

Один из них победно затрубил в рог, из-за домов ответили другие. Потом ему связали руки, заломив их назад до хруста, спутали ноги, не вынимая из сети, и поволокли куда-то прямо по мостовой.

Тащили его довольно долго. Затем разрезали опутывающие его конопляные шнуры и поставили на колени перед молчавшей человеческой стеной.

На перед ним на земле лежала молодая женщина. Та самая, в белом одеянии. Рыжеватые волосы разметались по грязи, на губах пузырилась кровавая пена. Тело ее сотрясали судороги, широко раскинутые ноги в белых сапогах скребли грязь. Было ясно, что она вот-вот испустит дух. Сквозь прореху на платье проглядывал металл кольчуги. Тщетная предосторожность: на таком расстоянии не спас бы и кованый нагрудник. Он обвел глазами лица людей и сознание того, что он все – таки сделал дело, вдруг наполнило его душу неким мстительным удовольствием. Выплюнув забившую рот грязь, он попытался улыбнуться.

Но что это?! Из-за спин собравшихся появилась и остановилась рядом с бившимся в конвульсиях телом *другая*... Он понял сразу – вот это и есть та, которую он должен был прикончить.

На ней тоже было белое платье и белые сапоги тонкой замши; сияющее золото волос падало на плечи. Даже лица их были чем-то похожи.

Похожи?! Он еле удержался, чтобы не рассмеяться. Что может быть общего у самой обычной, не примечательной ничем бабенки, в которую только что всадил отравленную стрелу, и этой, которую он узнал бы теперь среди десятков тысяч...

Глупец! Кого он пытался убить – посланницу Божию!

Не обращая на него внимания, она склонилась над лежащей, коснулась ладонью покрытого смертным потом лба... И девушка вдруг открыла глаза и, через силу улыбнувшись ей, что-то прошептала. **Та** по-матерински улыбнулась в ответ.

Жестом она подозвала кого-то из приближенных, вполголоса бросила пару слов. Тот исчез за спинами толпы. Затем, подойдя на несколько шагов, посмотрела в его глаза, и ни ненависти, ни злобы не было во взоре. В нем он явственно прочел – «Умри с миром». И взор этот проник в самую глубину его темной души, наполнив ее неведомым ему доселе просветлением и покоем. С этим чувством он и прожил оставшиеся несколько секунд своего земного бытия. Потом удар меча отделил его голову от тела...

* * *

Париж. Примерно те же дни.

Серые угрюмые стены замка Тампль за последние полвека повидали немало хозяев. Еще на памяти кое-кого из ныне живущих стариков над его башнями гордо развевался черный с белыми полосами Босеан – стяг Ордена рыцарей Храма Соломонова. Именно отсюда, из главных ворот, четыре десятка лет назад вывели на костер их последнего Великого Магистра. Замок служил убежищем для вдовствующих королей и тюрьмой для высокородных преступников, побывал в залоге у ломбардских ростовщиков. Последние же несколько лет он стоял пустой и заброшенный, отданный в удел мышам и паукам, и только сейчас, с началом небывалого возмущения черни, опять стал тем, для чего и предназначался: крепостью и казармой. В Тампль были собраны отряды парижской стражи вместе с остатками войск, отступивших из охваченных мятежом провинций. Кроме того, под его крышей поселилось и немалое число рыцарей с вооруженными слугами: те, которым не хватило места в отелях своих сюзеренов. Сюда же в одну из башен временно перебрался королевский прево Парижа, которому было вручено командование столичным гарнизоном.

Обширные замковые дворы вновь заполнил топот сотен солдатских ног и отрывистые звуки воинских команд, в оружейных и кузницах застучали молоты.

Распахнув скрипнувшую ржавыми петлями дверь, капитан отряда парижской стражи Жорж Кер спустился по выщербленным ступеням, ведущим в кордегардию. Сняв шлем и расстегнув кафтан, он тяжело опустился на широкую скамью. Можно было немного отдохнуть.

Обучение отданных под его команду восьми десятков провинциальных бестолковых увальней отнимало преизрядно сил.

Он был один, правда, из-за неплотно прикрытой двери раздавались приглушенные голоса двух человек. Капитан прислушался. Беседовали стражники из его отряда. Недавно принятый в стражу пикардиец Рауль Майе, злой, не по северному горячий парень, в очередной раз рассказывал старому Мишелю Борю историю о том, как его сестра спуталась с бродячим монахом, забеременела и сбежала с ним неизвестно куда. Главное же, она прихватила почти две сотни ливров, что скопил их отец, приказчик у торговца солониной, в надежде открыть собственную лавку. Старика хватил удар, от которого тот меньше чем через месяц и умер.

– С-сука блудливая, – с пьяными слезами в голосе выговаривал Рауль. – Двадцать лет отец копил! Потом кровавым обливался, жилы надрывал, а она... Сука! Вот как перед Богом кланусь: встречу – убью на месте! И ее, и выродка ее поганого!!

– Ну не рви ты себе душу, дружище, – добродушно бурчал в ответ толстяк Борю. Не надо, чего уж теперь... Лучше-ка выпьем, тут осталось еще чуть... Подумаешь, эка невидаль – монах обрюхатил девку. Вот ежели бы, скажем, девка обрюхатила монаха!

Голоса за дверью стали тише, чуть слышно забулькала жидкость. Следовало бы конечно войти и приструнить забывшихся подчиненных, но за годы службы Жорж Кер научился на многое закрывать глаза. Быть может, именно поэтому он и сидит на своей нынешней должности?

Должности...

Надо же – в молодости он душу положить был готов ради чинов, из кожи вон лез. И вот дослужился – капитан. Казалось бы – чего еще надо? Кто из тех, кого он знал по службе, устроился лучше него? Был вот Гийом Ивер – ну да что теперь о нем говорить... Еще Виктор Реми по кличке Пол-Уха, командовавший дружиной богатого шателена,¹⁷ так он вроде бы умер года три назад. Не иначе – от обжорства.

По совести говоря, и впрямь ему роптать грех. Жив – здоров, не калека. Были веселые денечки на войнах. Была добыча и немалая, взятая с бою. Правда, почти вся она протекла меж пальцами, как вода, но это уж сам виноват. В капитаны стрелков вышел, а теперь вот капитан не в не какой-нибудь, а в парижской страже. Жалование двадцать ливров в год – не шутка! Не у всякого дворянина столько выходит. Да и от людей монета хоть и не так щедро, как хочется, да капает. И любая девка бесплатно приласкает – другой бы за одно это удавился бы! Дом опять же – хоть и не свой собственный, а получше, чем у многих. Чего еще надо? И все равно – тоска. Жизнь, почитай, прожил, а словно и не жил. Единственная отдушина: Мари и детишки. Да теперь вот еще этот бунт, будь он неладен! Ночью вместо того, чтобы спать, как и положено честному человеку, рыскай по улицам, будто волк какой, словно на тебе не лиловый кафтан дневной парижской стражи, а темно – серое одеяние ночной! Днем же, вместо отдыха, дрессируй деревенских ослов, которых рыцари притащили с собой в город.

Капитану вспомнился тот день, вернее утро, когда он впервые услышал о мятеже. Он как раз тогда вернулся вместе с патрулем из какого-то грязного кабака неподалеку от ворот Бильи. Незадолго до полуночи туда ворвалась шайка оборванцев с завязанными тряпками лицами, вооруженных ножами и палками. Они избили и ограбили засидевшихся допоздна в заведении завсегдатаев – те, впрочем, были пьяны настолько, что не смогли оказать даже слабого сопротивления. Само собой, они забрали всю выручку и, вдобавок, развлеклись с женой и племянницей хозяина. Сам хозяин, кинувшийся на незваных гостей с топором, лежал сейчас с распоротым брюхом, и над ним хлопотал цирюльник.

Кабак – он никак не мог вспомнить его название – являл собой не очень веселое, хоть и ставшее давно привычным зрелище. Битая посуда на замызганном, грязном полу, прокопченный до черноты потолок, опрокинутые столы и скамьи. Ограбленные посетители, протрезвев, зло матерились, хозяин лежал на лавке и тихо стонал, его дебелая супруга трясла перед самым носом стражников разодранной юбкой, племянница жалобно всхлипывала за дверью. В кабак набились прослышавшие о ночном происшествии соседи, начались обычные в таких случаях сетования на то, что стража службу несет скверно, а кормится за счет их податей, да еще мзду с них же получить не забывает. Досталось и обоим прево, и бездельникам эшвенам, и главному судье, и начальнику стражи, и почему-то – епископу Парижскому. И вот, явившись на Гревскую площадь, к вышеупомянутому начальнику стражи, чтобы доложить о случившемся, он краем уха слышал, как какой-то человек рассказывает стоявшим у входа в ратушу солда-

¹⁷ Шателен – нетитулованный дворянин, владелец небольшого замка или поместья.

там, что неподалеку от границы с Лотарингией вспыхнул бунт. А возглавляет его сумасшедшая баба, объявившая себя не то наместницей Бога на земле, не то святой Клотильдой, восставшей из могилы. Он только усмехнулся тогда, услышав подобную чушь.

И вот теперь эта сумасшедшая – жутко подумать – стоит со своим войском едва ли не в каких-то трех дневных переходах от стен Парижа...

* * *

Потолок и стены погруженного в приятный полумрак зала украшали изображения, похожие на росписи дворцов древнего Крита. Голубоватые осьминоги, светло – коричневые дельфины, многовесельные корабли. Были и совершенно незнакомые минойцам сюжеты – полуженщина-полудракон, нежно обнимающая хрупкого юношу, почти мальчика; человек – осьминог, сражающийся с существом, похожим на ихтиозавра. Убранство комнаты дополняли несколько столиков и кресло из темно-зеленого блестящего камня. И весьма странно, даже чужеродно, смотрелся в этом пропитанном древностью интерьере небольшой модульный пульт, сияющий многоцветием экранов. Изображения пробудили в душе Таргиза странное чувство, похожее на смутные воспоминания, словно он когда-то давно видел нечто похожее. Быть может, некогда он жил там, откуда происходил прообраз этого интерьера. Впрочем, это не важно.

Как и большинство жителей Мидра, он ни в малейшей степени не отождествлял себя с человеком, Отражением которого являлся. Только несколько слов, застрявших на дне памяти, значение которых было не очень понятно ему самому, какие-то смутные, расплывчатые образы, что временами появлялись перед его внутренним взором, да еще внешний облик. При желании он, конечно, мог бы вспомнить все, но зачем жителю Мидра чьи-то чужие воспоминания? Какая разница, кто был тот, который, быть может, на данный момент, не родился еще на своей планете, а быть может, мертв уже невесть сколько эпох. Дикарь, великий король, мудрец или висельник – какая разница ему, Таргизу, жителю Мидра, втайне почитаемого очень многими его обитателями за первоначальный мир, первоисток всей бесконечной совокупности планет, именуемых их жителями одинаково на всех языках – Земля? Ему, познавшему эту бесконечность, насколько вообще возможно познать ее.

Стремящееся к бесконечности число континуумов, непрерывно порождающих все новые и новые вселенные. Лишь ничтожная часть их была владением Мидра, и лишь ничтожная часть этих владений была вверена попечению Таргиза.

Его миры... Такие огромные и, в сущности, такие малые перед бесконечностью. Он наизусть знал названия стран и материков на десятках языков, звучавших на протяжении десятков эпох. Он помнил деяния разнообразных правителей, пророков и военачальников, зачастую давно забытых обитателями стран, где они жили, лучше всякого богослова разбирался в тонкостях догматов сотен и тысяч верований и лучше любого дипломата – в бесчисленном множестве больших и малых споров между державами, иным из которых еще нескоро предстоит возникнуть. Безошибочно мог предсказать, как будет развиваться тот или иной мир из числа тех, где будущего не существовало. И благодаря всему этому мог безошибочно выбрать момент, когда достаточно лишь неуволимо слабого воздействия, еле заметного изменения, чтобы события потекли в нужном для Мира направлении – том, что даст Миру еще немного Сомы. Вот и сейчас он занимается именно этим.

Фактотум пока прекрасно справляется со своей задачей. Но он всего лишь инструмент, не более. Самая важная часть работы лежит на нем, Таргизе, и тех, кто работает вместе с ним.

Им предстоит незаметно нащупать сознание конкретных людей, войти в него и столь же незаметно повернуть их мысли в нужном направлении. Побудить их тратить драгоценное время на пустые и бессмысленные споры; заставить вдруг закипеть гневом сердца прежде покорных и послушных. Наконец, просто усыпить в нужный момент стражу, стерегущую

ворота. За короткое время предстояло разобраться в самых глубинах хитросплетений психики и характера людей, в сущности, бесконечно далеких от него в их подчас даже неосознанных желаниях и настроениях. И все это следовало осуществить так, чтобы даже тени подозрения не возникло ни у кого из них; они должны свято верить, что это их мысли, их желания. Хотя если и найдутся те, кто почует чужую волю, они все равно не смогут ничего понять и помешать. Против опыта тысячелетий и могущественной техники экзорцизмы бессильны.

* * *

Длинный рычаг франдиболы,¹⁸ освобожденный ударом молотка из захватов, со звоном ударил по опорной балке, так что кирпич у графа под ногами ощутимо вздрогнул; стофунтовый гладко обтесанный валун поднял далеко от городской стены столб пыли.

– Туазов сто пятьдесят будет, – довольно крикнул старший плотник. – В самый раз!

– А не оборвется? – де Граммон с сомнением потрогал слишком тонкий на его взгляд ремешок, удерживающий плечо рычага на сколоченной из дуба станине.

– А чего ж ему обрываться, мессир? Шкура добрая, воловья, самая свежая, выделки мэтра Жерве с Дубильной улицы; вон в самом Сен – Дени колокол уж второй год на таких же висит, и ничего.

– Ну ладно, тебе виднее. Можешь идти, мастер.

Оставшись в одиночестве, де Граммон перегнулся через парапет, посмотрел еще раз туда, где упал камень, затем окинул взглядом тянущиеся справа и слева от него крепостные стены, стягивающие город со всех сторон, подобно боевому панцирному поясу. На соседней башне, как ласточкиными гнездами обвешанной лесами, мастеровые торопливо чинили коническую крышу.

Увиденным остался бы доволен всякий, кто хоть немного понимал толк в войне. Стены, воздвигнутые вокруг Парижа еще при отце Людовика Святого, прадеда нынешнего короля, Филиппе – Августе, уже давно успели покрыться лишайниками, а кое-где даже порости травой и деревцами. Но это были хорошие крепкие стены доброй кирпичной кладки, с потернами и потайными ходами, с толстыми высокими зубцами и контрэскарпами. К тому же они были окружены довольно глубоким рвом, заполненным водой почти доверху. Недавно надстроенные над башнями двухэтажные казематы недобро взирали на мир своими крестообразными бойницами. Если враг все же приблизится к стенам, то оттуда на него обрушится смертоносный дождь каменных и глиняных ядер и картечь из сорока бомбард. Замечательные стены, нечего сказать. Такие же крепкие и неприступные, как и в десятках взятых *Ею* городов.

...Отсюда, с Турнельской башни, графу хорошо был виден весь Париж.

Высокие, склонившиеся друг к другу дома в три – четыре этажа с остроконечными крышами, с дворами-колодцами, лабиринты узких извилистых улиц, заполненные пестрой суетящейся толпой, площади, на которых бурлило многолюдье рынков, широкие мосты, густо застроенные домами – настоящие маленькие кварталы. На реке стояли большие суда со спущенными парусами. Корабли эти пришли из многих стран, и теперь неожиданно разразившаяся смута задержала их, заставив опустеть причалы и портовые склады, где прежде, как муравьи, суетились грузчики, таская туда сюда тюки с товарами.

Шпили и колокольни церквей, рыжая чешуя черепичных крыш и солома кровель бедных лачуг, светло-серая громада Нотр-Дам-де Пари. Величественный Лувр с его почти двумя десятками вычурных стройных башенок по величине превосходил небольшой городок. Левее его возвышались купола Дворца Правосудия. Правильными многоугольниками то тут, то

¹⁸ Франдибола – метательная машина, приводимая в действие массой груза, закрепленного к короткому плечу рычага.

там выделялись отели,¹⁹ принадлежавшие знатнейшим родам королевства, каждый со своими огородами, птичниками, трапезными, рыбными садками, конюшнями, кузницами, винными погребами и хлебопекарнями – всем, что нужно для жизни сотен населявших их людей, окруженные ухоженными садами, виноградниками, парками с ажурными галереями и беседками. Были даже зверинцы, чьи обитатели – дикие быки, медведи и привезенные из-за моря львы, предназначались для охоты и рыцарских единоборств, в последнее время вошедших в моду на турнирах.

К городским стенам жались предместья – Сен-Жермен, Сен-Антуан и еще дюжина. Иные из них сами были подобны городам, включавшим в себя множество аббатств, дворянских особняков; с пышными ярмарками и знаменитой далеко за рубежами Франции Монфоконской виселицей.

На противоположном берегу Сены в рассеивающемся утреннем тумане виднелись башни университетского квартала с его четырьмя десятками коллежей, в которых проживали и учились студенты из всех христианских земель.

Город, насчитывавший больше трехсот тысяч жителей, совсем не изменился за четыре года отсутствия де Граммона. Он жил своей обычной жизнью. Простолюдины много работали, отдыхая – изрядно пили, а напившись – зло дрались. Парни и девушки женились и выходили замуж, а частенько не дожидались благословения кюре, дабы исполнить библейскую заповедь – плодиться и размножаться. Вельможи пытались заниматься государственными делами, а купцы подсчитывали барыши, в Университете доктора и профессора были заняты учеными спорами. В своих лабораториях алхимики пытались сварить золото, а ночной люд добывал сей металл куда более действенными и простыми способами.

На улицах столицы величайшего из христианских королевств можно было встретить гостей буквально из всех концов земли, даже путешественников из таинственной Гренландии и Новгорода.

Крестьяне в изобилии доставляли на городские торжища съестные припасы-яйца, сыр, молоко; во всю действовал знаменитый свиной рынок. В дорогих мясных лавках любители свежей дичи могли купить в любом количестве ланей, косуль, перепелов и фазанов. В рыбных рядах глаз радовали осетры, форель, большие зеркальные карпы, устрицы, замечательные провансальские омары и не слишком уступавшие им в размерах речные раки. Виноторговцы по-прежнему могли предложить удовлетворяющие самый тонкий и взыскательный вкус вина со всего света – кипрские, греческие, арагонские, итальянские, рейнские, не говоря уже о девяти сортах французских. Зеленщики предлагали тимьян, майоран, драгоценные кардамон и мускатный орех, заморские финики и миндаль, шедший на вес золота перец.

В галантерейных лавках продавались ковры из Сирии и Персии – гератские, тебризские, мешхедские, в ворсе которых нога утопала по щиколотку, ковры с Кипра и из Византии, необыкновенные шелковые ковры из лежащего где-то на краю света Китая. Тут же лежали меха – от бесценных русских и татарских соболей и горностаев, до кошачьих шкурок для бедняков, обладательницы которых еще недавно с мяуканьем шныряли под ногами прохожих на столичных улицах.

У ювелиров можно было купить великолепные драгоценности, а трактирах – отведать блюда, способные удовлетворить любого гурмана.

Вовсю действовал Мост Менял, где из рук в руки переходили монеты едва ли не со всего ведомого мира, а на площади перед Сорбонной бойко торговали книгами, среди которых были романы о рыцарях Круглого Стола, Гаргантюа и Амадисе Галльском, поэмы, часословы, описания далеких неведомых стран, истории о колдунах, демонах и нечистой силе и многое другое.

¹⁹ Отель. В описываемое время под этим словом понимался дворец или особняк знатного человека

Из-под полы можно было достать даже запрещенные и еретические книги, которые должны были сжечь уже много десятков лет назад, да все никак не могли.

Что же касается более низменных утех, то к услугам их искателей был целый квартал веселых домов, в которых могли предложить девицу на любой вкус. Французенки – от черно-волосых смуглых гасконок до пышных белокожих нормандок, утонченные итальянки, немки из Фландрии и Лотарингии, гречанки, мавританские рабыни. Поклонникам других, совсем уж запретных развлечений могли за соответствующую мзду указать тайные притоны, где под женскими платьями таились томные мальчишки с подведенными глазами и нарумяненными щеками. В этих делах столице Франции тоже не было равных.

Одним словом Париж оставался Парижем.

Все шло так, словно и не полыхал уже совсем недалеко от его стен неслыханный мятеж, участники которого были заклеены с церковных амвонов как неверующие негодяи, святотатственные грабители, мерзостные ублюдки, богохульники, чудовища, вырвавшиеся из адской бездны.

Как будто и в помине не было Светлой Девы.

Но она была. Бунт, во главе которого она стояла, распространялся по стране все шире и шире, он то полз змеей, то шагал семимильными шагами, как сказочный великан. Огромной подковой охватывали с севера поглощенные им земли Среднюю Францию и Париж, протянувшись от границ Бургундии и Священной Римской Империи, до берегов Па-де-Кале, захватив большую часть Шампани.

В руках мятежников уже оказались Бовези, Суассон, Байе, они обложили со всех сторон Реймс и вот-вот должны были взять в кольцо Руан. Они отжимали все дальше к морю нормандские отряды и даже успели проникнуть в пределы Бретонского герцогства. Часть городов добровольно приняла сторону мятежников, хотя другие сохранили верность королю, с большим или меньшим успехом отбиваясь от штурмов, надо сказать, весьма толково проводившихся.

Странная, невероятная удачливость этой женщины, даже подлинное имя которой оставалось неизвестным, не могла не поражать. В отличие от вожаков всех предшествующих смут она, кажется, знала, чего добивалась, всерьез надеясь овладеть всей страной. Она смогла объединить под своей рукой разрозненные толпы, повести их за собой, заставить их беспрекословно повиноваться и согласованно действовать. Как ей это удалось было непонятно, и голоса о кознях нечистого слышались все чаще, в особенности после сражения под Амьеном. Тогда наспех собранные под командованием герцога Нормандского – пустоголового Жана Валуа, рыцарские ополчения Пикардии и Артуа, почему-то рассчитывая, что простолюдины разбегутся, как то бывало прежде, при одном виде панцирных всадников, ринулись в атаку напролом. Почти сразу они влезли в болото и без малого все полегли под топорами и дубинами вчерашних сервов.

Те, кто видел ее, или по крайней мере, утверждал что видел, а среди них даже вернувшиеся невредимыми королевские лазутчики, утверждали, что у нее ужасный, наполненный неведомой силой взор. Он приводил в трепет отъявленных храбрецов, а пленные выдавали все тайны, стоило ей только внимательно посмотреть им в глаза. Уже не раз на нее организовывали покушения, но каждый раз дело заканчивалось поимкой и казнью наемных убийц.

Ходили разговоры, что она, перед тем, как двинуть куда-то свое воинство, тайно осматривает будущий театр военных действий, то переодеваясь юношей, то выдавая себя за торговку, монашку или паломницу. Другие заходили еще дальше и заявляли, что при этом она становится невидимой и даже превращается в волчицу. Рассказывали даже, что один из ее дозорных ночью выпустил стрелу в замеченную возле лагеря мятежников редкостную белую волчицу, а наутро Светлая Дева появилась перед войсками с перевязанной рукой. А иные божились, что ее видели одновременно в разных местах.

Голова готова была пойти кругом от всех этих бредовых рассказней, почитаемых, однако, многими святой истиной.

Прошло чуть больше двух месяцев, а под ее синим стягом собралось не меньше восьмидесяти тысяч человек.

Армия Светлой Девы вбирала в себя разоренных ремесленников и беглых монахов, бродяг и тайных еретиков, солдат разгромленных гарнизонов и дружинников из разрушенных замков, воров и разбойников всех мастей.

Но все это было каплей в море неисчислимых крестьянских толп. Они были ее главной силой и резервом. Те, кто раньше вызывал лишь насмешку, неуклюжие и неотесанные, такие беспомощные за околицами своих сирых и убогих деревень. Те, кто привык раньше гнуть спину перед любым, стоящим хоть чуть выше его. Те, кто прежде покорно терпел голод, плеть и колодки, те, кого многие ставили на одну доску со скотиной.

И вот вдруг, они словно по воле злого колдуна, осознали свою силу, осознали, что их сто против одного врага. И стали почти непобедимыми.

Как песчаные острова в этом штормовом море, исчезали бесследно крепости и рыцарские замки и, хотя никто и не произносил этого вслух, уже начали приниматься меры на случай возможной осады столицы.

В Лувре и Ситэ с утра до вечера шли споры – что следует предпринять и как действовать. Одни утверждали одно, другие – совершенно противоположное, и нередко весьма здравые предложения отвергались только потому, что высказывал их представитель соперничающего клана.

Совет пэров тоже раскололся. Одни требовали немедленно собрать войско и всей силой ударить по бунтовщикам, другие столь же настойчиво доказывали, что нельзя бросить столицу королевства без защиты, и нужно напротив сосредоточить все силы в Париже, ибо он то и есть главная цель Девы. А кое-кто вообще предлагал повременить, говоря, что мужичье вот-вот окончательно погрязнет в грабежах и бесчинствах, разбредется, кто куда, и бунт угаснет сам собой, как это бывало и прежде. Мнение это разделяли многие и, к удивлению графа, в их числе был и сам коннетабль²⁰ Франции Рауль де Бриенн. Правда, слава Богу, мятеж в последнее время и впрямь распространялся далеко не так быстро, как вначале, когда за месяц с небольшим три провинции стали вотчиной Дьяволицы, но чувствовалось, что это медлительность хищного зверя перед прыжком.

Между тем собранные в Париже рыцари маялись от безделья в ожидании решения высшей власти. Пьяные уже с утра, увешанные оружием, несмотря на наступившую жару напяливавшие на себя доспехи, они только и делали, что бродили по харчевням и винным лавкам, да не вылезали из веселых домов.

Они затевали драки с горожанами, с королевскими стрелками и между собой, вспоминая какие-то старые счеты, приставали к горожанкам и даже знатым дамам, не давали прохода и монахиням.

А в народе и что хуже – среди солдат уже поползли разговоры, что должно быть, Господь Бог и впрямь за что-то прогневался на бедную Францию, что знать окончательно потеряла разум, что у попов на уме одно – набивать мошну да распутничать, а Христос-де как-нибудь сам обойдется.

И, наконец – что проклятие тамплиеров догнало-таки последнего сына Железного Короля.

²⁰ Коннетабль – главнокомандующий вооруженными силами королевства(примерно соответствует нынешнему военному министру). Весьма высокая должность, поскольку даже король не мог отдать приказ войскам без согласия коннетабля. В этом случае монарх должен был предварительно его сместить.

Одним словом, дух защитников города оставлял желать лучшего. А были еще десятки и десятки тысяч бедняков, чью дневную пищу составлял ломоть черствого хлеба, да миска мучной похлебки, заправленной луком. На чьей стороне, если дойдет до худшего, окажутся они? Ведь было хорошо известно, что не одна крепость пала перед Светлой Девой, потому что в спину защитникам били ее тайные пособники. Нет, не дальнобойность катапульт и не сухость пороха беспокоили графа.

– Мессир Бертран! – граф обернулся. По лестнице поднимался его оруженосец, Дени Суастр.

– Да, сейчас.

Предстояло еще много дел.

* * *

Вечер того же дня.

Трактир под названием «Завещание поросенка» стоял неподалеку от одного из самых больших парижских рынков. Вывеска его изображала лежащего на блюде аппетитно подрумянившегося поросенка, державшего в зубах свиток с упомянутым завещанием. Свиток украшала солидная красная печать, вид коей свидетельствовал, что покойный был отнюдь не последним в своей породе и даже, быть может, состоял в свите какого – нибудь свинского монарха.

За двустворчатой дверью располагался обширный сводчатый зал, вмещающий больше сотни человек. Несмотря на поздний вечер, трактир был переполнен, так что яблоку негде было упасть.

Сквозь плывущий в воздухе чад висевших на стенах факелов можно было разглядеть тесно сидящий за столами самый разношерстный люд. Матросы с задержанных войной кораблей, всякие темные личности с оружием и без, солдаты, возчики, мелкие рыночные торговцы и, конечно, святые братья. За стойкой стояла пышнотелая, еще не старая жена хозяина, ухитряясь одновременно болтать с полудюжиной нетвердо стоявших на ногах посетителей, похотливо пожиравших ее глазами, и еще отдавать указания поварам, трудившимся в поте лица за полуоткрытой кухонной дверью.

Трактир был разделен на две половины – одна для простого народа, другая для гостей поважнее.

Но в этот поздний час на это уже никто, похоже, внимания не обращал. Публика вперемешку сидела за длинными дощатыми столами, занятая исключительно поглощением яств и напитков, обилием и отменным качеством которых всегда славился «Завещание поросенка».

Гости, шатаясь, бродили между столами, подсаживаясь то к одной, то к другой компании. Почти все присутствующие были изрядно пьяны, и у каждого третьего сидела на коленях девица, чей крикливый наряд и крашенные в соломенный цвет волосы безошибочно изобличали ее профессию.

Время от времени присутствующие музыканты принимались нестройно наигрывать какую-то мелодию, и в такт музыке опухший от многодневного пьянства рыцарь пытался что-то отплясывать у стойки, брэнча кольчугой.

Кто-то мирно спал, безразличный ко всему на свете, кто-то мычал песни, в которых три четверти слов нельзя было произнести в присутствии порядочных женщин. Непорядочные же весело подпевали разудалыми хмельными голосами. По углам с божбой и азартными выкриками резались в кости, булькала, вливаясь в глотки, хмельная влага. Из-за дверей комнат на галерее второго этажа тоже слышался пьяный хохот и женское повизгивание.

Вдрызг пьяный трувер, пытаясь перекрыть гул голосов, гнусавил несчетный куплет длинной и совершенно непристойной баллады, посвященной королеве Марго и ее любовникам.

Собравшихся вовсе не беспокоило то, что близится полночь – в числе немногих парижских увеселительных заведений «Завещание поросенка» имел привилегию не запира́ть двери от заутрени до заутрени. Привилегия эта, надо сказать, недешево обходилась владельцу – почтенному мэтру Рено.

Именно сюда, в «Завещание поросенка», и явился Жорж Кер в сопровождении дюжины стражников. Хотя было и тесно, но появившийся как из-под земли хозяин заведения нашел для дорогих гостей место за столом, шепнув что-то на ухо мгновенно испарившейся четверке подозрительных типов. А на столе тут же появилось доброе вино и закуска. Капитану, как почетному гостю, поставили исходящее паром жаркое из молодого гуся. Борю утянул с подноса пробегавшей мимо служанки тарелку с медовыми вафлями, до которых был большой охотник, при этом не забыв хлопнуть девицу по заду.

На стражу почти никто не обратил внимания; вооруженные люди за последнее время стали привычны в Париже.

Наслаждаясь даровым (вернее «взятым в долг») угощением, Кер внимательно оглядывал окружающую публику, вслушивался в долетающие до него обрывки разговоров. Просто так, на всякий случай. Мало ли...

Вот девица, хохоча, отбивается от дородного купчика, пытающегося стянуть с ее плеч расшнурованное платье. Вот другая, шатаясь, пытается взобраться на стол, всерьез собираясь сплясать на нем. К ней тянулись руки собутыльников – то ли с намерением стащить ее обратно, то ли наоборот – помочь.

Прямо напротив него пировала компания из нескольких солдат и здоровенных громил, судя по торчавшим из-за пояса кинжалам и клевцам – охранников купеческого каравана.

– Вот, – хлопнул себя по груди вояка в пробитой на животе, и грубо зачиненной кольчуге. – Вчера купил ладанку с молитвой святому Меркурию, пять франков отдал. Гадальщик божился, что от любого оружия спасет – хоть от меча, хоть от стрелы.

– В душу, в кровь, в потроха всех святых! – рассмеялся его собутыльник. – Хочу я на тебя посмотреть, кум, как эта ладанка тебе поможет, если я сейчас тебя тресну по голове топором!

– А вот послушайте, братья, что я вам расскажу, – взял слово еще молодой, долговязый охранник, судя по одежде и выговору – уроженец Лотарингии. – Мой знакомый колдун... Ну, что уставился? – фыркнул он на прислушивающегося к их разговору францисканца в засаленной рясе. – У нас в Арденнах колдунов побольше, чем кой – где монахов... Так вот, он мне расс... рассказал, – язык его уже начал заплетаться – что кровь девицы, ну когда ее первый раз порвут... Так вот – если ею смочить тряпку и носить с собой, так она от ран спасает. Талисман то есть. Так вот высмотрел как-то раз я в лесу пастушечку лет тринадцати, свеженькая, невинная, что твой ягненок. Ну, зажал я ей ротик, чтоб не пищала, сволок в кусты, и что же ты думаешь... Последние его слова потонули в громовом хохоте. – Вот и верь этим бабам, – закончил под общий смех долговязый.

Впрочем, хватало и более благопристойной публики.

Вислоусый прасол в пыльном плаще рассказывал о странном гуле, будто бы доносившемся из-под земли неподалеку от Бапома, и о том, что вскоре там появилась просека из высохших деревьев, как будто кто-то подсек им снизу корни. Один из сидевших поблизости скандинавов по этому случаю поведал на ломанном французском о гигантском мохнатом кроте с длинными клыками, что, по рассказам бывалых людей, живет под землей где-то далеко на севере, за Лапландией. Но большинство сошлось на том, что это не иначе, как адские силы (а кому еще жить под землей!) стараются пробить себе дорогу на свет Божий. Тощий лысый человек, судя по измазанным в чернилах пальцам – писец или нотариус, сообщил, что в городке Омаль состоялся суд над петухом, обвиненным в связи с Сатаной. Главная вина его состояла

в том, что петух снес яйцо. Хотя первоначально инквизиция предположила, что птица всего лишь была мелким прислужником властелина Ада, но позже в ходе допроса с пристрастием выяснилось, что петух состоял так же и в плотской связи с нечистым духом, результатом которой и явилось злосчастное яйцо. Хотя рассказчик осторожно предположил, что бедную птицу оклеветали, тем не менее приговор был весьма суров – сжечь и петуха, и яйцо. Это тоже было сочтено не слишком добрым предзнаменованием.

Вступивший в разговор монах – траппист поведал, в свою очередь, что братья одной из овернских обителей его ордена видели пролетающего дракона.

– Все это сказки! – уверенно заявил дремавший дотоле аквитанский стрелок, герб на груди которого нельзя было разобрать из-за залившего его вина. – Никаких драконов нет.

– Драконы есть, – уверенно возразил северянин.

– Кто это тебе сказал?

– Да я сам его видел!

– Аа, – протянул его собеседник, – и сколько же ты выпил перед этим?

– Говорю тебе, я был трезв! Когда у нас в Скегге закладывали новую шахту на медном руднике, то отрыли целый скелет дракона. Я своими руками его пощупал. Кости у него прямо каменные, череп – величиной с кабана! А зубы вот такие, что твой кинжал! – скандинав показал, какие именно зубы были у дракона.

– И что же вы с ним сделали? – вопрос был задан юным студентом. Ради столь интересного разговора он оторвался от миски с бобовой похлебкой.

– Да отец Пауль все брызгал, брызгал на него святой водой, хотели даже сжечь на всякий случай. Но в конце концов надумали отправить в Гамбург, к тамошнему архиепископу. Так барка с ним налетела на камни в шхерах и... – швед сделал красноречивый жест, указывающий на дальнейшую судьбу неудачливого судна.

– Подумаешь – скелет! – не сдавался упрямый южанин. Вот я помню, у нас в Бордо, еще при англичанах, какой-то матрос показывал за деньги сушеную русалку. Так оказалось, что он ее сам смастерил из свиной шкуры да акульего хвоста!

– Говорю тебе – настоящий дракон! – взвился скандинав. – Сам отец Пауль сказал! Или я вру по– твоему?!

Он грозно надвинулся на аквитанца, и тот уже схватился за рукоять ножа. Однако общими усилиями окружающих начавшуюся ссору удалось прекратить. Через несколько минут оба уже мирно попивали вино, похлопывая друг друга по плечу.

– Пошла прочь, шлюха!! – истошно заорал вдруг кто-то, перекрывая гомон пьяного сборища. Все разом обернулись на крик. На секунду повисла тишина, запнулся даже трувер, как раз перешедший к описанию того, что проделывал с задницей Ее Величества очередной любовник. Молодая женщина в дорогом платье пыталась увести из-за стола пьяного шевалье.

– Гнусная авиньонская потаскуха! – вновь завопил он, вырываясь. Кардинальская подстилка! Я поднял тебя из грязи, сделал тебя своей законной женой, дал тебе имя, а ты по-прежнему готова валяться с первым попавшимся! Дрянь! Скажи, какой мне от тебя прок?! Что-то ты не торопишься родить мне хотя бы дочь. Интересно, почему это?! Должно, твое нутро все испорчено! Признавайся, сколько раз ты вытравила плод, а?! – орал, исходя от ярости слюной мужчина. Чтоб ты сдохла, бесплодная тварь!

Видимо, последние слова задела женщину за живое.

– Вот значит как?! Но ты ведь знал, кто я такая, когда женился на мне, я не скрывала ничего, не обманывала тебя. Но ты мною не побрезговал, потому что у меня были деньги, много денег, а у тебя – ничего кроме твоего титула, ты был нищим и сидел по уши в долгах! Ты, наверное, забыл, – продолжила она, – что, если б не я и не мое золото, тебя бы вышвырнули из твоего дома и ты по миру бы пошел! В канаве бы подох! – голос ее сорвался на крик. Моим золотом ты не побрезговал! И моим телом, телом грязной шлюхи, ты не брезговал, да и сейчас

не брезгуешь! И надо еще разобраться, кто из нас не может зачать ребенка: служанок ты кроешь будто бугай по весне, а что-то я не слыхала ни об одном твоём бастарде!

– Ах, ты...! – вскочив, шевалье бросился на свою жену, но тут же хорошая затрещина швырнула его на пол. Присутствующие загоготали. Он попытался подняться – обутая в дорожной башмачок нога врезалась ему под ребра. Женщина принялась наотмашь хлестать своего благоверного, приговаривая:

– Это тебе за грязную шлюху, это за мою камеристку, а это за мой жемчуг, который ты проиграл в кости своим друзьям!

Стоя на четвереньках, шевалье залился горькими слезами – силой и умением драться благородную даму, кем бы она там не была раньше, Бог не обидел. Дюжий слуга, стоявший за ее спиной, еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

Публика, смеясь и отпуская непристойные шуточки, наблюдала за бесплатным представлением.

Капитан уловил вопрос в глазах Рауля, но не двинулся с места. За семь лет службы в парижской страже (а до того, за его спиной было больше десяти лет солдатчины) он повидал достаточно, чтобы не придавать значения подобным сценам. Да и вообще – не дело постороннему вмешиваться в семейные дразги.

Вдобавок вид униженного, жалкого дворянчика, доставил ему некое мстительное удовольствие.

Дело в том, что Жорж Кер в глубине души сильно недолюбливал рыцарство. Нет, он был верным подданным короля, чтит власть и, разумеется, вовсе не желал победы грязному сброду. Его неприязнь к высшему сословию имела чисто личные корни.

Во время подавления последнего мятежа знати в Артуа капитан, тогда еще совсем молодой солдат, служивший в легкой коннице, сумел захватить в плен одного из самых знатных и богатых дворян провинции – барона де Лалэ. По правде говоря, никакой особой его заслуги в этом не было. Спасаясь с поля боя, барон, ко всему прочему потерявший меч, не разбирая дороги, мчался через лес. Жорж Кер скакал за ним следом, прикидывая: успеет ли он снять лук и выпустить хоть одну стрелу, прежде чем добрый ирландский жеребец скроется за деревьями. Но ему повезло: пытаясь перескочить ручей, конь барона зацепился задними ногами за корягу и рухнул в воду, подняв целый фонтан брызг. При этом он сломал себе спину, сам же де Лалэ вылетел из седла и со всего маху врезался головой в дерево. К счастью, на ней красовался добрый шлем, сделанный руками флорентийских оружейников, иначе Жоржу осталось бы только снять доспехи с мертвеца. Но барон был только оглушен и смирно лежал пластом, пока весьма довольный солдат вязал его запасной подпругой.

Потом он прирезал несчастное животное, привел в чувство пленника, окунув его голову в холодную воду ручья, и повел в расположении королевских войск. Снятые седло и упряжь он навьючил на барона, резонно рассудив, что, коль скоро это его имущество, то ему и таскать его.

По мере того, как к благородному сеньору возвращалась способность здраво рассуждать, он все больше и больше понимал ужас своего положения. Ведь в отличие от многих других он не мог рассчитывать на милость королевского правосудия. Помимо активного участия в бунте за ним числилось убийство двух прево и королевского сержанта. Кроме того, он был отлучен от церкви за то, что ограбил храм, избил священника, переломав бедняге ребра, и швырнул наземь святыне дары. Вдобавок, уже во время сражения, он тяжело ранил любимого племянника тогдашнего коннетабля, так что с уверенностью можно было сказать, что незадачливого бунтовщика ожидала плаха или виселица. Поэтому он принялся уговаривать Жоржа отпустить его, обещая щедро отблагодарить, когда с помощью оставшихся при дворе друзей, ему удастся выхлопотать прощение. Он обещал поочередно – дом в городе, десять арпанов лучшей земли в своих поместьях на выбор, тысячу ливров и, наконец, видимо от полнейшего отчаяния – дворянство.

Кер был наслышан, что де Лалэ – лжец и клятвопреступник, каких мало. Но ему было только восемнадцать лет, обещания звучали уж слишком заманчиво, а кроме того, вознаграждение за голову барона (и на это не преминул указать ему пленник) было мизерным. Поэтому, подумав немного, Кер перерезал ремень, которым шевалье был привязан к коню, и отпустил того на все четыре стороны. Седло и упряжь он тем же вечером продал за полцены маркитанту, а деньги немедленно спустил в обществе веселых девок и их «мамаш», еще вполне складной бабенки.

Де Лалэ и впрямь довольно скоро сумел получить королевскую милость – похоже в самом деле у него нашлись влиятельные заступники. А вскоре после этого Жорж Кер явился в его парижский отель за обещанным вознаграждением. Его сразу же впустили. Увидав с улыбкой направляющегося к нему барона, он наивно подумал что тот, должно быть, весьма рад увидеть своего спасителя. Он еще продолжал так думать, когда кулак гостеприимного хозяина обрушился на его челюсть, выбив сразу полдюжины зубов. Затем четверо слуг отволокли его, все еще не очухавшегося от удара на конюшню, беспощадно выпороли и вышвырнули за ворота со спущенными штанами. Напоследок барон крикнул ему, высунувшись из окна, что по справедливости следовало бы взыскать с него за погибшего по его вине коня, но, зная, что ничтожному жалкому смерду за всю жизнь не заработать и половины тех денег, он великодушно прощает его, за что тот должен быть ему благодарен до конца жизни.

Допив вино, капитан поднялся. Пора было продолжить обход ночных парижских улиц. Завтрашним вечером они зайдут уже в другой трактир – в «Бычью голову» к Антуану Дубине, в «Три Молотка» Мари Шарло или в заведение Бетси Англичанки. Там ему и его людям тоже нальют и подадут поесть «в долг» а, может статься, найдется и прелестница, которая согласится «побеседовать» с кем-нибудь из них полчаса в каморке наверху. А послезавтра настанет очередь другого отряда патрулировать ночные улицы, и можно будет вернуться на какое-то время к своему обычному делу – трясти торгашей на рынках, да караулить городские ворота. А там, глядишь, кончится смута...

У дверей он задержался и еще раз окинул суровым взглядом полутемный зал. Просто для порядка, дабы люди видели – стража тут не за тем, чтобы задаром напиться и набить брюхо. Все было спокойно. Осрамившегося шевалье жена давно уволокла домой, скандинав и аквитанец продолжали о чем-то вяло спорить. Может быть, и о драконах.

Пропустив вперед своих людей, он вышел последним. Переговариваясь вполголоса, позвякивая оружием, они двинулись по темной улице. Дома стояли неосвещенные и молчаливые, словно жители давным-давно покинули их. Только изредка из невидимой щели пробивался тусклый лучик.

Кер представил себе, как за плотно закрытыми ставнями хозяйки моют посуду, пересказывая услышанные за день новости и сплетни, а хозяева пересчитывают монеты, заработанные за день, припрятывая полновесные, откладывая истертые и обрезанные, чтобы побыстрее сбыть их с рук.

Тускло горела, воняя смолой, пара факелов, нахально прихваченных его подчиненными при выходе из трактира. Борю время от времени высоко поднимал помятый фонарь, затянутый бычьим пузырем, чтобы не угодить в какую-нибудь яму или не споткнуться.

Они прошли мимо дворца герцога Бургундского, цветные стекла в окнах которого, затянутые в свинцовые переплеты, бросали на мостовую разноцветные блики. Оттуда слышались веселые переливы виолана и лютни – герцог устраивал сегодня для своих друзей ужин с танцами.

Солдаты в плащах с зеленым бургундским крестом, охранявшие отель, подчеркнуто не заметили проходящих мимо стражников. Кер разглядел, как один из его людей, украдкой согнув руку в локте, сделал в их сторону непристойный жест.

Дворец остался позади, и по левую сторону потянулись ряды мясного рынка, в насмешку прозванного горожанами – Кошачий.

Затем вновь пошли темные фасады домов улицы Монкосей. Над головами было глубокое темно-синее небо, где сверкали хрустальные песчинки звезд. Было очень тихо, ничто, казалось, не тревожило спокойствия ночи. Такая ночь – подходящее время для благодетных размышлений. Правда улицы столицы Франции в полночь – не самое лучшее место для них. Опасное это место – ночные парижские улицы. Но только не для него, Жоржа Кера, и его ребят. В каждом из них он уверен, как в себе самом – от самого старшего, Мишеля Борю, до самого молодого – Рауля Майе по прозвищу Пикардиец, угрюмого силача, способного с одного удара высадить плечом дверь, и однажды в одиночку разделившегося с тремя грабителями. Их знают и отчаянные буяны, и самые законченные прощелыги из числа ночного люда, так что вряд ли кто-нибудь без крайней нужды решит заступиться им дорогу.

Шаги их громким эхом отдавались в тишине улиц. Парижские острословы шутили, что патрульные стараются можно больше шуметь, чтобы заранее предупредить о своем приближении и избежать возможных осложнений. Жорж Кер обижался, когда слышал такое – ну не красться же им, в самом деле, как жалкому вору?

Похоже, сегодняшняя ночь обещает быть спокойной. Если не подпалят богатый дом или лавку, чтобы, пользуясь суматохой, растащить добро, не попробуют взломать лабаз или пьяные солдаты не порежут друг друга...

Истошный женский крик разорвал полночную тьму. Жорж замер на месте. Рука сама собой изготовилась выхватить меч из ножен.

Он знал, что среди его соратников есть и такие, кто не слишком торопится, услышав зов о помощи. Их он всегда презирал.

Крик повторился. Если слух не обманывал капитана, то кричали неподалеку, через две улицы, где начинались пустыри – место, пользовавшееся нехорошей славой.

– Туда! – бросил он, устремившись к ближайшему переулку.

Впереди бежал Кер, рядом с ним тяжело бухал сапожищами Рауль, держащий факел. Вот крик, сдвленный – как бывает, когда пытаются заткнуть рот, прозвучал совсем близко.

Навстречу им метнулась сгорбленная тень.

– Вот он!! Стой!!

Мгновенно рассыпавшись цепью, стражники перегородили улочку.

Разошедшийся от избытка усердия Борю пихнул сапогом в живот попытавшегося вернуться человека, а кто-то из его людей упер в грудь упавшего на колени ночного бродяги клинок.

– Попался – не уйдешь теперь! – злорадно рявкнул Рауль.

– Ммм... – только и промычал тот в ответ.

Жорж поднес к лицу схваченного фонарь.

Проклятье! На них глядела искаженная страхом, перекошенная физиономия немолодого толстяка в приличном кафтане.

– Мессеры, пощадите! – пискнул он.

Сплюнув, капитан выругался от души.

– Какого черта ты шляешься тут по ночам! – рявкнул на него Борю

– По девкам таскался, чего ж еще, – поддакнул кто-то.

– Ты тут не видел никого? – быстро спросил Кер.

– Никого не было, ваша милость, – видя, что перед ним не грабители, а стражники, буржуа перестал трястись.

– Вперед, – скомандовал Кер – За мной!

Стражники устремились за ним, оставив позади незадачливого гуляку.

Топот дюжины пар подкованных сапог эхом отлетал от заборов и темных фасадов.

Они выскочили на пустырь, на противоположной стороне которого возвышались руины нескольких заброшенных домов. На фоне подсвеченного восходящей Луной неба как клыки торчали трубы каминов и балки.

Никого. Или жертве удалось спастись или ее, заткнув рот, уволокли куда-нибудь в трущобы на потеху молодцам из Двора чудес. Только к завтрашнему утру несчастная, истерзанная и в разорванной одежде вернется домой, а если не повезет, то ее нагое мертвое тело примут воды Сены.

Капитан в злой досаде сплюнул. Соваться в эти развалины теперь, ночью, когда и днем-то, случается, в таких местах исчезают вооруженные караулы...

– Ну, пошли что ли, – бросил он озирающим пустырь подчиненным.

Вернувшись на Монкосей, они миновали еще несколько переулков, затем свернули на улицу Персе.

Впереди, за поворотом на Круа-де-Труа, послышался шум. Не дожидаясь приказа, стражники ускорили шаги. Через минуту Кер уже безошибочно различил звуки самого настоящего погрома.

Не меньше двух десятков человек колотили палками о ставни, сопровождая это занятие громкими воплями и браню. К мужским голосам примешивались два женских. Первый – хриплый и пропитой голос давней обительницы квартала Виль – де – Амур,²¹ второй – писклявый, еще девчоночий.

Шум и выкрики продвигались в их сторону.

Послышался треск разбиваемой камнем черепичной крыши.

Впереди не бандиты, а кто – то, не считающий нужным скрываться.

Это могут быть рыцари («мда, только этого не хватало») гарнизонные солдаты («ну с этими то страже не впервой иметь дело») или...

Однажды вечером —
Извилист мысли путь,
Пришла идея: висельнице вдуть,

– донесся залихватский голос.

Кер сплюнул. Все ясно – впереди были школяры. Придется подраться.

Студенты причиняли страже – хоть дневной, хоть ночной, хлопот немногим меньше, чем воры и бродяги. Одних и тех же драчунов и буянов иногда по двадцать раз приходилось таскать в тюрьму, да все без особого толку.

Судили их епископ и ректор, а они были весьма снисходительны к проделкам своих подопечных.

– Е... ее – тяжелая езда:

Качается п... туда – сюда,

– продолжал голосить невидимый за поворотом певец.

Пришлось е... ее, подпрыгивая в такт,

– нестройно подхватили слова одной из любимых студенческих песен сразу дюжина голов.

– Клянусь Цирцеей – вечно все не так!!

– Эй, стража идет – почивайте с миром! – выкрикнул Борю, приложив ладони ко рту.

– Эй, школяры идут – прочь с дороги, кому жизнь дорога! – донеслось в ответ из-за угла.

За этим последовал издевательских гогот.

²¹ Виль – де – Амур – полуофициальное название нескольких улиц, неподалеку от Нотр-Дам-де-Пари, где была сосредоточена большая часть парижских публичных домов.

Позади него кто-то шумно вздохнул, кто-то вполголоса выругался, должно быть вспоминая синяки и шишки, полученные в стычках с буйными недорослями.

– Давай вперед, ребята, покажем соплякам, что такое парижская стража! – бросил Кер, не оглядываясь. – Только не ухайдакайте никого – бейте древками.

Пикардиец, ослабившись, сорвал с пояса плетку, которую предпочитал любому оружию. Сыромятный ремень с гудением рассек воздух.

– Не хватайся за плетку, – осадил его капитан – выхлестнешь не дай Бог кому глаз – греха не оберешься, объясняйся после с епископским судом...

«Веселенькая же выдалась ночка!» – промелькнуло у него.

* * *

Покидая «Завещание поросенка», Жорж Кер, конечно, не обратил внимание на высокого смуглого бородача, сидевшего в углу, который, поглощая солянку, время от времени улыбался каким-то своим мыслям.

А случись запомнить его – подивился бы неисповедимости путей провидения.

Глава 4

* * *

В начале месяца мая Светлая Дева, собрав достаточные по ее мнению силы, решила, наконец, двинуться в решающее наступление. Подчиненные ей армии начали стягиваться в направлении Парижа. Как это часто бывает, несмотря на упорную подготовку и долгое ожидание, враг застал обороняющихся врасплох, и выступившие навстречу ей под началом маршала Жана, графа де Клермона и герцога Афинского войска были куда меньше по числу, чем можно было ожидать.

Сам маршал, однако, этим обстоятельством вовсе не был обеспокоен.

По его глубокому убеждению, все предыдущие победы мятежников объяснялись исключительно попущением Божьим, да еще малочисленностью королевских воинов.

По пути к нему присоединялись отряды дворян северных провинций, но они не слишком заметно увеличили численность его армии.

На четвертый день они вышли к среднему течению Авра, неподалеку от городка Верней.

В оказавшейся на их пути прибрежной деревне остались только полдюжины немощных стариков.

Все прочие бежали на тот берег, страшась расправ – де Клермон выжег начисто несколько селений, встретившихся на пути, в которых, по мнению маршала, замыслили бунт. При этом беглецы потопили паром и увели почти все лодки, кроме десятка дырявых посудин.

Собравшиеся в маршальском шатре выслушали доклад одного из лейтенантов, посвященный тому, что удалось узнать разведчикам.

Предположительно, им противостояло около тридцати тысяч человек.

Сейчас они расположились на другом берегу, неподалеку от реки, став лагерем.

Остановившись кто где, они разожгли костры и отдыхают; но не сегодня – завтра намеренны переправляться через Авр.

Нападения они не ожидают, но внезапно ударить на них не получится. Ближайший брод через хотя и неширокую, но глубокую речку в двух часах конного пути отсюда, и возле него выставлены дозоры – единственное, чем мятежники озаботились. Позади противостоящего войска, в двух – трех днях пути стояло больше пятидесяти тысяч мятежников. Именно с ними

и находилась их предводительница. Захваченные разведчиками мужики и не думали скрывать, что вся эта масса людей идет осаждать столицу королевства.

– Что будем делать? – спросил барон де Госсе, правая рука де Клермона, когда лейтенант закончил доклад. – У нас всего шесть знамен,²² не наберется и четырех сотен копий. Есть еще пехота, но, правду сказать, обучена она немногим лучше, чем те холопы, против которых мы идем. Думаю, надо дожидаться начала переправы, и атаковать их именно в этот момент.

Затем по очереди высказались и остальные капитаны.

В общем, они соглашались с бароном, упирая на недостаточность сведений о враге и необходимости разбить его малой кровью.

Наконец поднялся маршал Жан.

– Прежде всего необходимо переправиться на другой берег, и не где-нибудь, а именно здесь, – начал он не допускающим возражений тоном.

Рыцари недоуменно переглянулись.

– Для этого, – невозмутимо продолжил де Клермон, – пусть ваши люди – те, кто умеет держать в руках топор, срубят плоты, а из них мы соорудим наплавной мост. Так в свое время поступил Ираклий Византийский перед битвой за Пирей. Переправившись, мы разделимся на две части, после чего идем навстречу бунтовщикам и атакуем. Действуем как обычно. Первая линия проламывает боевые порядки, не останавливаясь, затем разворачивается и вновь бьет уже с тылу, навстречу второй. Бунтовщики попадут между нашими рыцарями, как между молотом и наковальней.

– Но ведь тогда, мессир, в тылу у нас окажется река, – неуверенно протянул кто то.

Де Клермон резко обернулся в его сторону.

– Вы что: собираетесь отступить?

Вскоре в небольшой рощице неподалеку застучало множество топоров, затрещали растаскиваемые на доски и бревна убогие халупы, наиболее рьяные взялись даже за деревья в крестьянских садах.

Не прошло и двух часов, как наскоро починенные рыбацьи плоскодонки с натугой поволокли через реку связанные цепями и обозной упряжью плоты.

Вскоре оба берега были соединены и началась переправа.

Кони спотыкались, попадая копытом в щели между стволами, вода заливала колышущиеся бревна, но, против ожидания, переправа прошла благополучно, если не считать утонувшего конюшего.

На другом берегу рыцари разбились на два больших отряда, или по старому говоря – «крепости». Первый возглавил норманн Сигурд де Байе, лишь вчера присоединившийся к армии герцога, второй – де Госсе. После этого они тронулись в путь.

Но не прошло и нескольких минут, как передовые разъезды буквально нос к носу столкнулись с быстро идущими навстречу им бунтовщиками – должно быть разведчики все же у них имелись. Вскоре противники уже стояли друг против друга.

Выстроившись без всякого порядка, сплошной массой – кое-где можно было насчитать до двух десятков рядов, бунтовщики изготовились к обороне. Вооружены были они самодельными пиками и неуклюжими рогатинами, но больше всего было неизменных вил, цепов и кос.

На левом фланге гарцевало несколько сотен конницы – вооруженной, но без панцирей.

²² Знамя – высшее воинское подразделение в европейских армиях описываемого времени (старофранцузское *le ban*). Знамя делилось на «копья» каждым из которых командовал рядовой рыцарь («бакалавр»). Численность копья могла доходить до пятидесяти человек, хотя обычно редко превышала десяток-другой. Общая численность знамени составляла от 500 до 3000 человек (примерно 30–50 «копий»). В состав знамени входили исключительно конные воины, а пехоте отводилась второстепенная роль, она использовалась главным образом для гарнизонной службы, и при штурме крепостей.

– Вот, значит, каково хваленное войско этой чертовой ведьмы, – пожал плечами де Клермон. – Никчемное сборище черни, полагающей, что раз они сбились в одну кучу, то теперь им сам Господь Бог не страшен! Атакуйте незамедлительно!

Через минуту земля содрогнулась от одновременного удара тысяч копыт. Это Сигурд де Байе повел своих людей на врага. За спинами всадников развевались белые и пурпурные плащи.

При виде быстро приближающейся конной лавы, передовые отряды неприятеля сомкнув ряды, подняли оружие.

Навстречу атакующим засвистели стрелы, но почти все они или пронеслись над головами, или пролетели мимо, только слегка ранив нескольких рыцарей, да убив десятка два коней.

Вот противники сшиблись, и сразу стало ясно, что дела бунтовщиков плохи.

Доспешные всадники мозжили булавами головы беспомощно суевившихся, почти безоружных мужиков, ударами мечей ломали и рубили жерди с привязанными к ним ножами и серпами. Обученные кони топтали упавших врагов, тщетно пытавшихся закрыть голову руками.

Острия самодельных копий и косы беспомощно скользили по панцирям, отскакивали от щитов, и державшие их в руках падали замертво, истекая кровью.

Необученный сброд, как и предполагал маршал, не сумел сдержать натиск закованных в железо всадников.

Разметав бунтовщиков, рыцари помчались вперед.

Они проскакали довольно далеко, и не без труда капитанам удалось развернуть их, вошедших в раж и рубивших направо и налево вражеских пехотинцев, прикрывавших тылы.

Рассыпавшаяся по равнине конница теперь помчалась обратно, охватывая мятежников, как загонщики – волчью стаю. Одновременно на дрогнувшее войско обрушились конные рыцари второй крепости.

Герцог Афинский только что не потирал руки от удовольствия. Его замысел полностью удался. Даже отсюда было видно, как быстро распространялась паника в рядах врага. Бегущие не давали более стойким сплотиться для отражения атаки, увлекали их за собой. Сейчас пехотинцы довершат дело, и те немногие смерды, кто сегодня уцелеет, навсегда забудут самую мысль о том, чтобы противиться господам.

Тем временем дело шло к завершению.

Какая-то часть черни бежала прочь, надеясь уйти от верховых. Другие, сжатые с обеих сторон вооруженными до зубов врагами, падали на землю, моля о пощаде. Только небольшой отряд, вооруженный лучше остальной массы, сплотившийся вокруг всадника в доспехах, не дрогнул и не растерялся. Сомкнув ряды, они храбро отбивали наскакивавших на них рыцарей, косами рубили ноги коней, бывшие среди них лучники метко пускали стрелы. Один из опрометчиво сунувшихся вперед шевалье упал с расколотой ударом моргенштерна головой.

– Там, кажется, ихний предводитель, – бросил де Клермон. – Его надо взять живым, остальных перебейте, – приказ был обращен к командиру конных арбалетчиков. Тот поскакал в сторону своих, и уже через несколько минут в упорно отбивающихся мятежников полетели смертоносные кованые стержни. После этого последователи Дьяволицы окончательно обратились в бегство.

Разгоряченные боем шевалье продолжали уничтожать удирающих в панике врагов.

– Пусть уймутся, – распорядился де Клермон, глядя на это истребление. Иначе мы останемся без пленных – надо же и палачам оставить работу.

Подосевшая пехота, повинувшись неохотно отданным приказам командиров, вязала пленных – таких же простолюдинов, как они сами.

К маршалу начали съезжаться с докладами подчиненные, не скрывавшие удивления.

«Это и есть те самые грозные мятежники, которые взяли множество замков и перебили столько дворян?» – явственно читалось в их глазах.

– Я же говорил – правильного боя им не выдержать, – презрительно пожав плечами, бросил герцог.

На лугу тем временем уже суетились обозники и пехотинцы, занятые сбором скудных трофеев. Кое-кто, не брезгуя, раздевал мертвецов.

Привели человека, командовавшего мятежниками. То был еще молодой мужчина, одетый в дорогой толедский панцирь.

– Ну, что скажешь? – насмешливо обратился герцог к нему.

– Сегодня ты победил, знатный выродок, но только не забудь – с нами не было Светлой Девы, – бросил тот в ответ, глядя прямо ему в глаза.

Затем плюнул сквозь выбитые зубы, метя в лицо де Клермону, но кровавая слюна долетела только до сапога маршала.

– На легкую смерть напрашиваешься или оскорбить думал? – поморщился тот. Не будет тебе легкой смерти, а свинья благородного человека оскорбить не может. Кстати, почему на тебе эти доспехи? Разве виллану пристало их носить?

Снимите с него панцирь и сколотите хорошую клетку – в ней я повезу его в Париж.

Сказав это, Клермон направился к своему шатру, всем своим видом показывая, что дальнейшее его не волнует.

...Итоги сражения приятно удивили даже тех, кто ни капли в победе не сомневался.

Не менее десяти тысяч простолюдинов остались лежать на поле боя, и примерно четверть от этого числа оказалась в плену. Потери оказались ничтожны – десять рыцарей, дюжины две всадников неблагородных сословий и сотня пехотинцев. Раненые в основном отделались царапинами.

Победители даже не стали утруждать себя ловлей проигравших разбежавшихся во множестве по окрестностям.

Тяжело раненных пленников добили. Тех, кто мог идти сам, поставили между двумя здоровыми. Затем всех выстроили шеренгами и прикрутили к длинным канатам, привязанным к телегам.

После того как королевское войско переправилось обратно, сотни две пехотинцев под присмотром нескольких рыцарей занялась другим делом.

Разобрав мост, они наскоро установили на плотках виселицы, вниз головой развесили на них мертвецов, в изобилии валявшихся на поле битвы, и пустили вниз по реке.

* * *

Под почти непрерывный звон множества колоколов Париж встречал вернувшихся с поля боя победителей. Взбунтовавшаяся чернь, чьи передовые разъезды уже появлялись в виду парижских стен, вновь отошла на север, к опрометчиво оставленному в тылу Руану. Все единодушно восприняли это как знак уже недалекого конца смуты. Поздравляя друг друга, вельможи держали пари, что еще до осени голова Дьяволицы ляжет на плаху.

И пусть потерпела поражение не она сама, а ее подручные, пусть далеко не все ее силы были разбиты у этой, раньше никому почти неведомой реки – люди, пережившие не один бунт, хорошо знали: достаточно быдлу хоть раз потерпеть поражение, и ему конец. Стоит катящему колесу притормозить даже на мгновение, оно неизбежно упадет.

Знать торжествовала, но и простолюдины тоже не остались в стороне. Были ли это неожиданно пробудившиеся верноподданнические чувства или же просто низшие сословия решили воспользоваться подходящим случаем, чтобы напиться?

Веселье выплеснулось на парижские улицы. Хмельные солдаты – каждый из них чувствовал себя героем, слуги, отпущенные хозяевами погулять, горожане и всякий сомнительный сброд до полуночи шатались по городу. Толпы людей, горлая песни, бродили по улицам, отплясывали сарабанду на перекрестках. Город охватила радостная суматоха.

На казнь привезенных в столицу бунтовщиков пришлось смотреть едва ли не полгорода. И каждый взмах топора, каждый вопль распинаемого на колесе или обдираемого заживо приветствовали одобрительными выкриками.

Дома, даже небогатые, были украшены полотнищами с королевскими лилиями, или гербами владельцев; тысячи женщин ежедневно собирали в лугах за предместьями цветы, чтобы усыпать ими улицы.

Даже погода благоприятствовала веселью: после многих ненастных дней ярко светило солнце. У дверей трактиров и харчевен во множестве валялись сизоносые пьяницы, публичные девицы готовы были бесплатно угождать бравым воякам, форменным образом гоняясь за ними, да и многие порядочные женщины не отставали от них. Продавцы хмельных напитков получили возможность изрядно набить свою кошину, иные продали столько, сколько до того – не во всякий месяц.

Для народного гуляния знатные хозяева многих отелей открыли их сады и парки, где было приготовлено угощение и выставлены вина из дворцовых погребов.

На площадях, на больших кострах жарили свиные и воловы туши, обильно поливая их маслом и уксусом и посыпая солью.

Разноголосый гомон допоздна стоял на улицах Парижа. Гуляния продолжались всю ночь при свете множества горящих факелов и плошек со смолой. Радостные песни и музыка, пляски, выступления циркачей, жонглеров и кулачных бойцов, ярмарочные балаганы, море выпивки... Уже очень давно столица королевства Франкского так не веселилась.

Память о происходившем тогда сохранилась очень надолго, и даже все то, чему было суждено случиться совсем скоро, не смогло до конца стереть ее. Но и в те дни полные пустых надежд и бессмысленной радости, многие чувствовали за всем этим буйным весельем нечто зловещее и вымученное, словно некая тень уже упала на мир.

* * *

Срочное сообщение! Информационно – логический блок 34 – а– 11 Алый.

При вводе в действие основного передающего канала, произошла инверсия полярности излучения. Одновременно по неизвестной причине произошла самофокусировка вторичного пучка и его перемещение в район 3456,7 и 5679 (населенный пункт Париж), что сорвало намеченные в порядке осуществления принятого плана мероприятия по ликвидации живой силы армии существующих властей. Данное обстоятельство повлекло за собой уничтожение значительной части вооруженных сил, находящихся в распоряжении фактотума, что в свою очередь значительно затруднит дальнейшую реализацию мероприятий, предусмотренных принятым планом действий, в части, касающейся установление контроля над территорией Франции. Так же возможны различные побочные эффекты. Наиболее вероятно общее повышение социальной активности и необусловленные эйфорические настроения в среде местного населения с перспективой устойчивого перехода части его на сторону ныне существующей власти. Немедленное отключение эффекторов может повлечь спонтанное разрушение канала, а при неблагоприятных обстоятельствах – дестабилизацию всей системы ретрансляции и приема.

Рекомендации: постепенное снижение мощности передачи и перевод данного канала в режим консервации.

* * *

Таргиз еще раз посмотрел на высветившиеся на мониторе цифры. Пятьсот с лишним тысяч только обычных энергоединиц... Затем посмотрел на сидящего слева от него Кхамдориса, предававшегося своей варварской привычке пускать дым, и на углубившегося в вычисления Наставника. Ментальная схема перед ним пестрела синими и серыми пятнами на розовом фоне. Нда, повреждения затронули почти двадцать процентов...

План, до сего дня осуществлявшийся без помех, впервые дал сбой; и весьма заметный. Расчет на то, что удастся полностью уничтожить королевскую армию уже в самом начале, в одном решающем сражении, не оправдался.

И вот результат – несмотря на непрерывно поддерживаемую связь фактотума с военачальниками и на самые подробные инструкции, мятежники были стерты в порошок. В отсутствие своей повелительницы они сразу теряли всю свою храбрость и силу. Его опрометчивая попытка форсировать события привела к прямо противоположному результату. Надеясь, что и без их непосредственной помощи фактотум справится с заданием он, несмотря на предупреждения, решил ничего не менять после того, как обнаружили неполадки в передающих системах. Теперь придется вносить заметные коррективы во всю дальнейшую программу действий.

Как, однако, неудачно вышло с этим вторичным пучком!

Кхамдорис предупреждал, что это преждевременно, но Таргиз предпочел отмахнуться от его сомнений. И вот печальный итог – сформированный в межпространстве дополнительный отражатель оказался нестабильным, и для устранения последствий его «таяния» им пришлось задействовать собственные силы фактотума. Полностью разрушились одиннадцать фракталов, из которых один недублированный. И это не считая потраченной Сомы и обычных ресурсов! Следовало, конечно, как рекомендовали в один голос Мария и Эст Хе, перенести начало основной фазы операции на более поздний срок, но что теперь говорить... Армия, собранная фактотумом, уменьшилась почти наполовину только за один день не считая того, что это сильнейший удар по ее авторитету. А каких усилий стоило внушить этому маршалу мысль повернуть обратно? К тому же возможные эффекты в столице...

– Ну что ж, было бы глупо думать, что все будет идти гладко, – резюмировал, закончив расчеты, Зоргорн, переводя взгляд со своего ученика на нервно кутившего Кхамдориса. – Не следует придавать этому такое уж большое значение. Через месяц или через год – особой разницы нет – в отличии от землян временем мы располагаем.

* * *

Весенний ветерок врывается в стрельчатые окна дворца, колыхал портьеры из тончайшего розового муслина и золотистого шелка.

Сегодня король Франции задавал пир по случаю победы.

В главном чертоге Лувра, отведенном для торжества, собрался весь цвет французской знати. В глазах рябило от ярких бархатных сюркотов, расшитых золотом, башмаков дорогого сафьяна с нелепо загнутыми вверх носами и плащей с длинными, отороченными бобром рукавами. На дамах были высокие рогатые шапки, платья из атласа и парчи, украшенные, несмотря на почти летнее тепло, кунницами и драгоценными русскими соболями, на фоне черного меха которых особенно ярко белели обнаженные плечи. Низкие, туго стянутые корсажи не могли скрыть рвущиеся наружу груди. В воздухе разносился тихий мелодичный перезвон множества украшений, словно сотен маленьких серебряных колокольчиков. Убранство зала было под

стать пирующим: полированные малахитовые колонны, чьи капители были увенчаны бронзовыми фризами, многоцветные мозаики, столы благородного ореха и кипариса.

На белоснежных скатертях дамасского шелка и тонкого фландрского полотна блестели чеканные столовые приборы, украшенные финифтью и инкрустациями, а под ноги собравшимся были брошены дорогие восточные ковры. Музыканты, сидящие на галереях за расписными ширмами, услаждали слух пирующих приятными мелодиями.

Во главе длинного стола, уставленного массивными золотыми и серебряными блюдами с разнообразными кушаньями и сосудами венецианского стекла, восседал сам монарх. По правую руку от него, там где должна была находиться королева (она не присутствовала из-за болезни), сидела баронесса де Монфор, в недавнем прошлом дочь хозяина постоянного двора из Бигора, приглянувшаяся старому развратнику – барону Леону де Монфору, что был старше ее в три раза. Своими буйными ласками она свела

барона в могилу менее чем за год, и злые языки пророчили ту же судьбу и Карлу.

На ней было полупрозрачное одеяние из тончайших кипрских шелков самых изысканных оттенков, сквозь которые можно было разглядеть ее почти обнаженное, за исключением узкой полоски ткани на пышных бедрах, тело. Голову ее украшал высокий тюрбан, на шее густо – красным огнем сияло бесценное ожерелье индийских карбункулов.

Де Граммон ел молча, время от времени бросая взгляд туда, где сидел Карл IV. Самый могущественный государь Европы, владыка, равных к которому по силе и богатству в христианском мире не было, да и за его пределами, пожалуй, трудно сыскать.

Давно умерли его братья и дядя, умерла от яда в лондонском Тауэре сестра Изабелла; умирали племянники и племянницы, бывшие моложе его дочерей. Умирали, один за другим, его давние враги – германский император, арагонский и неаполитанский государи, Эдуард Английский. Умерла половина тех, кто присутствовал на его коронации. А Карл словно бы даже и не старился; в свои больше чем пятьдесят он бы вполне мог сойти за старшего брата сидевшей рядом с ним двадцатилетней красавицы, чьи тонкие пальчики брали сейчас виноград с его блюда.

Даже на фоне роскошных одеяний гостей наряд короля выделялся своим богатством. Расшитое золотыми геральдическими лилиями одеяние синего бархата, подбитое горностаем, украшали два ряда янтарных пуговиц. На шее висела массивная золотая цепь, украшенная большим розовым рубином в обрамлении изумрудов чистой воды.

На пальцах Карла IV поблескивали самоцветы перстней, среди которых выделялся отбрасывающий ярко-голубые лучи сапфир-астерикс, величиной с голубиное яйцо.

Единственный из присутствующих, он явился на пир при оружии – на его широком поясе из тончайших золотых нитей, украшенном бледно – лиловыми аметистами и розовыми жемчужинами, висел короткий меч с усыпанной мелкими бриллиантами рукоятью. Даже сейчас обгладывающий ножку каплуна король казался погруженным в раздумья о государственных делах – настолько вошла в его плоть и кровь привычка придавать лицу глубокомысленное выражение. Пожалуй несколько портил впечатление высокий парчовый колпак, нелепо сидевший на его голове и придававший королю сходство с шутом.

Карл IV Французский. Карл Красивый. Карл Красавчик. Карл Простоватый. Карл Дурачок.

Последний прямой потомок Капетингов.

Неудачливый отец четырех дочерей, в надежде обзавестись наследником женившийся в третий раз на принцессе, годящейся ему не в дочери даже – во внучки.

Коронованный простофиля, которого в молодости родственники в глаза называли глупым гусенком; неспособный к государственным делам, вздорный упрямый и мстительный: бледная тень своего великого отца – Железного Короля.

Его сюзерен, с которым он связан нерушимой присягой и за которого отдаст жизнь, если придется.

* * *

Париж. Спустя несколько недель после сражения при Вернее.

Людовик, герцог Сентский граф де Мервье, пэр Франции, вице-канцлер королевства, а с недавних пор еще и маршал, изучал скопившиеся за месяц с небольшим доклады и донесения с мест. И то, что в них содержалось, не могло не навести на мрачные раздумья.

Когда, после того как почти тридцать тысяч шедших к Парижу мужиков, вооруженных косами и дубьем, потерпели жестокое поражение, а двигавшиеся следом основные силы Дьяволицы отползли обратно к северу, все, не исключая и его, вздохнули с облегчением. Коль скоро мятежники не решились идти на столицу, стало быть, уже чувствуют свою слабость и уже недалек тот час, когда пожар пойдет на убыль, как это бывало не раз.

Еще один бунт черни в бесконечной череде ему подобных, вспышка бессмысленной ярости скота, сбросившего на краткий миг ярмо, чтобы вновь покорно продеть в него шею. Не самый даже опасный из происходивших на его памяти. Теперь же все чаще герцогу казалось, что и в этом поражении и отступлении был какой-то непонятный и жуткий смысл и вот-вот неизбежно случится непоправимое.

Между тем время шло, а никаких признаков скорого конца смуты, или растерянности в рядах врага не было. По-прежнему бежали из северных и западных областей дворяне, прево со сборщиками податей и откупщики, ростовщики и прелаты. Светлая Дева, овладев большей частью севера королевства, вновь начала потихоньку прощупывать соседние провинции. Из Артуа, Пикардии, от границ Иль-де-Франса поступали сообщения о стычках с ее людьми. Зачастую сеньоры брали верх, но это почему-то не внушало герцогу особого оптимизма. В конных схватках мятежники стали все чаще использовать совсем новый прием: на всадника набрасывали аркан или сеть на длинном ремне и стаскивали его с седла. Ему уже приходилось слышать о таком, похожий способ использовали турки; но в христианских странах ничего подобного пока не бывало. Еще более тревожили достоверные сообщения, что мятежники при осаде нескольких крепостей применили пороховые мины. То ли им удалось захватить некоторое количество пороха, то ли они научились делать его сами. Правда, слава Богу, бомбард у них пока не было, но Людовик не сомневался, что при острой нужде найдутся умельцы, которые смогут их отлить. Но наихудшим во всем происходящем было не это

Сообщения с мест были полны непонятными и потому пугающими известиями, хотя, на первый взгляд, ничего особо страшного не происходило.

Вдруг почти одновременно по всему королевству прокатился слух о некоей чудовищной ереси, многочисленные тайные приверженцы которой заполонили буквально всю Францию, причем никак не связывая эту ересь с мятежниками. Никто не мог толком объяснить, что это за ересь. Упоминалось лишь, что на своих сборищах они едят мертвечину и творят непотребства, о которых невозможно говорить вслух. Не было поймано ни одного живого еретика, хотя несколько человек были растерзаны толпой по обвинению в принадлежности к их числу.

Слух этот угас так же быстро и внезапно как возник, но только для того, чтобы уступить место новым. На этот раз речь шла о великой войне, что должна вскоре разразиться, правда, никто с точностью не называл – с кем предстоит воевать.

На юге ожидали нашествия сарацин из-за моря. В других местах говорили о том, что далеко на востоке объявился неведомый доселе неисчислимый жестокий народ, истребляющий на своем пути все, подобно тучам саранчи, и что совсем скоро он обрушится на мир. Образо-

ванные люди вспоминали в связи с этим события вековой давности, когда нахлынувшие вдруг из бескрайних азиатских далей орды монголов сокрушили Русь, Польшу, Венгерское королевство. Ржание их диких коней уже слышали германские и хорватские города, и не так уж далеко оставалось им до французских границ, но к счастью вскоре они опять откатились обратно в свои пустыни.

Потом отовсюду стали поступать известия о зловещих знамениях и происшествиях. В Бретонском герцогстве в лесах видели черных призрачных всадников, вооруженных мечами, полыхающими синим мертвенным пламенем. Там же, в Бретани, был замечен громадный – ростом больше любого быка, вепрь, изрыгающий из ноздрей и рта серный дым. В Бургундии людей приводили в ужас многотысячные полчища змей, переползавших с места на место. Потоки ядовитых тварей иногда на много часов перегораживали дороги; крестьяне не отваживались выходить в поле. В Пуату были замечены летящие по воздуху гробы, а на гасконских кладбищах ночами будто бы слышались голоса мертвецов, распевających хором.

Жители Арманьяка стали свидетелями, как на вечерней заре в облаках появилась огромная фигура в черных доспехах с обнаженным мечом в руках, затем у ее ног – стоявшая на коленях юная девушка, в мольбе протягивающая руки к великану. Он взмахнул мечом, после чего видение исчезло. Как всегда, мнения по поводу этого разделились. Одни предположили, что видение предвещает скорый конец Девы, другие качали головами, и нехотели вспоминать, что христианскую церковь тоже иногда изображали в виде женщины.

Из Оверни сообщали о птицах, кричавших человеческими голосами, о неожиданно увядших виноградниках, о подземном гуле и дрожи земли. Из Лиона пришел слух, что у некоей блудницы родился урод с рогом на лбу и огненно – красными глазами и тут же принялся изрекать жуткие пророчества о приближающихся бедствиях и чуть ли не гибели мира, а потом исчез, растаяв облаком зловонного дыма. Там же, неподалеку, на свет появился теленок с человеческой головой, пророчествующий о наступлении последних времен. Близ Орлеана только что погребенный покойник ухитрился выбраться из могилы и принялся шататься по деревне, отчего все ее жители немедленно сбегали в лес. Из Бордо пришло известие о встреченных в болотах устья Гаронны исполинских червях, слепых, но зато с громадной зубастой пастью. Из Вьенны сообщили о появлении там огненного змея. Этот змей, плюясь дымным пламенем, с треском и свистом пролетел над городом среди бела дня и приземлился в лесу с грохотом, от которого можно было оглохнуть. Когда наиболее смелые обыватели во главе с местным кюре, вооружившись крестом, в котором была заключена частичка мощей святого Губерта, отправились к месту его падения, они обнаружили, что змей уже успел бесследно исчезнуть, оставив после себя несколько десятков поваленных обгорелых деревьев, следы от удара огромных когтей на земле, да несколько больших кусков горячего железа, по виду – не иначе только что вышедшего из адских кузниц. После обряда изгнания бесов их с пением молитв бросили в реку.

Повсеместно и словно неоткуда появилось много волков. Эти звери, всегда причинявшие немало неприятностей, в последние месяцы особенно осмелели.

В Берри, Мене, Бретани, волки только за полтора месяца погубили почти пять сотен человек и разорвали Бог весть сколько скотины.

Волки среди бела дня забегали в деревни и предместья, каким-то чудом ухитряясь проникать и на улицы городов.

В Туре огромный, ростом с доброго теленка волк ворвался в собор во время воскресной мессы и принялся убивать направо и налево. Он загрыз двенадцать человек, ранил вдвое больше, едва не перегрыз горло настоятелю и рухнул замертво возле алтаря. Многие прихожане видели, что за волком следовал призрак козлоногого монаха.

Страх перед этими зверьями побудил служить особые литургии о защите людей и стад от волков, а власть светскую – провести большие облавы, на которые, несмотря на беспокойное время, пришлось отвлечь даже солдат.

Правда, из Сента, из его герцогства, не сообщали пока о каких-либо жутких происшествиях и тем более угрожающих признаках народного волнения в его собственных владениях, но герцог предполагал, что это не от излишней преданности власти французского короля а, напротив, от того, что обитатели Сентонжа еще не привыкли считать себя его подданными. К тому же от его домена до занятых мятежниками земель весьма далеко.

Как всегда и повсюду при каждом значительном несчастье появилось немало желающих порассуждать о наступлении последних времен. И если прежде на таких почти не обращали внимания, то теперь они немедля собирали вокруг себя трясущихся от страха слушателей.

Дальше началось еще худшее. Непонятная тревога внезапно охватывала население обширных местностей. Горожане толпами собирались на площадях, бросая повседневные дела, и ждали неизвестно чего. Жители деревень, вооружившись, кто чем мог, сбивались в отряды, готовясь отразить нападение неведомого врага. Доходило до того, что прево переставали собирать подати, а кюре – отправлять службы. Затем по нескольким южным городам прокатилась волна беспорядков. Как это случалось не раз в годину бедствий, люди обратили свой гнев на евреев. В двух случаях еврейские гетто были уничтожены полностью. Их обитателей убивали с особенной жестокостью: забивали насмерть кнутами, вешали вниз головой, живьем рубили на куски и зарывали в землю. Заодно были сожжены и лепрозории: как и в прошлые годы прокаженных объявили отравителями. Тех несчастных, кому удалось выскочить из огня, приканчивали стрелами. С трудом удалось властям прекратить беспорядки, до того как безумие распространилось слишком широко и не вспыхнул новый мятеж. При этом заводилами во многих случаях оказывались какие-то подозрительные бродяги, утверждавшие, что день гнева Божьего и суда над грешниками уже близок. Ни одного из них, к сожалению, не удалось поймать, и герцог был склонен подозревать в них лазутчиков Светлой Девы.

Наконец это поветрие дошло и до самого Парижа: не далее как вчера взвинченная проповедью подобного безумца едва не растерзала стражников, пытавшихся его арестовать.

* * *

...Как определил сразу опытный глаз капитана, на площади собралось не меньше полутора тысяч человек. Из окон окружающих ее домов высывалось множество голов. Слышалось хлопанье открываемых ставен – все новые и новые люди торопились узнать, что происходит. Кое-кто уже вылез на крыши. На возвышающемся в центре площади помосте, в обычное время предназначавшемся для глашатаев и потешавших горожан фигляров, сейчас стоял и что-то громогласно изрекал высокий худой старик в монашеском рубище. Его длинную седую бороду и отросшие волосы трепал ветер, отчего он казался еще старше, чем был.

...Братья во Христе, – донеслось до стражников, – братья и сестры!! Только слепой не видит, что Господь ныне отвратил от нас лик свой! Близятся времена скорби и плача, и великие несчастья вот– вот обрушатся на Францию.

– Но не Бог хочет этого, и не роптать надо нам за ниспосланные испытания – сами мы повинны во всем!! Ибо переполнилась чаша гнева Создателя, переполнилась чаша земных грехов, несправедливостей и злодейств! Покайтесь!!! Покайтесь!!! Ибо лишь покаяние ваше может еще спасти мир, и без того ставший вотчиной Отца Лжи и Зла!

Монах закашлялся, схватившись за грудь, но справился с собой и продолжил

– Не надейтесь, что называющие себя служителями божьими отвратят от вас бедствия молитвами своими, ибо давно уж пала Церковь Христова. Не Господу она служит, а врагам его, пусть и не зная о том. Священнослужители больше не служат Господу, предаются блуду и ростовщичеству. Монастыри стали прибежищем содомского разврата, а торгаши и менялы хозяйничают в храмах. Тот же, кто именует себя христианским королем, ослеплен гордыней, слепы и его приближенные...

«Оскорбление величества!», – промелькнуло у капитана.

– Какой-то сумасшедший, – зло пробормотал кто-то из стражников. – Что-то много их развелось.

Жорж Кер встряхнул головой, не зная, что делать. Следовало бы, конечно, арестовать проклятого болтуна, но ведь чего доброго это сборище кинется отбивать его! Может, послать за подкреплением?

– Горе тебе, бедная Франция!! – капитан невольно вздрогнул от этого крика – Горе тебе, весь христианский мир!! Поле созрело, и пожнут его пламенные мечи! Я знаю, что меня ждет смерть, но даже если бы хотел – не смог бы молчать. Слово Божье горит в моей душе неугасимым огнем, и если я не выскажу его – оно сожжет меня. – О, Франция, готовься и молись, ибо твой конец будет ужасен!! – словно воочию видя картину грядущих смерти и разрушения, он закрыл лицо руками. Голос его, хриплый и срывающийся, зазвучал вдруг почти как трубный глас архангела.

– Бич войны и мятежа смениться бичом голода, глад смениться мором, войны будут следовать за войнами, смерть будет следовать за смертью.

– Горе, горе вам всем, люди!! Станете вы как трава под косой, как саранча, брошенная в печь огненную!! Небо уже светит кровавым заревом там, откуда идет в мир Денница – Падший Ангел. От голоса его содрогнется земля, а от пламенного дыхания люди падут на землю, корчась в муках!

– И под сенью крыл его войдут в мир воинства демонские и людские, ибо открыты врата, и кто закроет их?! Как горный обвал сметет он мир сей, и будете вы молить о смерти!!

Я вижу ужасные беды, вижу гибель Франции, муки и смерть народа.

Города будут стоять пустые и разрушенные, а деревни мертвые и безлюдные, и не слышно будет в них свиста пастуха и песен жнеца. Нетопыри и вороны поселятся в домах ваших, и змеи угнездятся в них. И падут все народы и будут пленены...

Собравшиеся слушали жуткие пророчества в угрюмом молчании, лишь изредка всхлипывали женщины.

– Но я вижу и страшнейшее, – голос монаха вновь поднялся до крика. Не только Земля станет владением Князя Тьмы, но и небеса!!!

И капитан почувствовал вдруг, как при этих словах страх ледяными мурашками пробежал по его спине.

– Я вижу, вижу, как торжествуют демоны Преисподней, как рушатся стены чертогов Царствия Небесного! – Вижу, как адские черви пожирают кущи садов господних! Вижу слезы на глазах Спасителя нашего... – он, запрокинув голову, воздел руки к синеве неба.

Растрепанный нищий упал на колени, что-то жалобно забормотал, простирая к старцу руки. Его примеру последовал кое кто еще.

Скосив глаза, потрясенный капитан увидел смертельно бледное лицо старого богохульника Борю, истово крестящегося, увидел, как медленно опускается на колени кто-то из его людей. Проклятье! Но это ж всего-навсего безумец!

Только тут он заметил, что на площадь въехало человек двадцать пять-тридцать верховых латников, сопровождавших крытую повозку. Остановившись, они, должно быть, пытались сообразить, что тут происходит. Отряд возглавляли два всадника. Первый – широкоплечий здоровяк в вороненой кольчуге, за спиной которого оруженосец держал копье с вымпелом какого-то маркиза. Вторым был не кто иной, как начальник городской стражи Робэр де Дорну собственной персоной. И именно он в данный момент направлялся в сторону Жоржа Кера.

При виде его пылающего гневом лица Кер моментально забыл о начавшем вновь призывать к покаянию и предвещать гибель мира проповеднике.

– Ты что же это... тебя, и..., твою мать..., и всю родню до седьмого колена!! – употребленные только что мессиром Робэром слова были из разряда тех, которые даже самый грубый

солдат произносит хорошо, если пару раз в год. Почему позволяешь этому еретику, этому прихвостню Дьяволицы мутить народ?? А ну живо – взять его!

Капитан было открыл рот, пытаясь что-то объяснить.

– Не болтать! Взять его, я сказал! Ну, живо! Чего стоишь, осел, или ждешь, пока тебе уши оборвут?

Кер оглянулся на своих подчиненных – под взглядом налитых кровью глаз начальника они стояли по стойке смирно, перехватив алебарды поудобнее.

– Покайтесь, братья, – со слезами в голосе произнес старик, Пошатываясь, он сошел с помоста, тяжело опустился на грязные ступеньки.

– За мной, – коротко скомандовал Кер, поправив висевший на поясе меч. Лучше чем кто-либо он понимал, как бывает страшна толпа, и понимал: случись что, и его три десятка, даже вместе с конниками маркиза, сомнут в миг. Но выбирать не приходилось – ему ли не знать, что пытаться что-то объяснять впавшему в бешенство де Дорну бесполезно.

Народ нехотя расступался перед ними, замешкавшихся солдаты отпихивали рукоятями алебард. Они шли, словно в живом коридоре. В угрюмом молчании человеческая стена отодвигалась, все дальше прогибаясь, никто не проронил ни слова. Никто не швырял в спину бранных слов, не грозил кулаками... Но глаза людей ясно говорили об участии, которую они желают стражникам. Быстро они дошли до помоста; несколько женщин, пытавшихся увести монаха, бросились врассыпную. Повинуясь приказу капитана, два стражника подняли на ноги по – прежнему безучастного ко всему старика и, заломив руки за спину, сноровисто скрутили их сыромятным ремнем. Толпа загудела, но с места не сдвинулась.

Они уже почти вышли из гущи народа, когда дорогу им загородила небогато, но опрятно одетая пожилая женщина в белоснежном чепце и чистом фартуке.

– Конечно же, – спокойным, без всякого выражения голосом произнесла она, глядя прямо в глаза капитану. – Конечно, очень просто и легко справиться с безоружным слабым монахом. Это ведь не рыцарь, не оруженосец, не разбойник... Какая хорошая служба у тебя – воевать со стариками да мальчишками!

– Уйди с дороги, тетка, – грубо оборвал ее капитан. – Не мешай.

«Еще одна чокнутая», – подумал он про себя, глядя на ее бледное, равнодушное лицо и неподвижные глаза.

Разумеется, ни он, ни кто-нибудь из его людей не мог знать, что перед ними – весьма уважаемая и любимая в этом квартале повивальная бабка, которая помогла появиться на свет многим из стоящих сейчас на площади. Точно так же не могли они знать того, что единственный сын этой одинокой вдовы, шестнадцатилетний юноша, две недели назад был без всякого повода зверски зарублен пьяным шевалье.

Дальнейшее еще не один день вспоминалось потом капитану, заставляя просыпаться среди ночи с бьющимся сердцем. После этих его слов стоявший рядом Рауль, вполголоса выругавшись, шагнул вперед и грубо отпихнул старую женщину, так что она еле удержалась на ногах. Спокойно поправив сбившийся от толчка чепец, старуха, ни слова не говоря, плюнула в лицо стражнику.

– Ах ты старая ехидна!! – взревел Рауль. Должно быть, в этот миг вся давно угнездившееся в его душе злоба обиженного на весь мир человека, уже давно искавшая выхода, вырвалась наружу. Капитан не успел перехватить его руку – сверкнув на солнце, стремительно взлетело вверх лезвие алебарды и, прочертив в воздухе серебристую дугу, опустилось на плечо горожанки. Любовно наточенная и выправленная на бычьем ремне до бритвенной остроты сталь легко рассекла хрупкое тело наискось, от ключицы до бедра, развалив женщину буквально пополам.

С глухим стуком верхняя половина упала наземь, а ноги с куском туловища еще какое-то мгновение стояли. Затем колени медленно, словно в страшном сне, подогнулись, и жуткий

обрубок рухнул у самых сапог Жоржа Кера в лужу исходящей паром кровавой грязи. В ноздри ему ударил густой запах крови, смешанный с вонью распоротых кишков.

Единый вздох ужаса и гнева вырвался разом из тысячи грудей, и капитан, с запоздалым страхом сообразив, что сейчас начнется, рванул меч из ножен.

Еще какие-то мгновения в воздухе висела неправдоподобно-жуткая тишина, а затем вся площадь взорвалась криком

– Они убили старую Жанну!!

– Убийцы! Смерть им!

– Тетя Жанна!! Убийцы!

– Королевские свиньи! Падаль! Режь их! Бей, убивай!

И перекрывая все это – истошный, полный безумной ярости и торжества крик, словно вопль пытаемого и казнимого, получившего вдруг возможность вцепиться в глотку своим пала-чам

– Да прославится Светлая Дева!!!

Они мгновенно оказались в кольце искаженных ненавистью лиц, воздетых вверх сжатых кулаков, оскаленных орущих ртов... Площадь, минуту назад неправдоподобно тихая, бурлила и клочкотала, как штормовой прибой. В криках сливались ярость, гнев и боль.

...Их всех спасло то, что должно было, казалось, погубить: толпа, навалилась на них вся разом, только мешая друг другу в попытках добраться до стражников, и тем подарила им несколько секунд, за которые они успели изготавиться к обороне. Отхлынув на миг, многоголовый рычащий зверь, неукротимый и страшный, вновь ринулся вперед, встретив на этот раз блеск смертоносного металла.

– Прорываемся к улице! – выкрикнул капитан, вгоняя острие меча в оскаленный, гнилозубый рот рвущегося к нему оборванца.

Сидевший на облучке попытался развернуть телегу, но не успел проехать и пяти шагов, как был окружен разъяренными людьми. В суматохе кто-то обрезал постромки, и запряженные в фургон лошади, с испуганным ржанием унеслись в переулок.

Какой-то здоровяк, яростно размахивающий ножом, кинулся на всадников, знаменщик ловко подставил пику, и через секунду тот оказался насажен на острие. Вымпел окрасился кровью.

Краем глаза он увидел, как маркиз, привстав на стременах, поднимает над головой двуручный меч, как лошадь вынесла латника, опрометчиво сунувшегося вперед, и теперь одной рукой зажимавшего окровавленное плечо, из людского водоворота.

Дальше времени смотреть по сторонам уже не было, нужно было заботиться только о том, как спасти шкуру. Вот какой-то парень отбил дубовым поленом алебарду Борю. Ловко поднырнув под лезвие, он обеими руками перехватил древко алебарды и попытался ударить Бору в пах ногой. Тот со всей силой потянул оружие на себя, а затем резко рванул вперед. Нападавший с распоротым животом упал под ноги толпе. Чья-то рука схватила его за сапог. Вырвавшись, капитан опустил на нее подбитый железом каблук. Хруст костей был слышен даже сквозь яростные вопли. Он даже не успел заметить, как одного из стражников, кажется Малыша Руссе, выдернули из строя как морковь из грядки, увидел только, как он уже каким-то чудом вырвался обратно. Кровь текла по его лицу, кровь была на его тесаке.

Толпа топталась на месте, яростно рвущиеся вперед люди только мешали друг другу. Десятки их уже, не удержавшись на ногах, рухнули на мостовую, тщетно пытались подняться, увлекая других за собой. Вопли раненых и растоптанных сливались с проклятиями и криками ненависти.

Оттесненные к глухой стене, всадники ошетинились сталью мечей и секир, и толпа держалась на расстоянии, но в руках у многих уже появились увесистые булыжники. Через несколько секунд послышался грохот камней о металл доспехов. В ответ полетели стрелы,

раздались крики пронзенных смертоносными наконечниками. Из окна верхнего этажа дома выпала пораженная шальной стрелой женщина.

Тем кто находился в повозке, пришлось отбиваться от лезущих в нее со всех сторон людей. Хотя уже не один из наглецов валялся на земле с разmozженной головой, было ясно, что дела отбивающихся плохи. Ревущий, как бык, кузнец в прожженном фартуке, вцепившись в колесо и покраснев от натуги, пытался опрокинуть телегу. С треском сорвали половину рогож-ного навеса, заодно едва не стащив пытавшегося удержать его возницу. Затем из повозки выле-тел небольшой бочонок, над которым вилась струйка дыма, и рухнул в самую гущу людей.

Шар рыжего огня вспух там, где он упал, выплунув в небеса черное облако, В лицо капи-тану ударил плотный горячий воздух, пахнуло серой и кислой горечью.

Железный грохот, эхом отражаясь от домов, запрыгал по площади, забив плотной ватой уши капитана, сливаясь с вырвавшимся из множества ртов воплем панического ужаса.

Тысячная толпа вмиг забыла о своей силе и многочисленности, забыла, что врагов только несколько дюжин и растерзать их – дело двух-трех минут. Лишь одна мысль – спасти свою жизнь безраздельно завладела людьми. Неодолимый кровожадный зверь перестал существо-вать. Все разом кинулись прочь с площади, сбивая друг друга с ног, топча упавших, давясь насмерть в узких переулках... Всадники устремились за ними, вминая копытами коней в мостовую упавших и беспощадно рубя отстающих. Только яростный окрик барона остановил их.

Не прошло и двух минут, как площадь была пуста. Впрочем, не совсем. На земле остались лежать вповалку множество мертвых тел.

Иные были настолько изуродованы, что с трудом можно верилось, что совсем недавно это было живым человеком. Некоторые были странно плоскими, словно раскатанные скалкой. Там, где взорвался бочонок, вокруг неглубокой воронки как будто кто-то разбросал крупно нарубленное мясо. Сероватый дым медленно таял в воздухе.

Десятки раненых громко стонали, вызывая о помощи.

Совсем неподалеку от них по окровавленному булыжнику полз мальчик лет тринадцати, бессильно волоча ноги и тихонько, как щенок, подвывая.

Машинально Жорж Кер поискал тело Рауля. Его невольно замутило при виде того, во что он превратилось. Опознать пикардийца можно было лишь благодаря кольчуге.

Он поспешил опустить глаза себе под ноги, глядя на истоптанные останки старой Жанны.

Прихрамывая, к нему подбежал Робэр де Дорну. Лоб пересекала глубокая царапина, на скуле наливался лиловым кровоподтек.

– Где он?! – рявкнул де Дорну, свирепо вращая глазами.

– Кто? – не понял капитан.

Кто?! – завопил де Дорну, хватая Кера за грудки, – Издеваешься еще?? Где этот твой рубака, отвеча-ай!! Он принялся бешено трясти стражника, так что голова того моталась из стороны в сторону. Когда, придя в себя, он отпустил Жоржа, тот молча указал на то, что оста-лось от виновника всего случившегося.

– Кроме него все живы? – спросил начальник стражи, остывая. Кер только кивнул в ответ; судорога запоздалого страха перехватила горло. Если бы не тот храбрец, да не его порох, они бы все лежали вот так.

Капитан оглянулся. Люди маркиза, не обращая внимания на окружающее, спешившись, обступили что-то, лежавшее на земле возле полуразбитого фургона.

На заботливо разостланном на мостовой плаще недвижимо распростерся человек, благо-даря которому они избежали участи быть растерзанными. Не надо было быть лекарем, чтобы понять: он мертв.

Лица у него не было, вместо него было кровавое месиво, из которого торчали осколки костей. Выбитый взрывом из мостовой камень разmozжил ему череп.

– Эх, дьявол и тысяча дьяволов, ну как же это так вышло, прости Господи! – выдохнул маркиз, стаскивая шлем. Все прочие тоже обнажили головы, отдавая последние почести тому, кто спас им жизнь.

– Это же надо – сколько крепостей взял, на четырех войнах цел остался, ни одной царапины, а вот поди ж ты... На собственной mine! Лучший мастер во всей Франции... Пушку мог отлить, без чертежа... Эх, Пьер, ну что же ты так... неловко. И где я теперь найду такого... – невпопад бормотал рыцарь, и голос его как-то странно срывался. Опустившись на колени перед мертвым телом, он закрыл лицо лежавшего полой плаща. В углах его глаз предательски блеснула слеза. Только сейчас капитан обратил внимание на герб, вышитый на плаще убитого – точно такой же как на вымпеле маркиза, только наискось перечеркнутый красной полосой.²³

Маркиз повернулся, посмотрел на Жоржа Кера, за спиной которого столпились остальные стражники.

– А ты что уставился? – зло бросил он. – Пошел отсюда вон!

Жорж молча отошел, за ним потянулись остальные. На площади уже суетились высыпавшие из домов жители, хлопоча над ранеными. Кто-то рыдал у трупов родных. Неприметный человек перебежал между телами, торопливо склоняясь над ними, шарил по ним руками, словно желая удостовериться, что они мертвы. Один из стражников, не дожидаясь приказа, двинулся в его сторону, положив руку на висевшую на поясе сыромятную плетть, но тот, заметив его, со всех ног бросился бежать.

– Мэтр Кер, – обратился к капитану Борю. – Что с этим будем делать? – он указал на лежащего на земле связанного старика. Как только на них набросилась толпа, Борю оглушил его, чтоб не сбежал, воспользовавшись суматохой, и сейчас тот начал уже приходить в себя.

– В Пти-Шатле оттащим, – буркнул капитан. Пусть теперь палачам проповедует. И с чувством добавил: – Коз-зёл старый!

* * *

– Мессир, – подняв голову от бумаг, герцог увидел своего секретаря, осторожно заглядавшего в приоткрытую дверь. – Мессир, – с некоторым недоумением Людовик Сентский понял, что Андре чем-то явно смущен.

– Вас желает видеть какой-то человек, говорит, что по очень важному делу.

– Что там еще за человек? – заинтересовался герцог.

– Он не назвал себя, – секретарь нервно поигрывал висевшей на поясе серебряной чернильницей. Но утверждает, что дело очень важное, что оно касается судьбы королевства. Людовик не преминул отметить необычную робость своего старого слуги, давно уже без тени подбострастия привыкшего говорить с богатыми и знатными.

– Как он хоть выглядит?

Мэтр Андре как-то слишком торопливо пожал плечами.

– Не знаю даже, мессир, что сказать, – впервые за много лет службы у герцога секретарь откровенно замялся, – но это очень странный человек.

...Вошедший был довольно высок и худощав, на нем было темно-синее одеяние и длинный черный плащ дорогого сукна. В руках он держал круглую шапочку с наушниками, которые обычно носили ученые люди. На поясе висел короткий широкий кинжал.

Смуглая кожа, темные волосы, тонкий крючковатый нос выдавали в нем южанина, среди далеких предков которого наверняка имелся какой-нибудь мавр.

²³ Красная полоса, перечеркивающая слева направо герб (по геральдической терминологии «балка») являлась отличительным признаком внебрачного потомка дворянского рода.

Он казался молодым, не больше тридцати лет, но что-то в выражении его лица, украшенного короткой черной бородкой, в быстром, исподлобья, взгляде угольно – черных глаз ошибочно выдавало в нем человека пожившего и много повидавшего, а так же, что неприятно кольнуло герцога – сильного и не привыкшего без крайней нужды гнуть спину перед кем бы то ни было. Секретарь не зря выглядел смущенным: похоже это был и в самом деле не совсем обычный человек.

– Позвольте мне, мессир герцог, поприветствовать вас, – преувеличенно церемонно отдал поклон посетитель.

– Ты не назвал себя, уважаемый, – сухо бросил Людовик.

– О, прошу вашего прощения – меня зовут Артюр Мальери, родом я из Марселя, я лекарь, маг и астролог.

«Он еще и анжуец, вдобавок. Только анжуйского предсказателя мне не хватало сейчас!»²⁴

Людовик вздохнул, не считая нужным скрыть недовольную гримасу. Должно быть сейчас ему представят очередной гороскоп, предсказывающий великие бедствия, вместе со множеством советов, как их избежать.

– Я, как уже сказал, изучил многие тайные науки и, кроме всех прочих магических наук, я овладел и искусством теургии²⁵ и тавматургии; и при удаче, да не покажется это вам, мессир, пустой похвальбой, я могу попытаться изменить предназначения судьбы.

– Иными словами, ты хочешь сказать, что ты колдун? – оборвал его герцог, чувствуя нарастающее раздражение и желание поскорее выслушать шарлатана, и, выставив его, вернуться к делам. – И что у тебя ко мне за дело?

Гость помедлил несколько секунд, а затем произнес:

– Дело в том, мессир Сентский, что я знаю как убить именуемую Светлой Девой и тем самым покончить с бунтом, принесшим столько несчастий королевству. И я могу это сделать.

Сказать, что герцог был удивлен услышанным – значит погрешить против истины. Пожалуй, вернее было бы, что он был слишком удивлен, чтобы удивиться по настоящему.

– И как ты собираешься это сделать? – после довольно долгой паузы спросил де Мервье.

– Между миром небес и нашим подлунным миром, в морской пучине, в просторах воздуха, на земле и под землей, в огне и холоде, обитает великое множество духов, не все они служат злу или добру. Эти духи обладают большой силой, они, как и мы, обуреваемы страстями, и есть способы привлечь их и подчинить своей власти. С их помощью можно совершить и то, что может показаться невозможным, – таинственный гость словно повторял заранее заученную фразу. И если привлечь их на свою сторону, то можно достичь очень многого...

– Желаешь срязится с бесовским наваждением силою демонов? – вновь оборвал его Людовик.

– Мессир, – маг, казалось был всерьез обижен – Вы заблуждаетесь, уверяю вас. Я добрый христианин, что может подтвердить вот эта грамота, данная мне покойным кардиналом Джованни Орсини.

Он протянул герцогу свиток, извлеченный из складок одеяния. Действительно, стоявший перед ним человек рекомендовался, как весьма сведущий в астрологии, алхимии и магии, и при этом, что больше всего поразило герцога, добрый католик, оказавший немалые услуги Апостольской Церкви. Он несколько раз пробежал глазами пергамент, подозрительно осмотрел печать. Нет, вздор, – никакой самый отчаянный проходимец не осмелился бы явиться к нему с поддельной кардинальской грамотой, даже если выдавший ее и мертв. Хотя – кто знает... Но что, интересно, ему здесь нужно и кто вообще он такой, этот Артюр Мальери? Может быть

²⁴ До XVI века графство Прованс, столицей которого был Марсель, являлось частью Неаполитанского королевства, включавшего в себя так же юг Италии и Сицилию, и управлявшегося Анжуйской династией – побочной ветвью дома Капетингов.

²⁵ Теургия – раздел магии, будто бы дающий возможность изменить неблагоприятную предопределенность грядущих событий.

он из тех, кого именуют добрыми колдунами? – напряженно размышлял герцог. Ха – добрый колдун!²⁶ Надо ж было отцам-доминиканцам выдумать этакое! На память невольно пришли слова из Библии: «А колдуна и ворожеи не оставляй в живых, ибо мерзок перед Господом всякий творящий сие».

– Я все-таки не очень понимаю тебя, уважаемый – зачем тебе это нужно? Ты ведь провансалец, что тебе до нашего королевства и короля?

– На то есть еще одна важная причина: ни кардинал Орсини, ни, увы, даже сам папа не могли дать мне того, что я рассчитываю получить во Франции, – ответил тот.

– И что же это такое? – заинтересовался герцог.

– Дворянство, мессир.

– Дворянство??

– А что так удивляет вас, мессир? Разве мало было шевалье из буржуа, или даже из крестьян?

– В том то и дело, что их было немного, – возразил ему герцог. – А кроме того, они получали свои титулы за доблесть на поле битвы и верную службу трону: а не за дела, приличествующие не тому, кто претендует называться благородным человеком, а наемному убийце, – глядя прямо в глаза чернокнижнику, закончил Людовик Сентский.

– Может быть, то, что хочу сделать я, вы бы сочли для себя зазорным. Но неужели кровь тысяч дворян, жизнь их детей и честь их жен, неужели спокойствие в королевстве не стоят такой цены? – тут же ответил ему мэтр Артюр, словно бы заранее знал, что скажет герцог.

Людовик погрузился в размышления. В самом деле: ведь этот человек не так уж не прав.

Странное чувство непонятого доверия к этому подозрительному типу вдруг возникло у него. Он, однако, осуждающе покачал головой.

– Ты любезнейший, говоришь так, словно голова Дьяволицы уже у тебя в мешке, – недовольно заметил он.

– Тогда бы я пошел прямо к королю, – с легкой улыбкой ответил гость.

Герцог вновь задумался.

– А почему ты обратился именно ко мне? – наконец задал он вопрос.

– Видите ли, сир, мой бывший патрон – кардинал Орсини, когда речь заходила о делах французского королевства, которое он, надо сказать, весьма не жаловал, упоминал о вас как о человеке, который печется о государственных делах больше, чем о собственных. И который всегда держит данное слово, – многозначительно закончил он,

– Ну ладно, – Людовик чувствовал, что разговор с этим странным типом все больше превращается в некое состязание и победа в нем явно клонится не на его сторону. – А как ты думаешь получить дворянство?

«Почему я не спрашиваю – как именно он намерен уничтожить эту Светлую Деву?» – промелькнула у него мысль.

– Все очень просто, сир. Вы великий вассал²⁷ короля, вы член Королевского Совета и Совета пэров, равных вам по знатности наберется очень немного в королевстве. А ордонанс короля Людовика, по которому вы сами можете создавать себе вассалов, свободно распоряжаясь своими землями, еще никто не отменял.

У вас в герцогстве, – невозмутимо продолжил Артюр, – есть феодал Куронье, лежащий в двадцати лье от Сента, неподалеку от старого римского моста через реку. Приносит что-то около двух сотен ливров в год. Немного земли, две деревни, виноградники и небольшой, но

²⁶ Добрый колдун. Термин канонического права, обозначающий лицо, причастное к занятиям магией, но не связанное с нечистой силой. Это, однако, не мешало инквизиции всюю отправлять их на костер.

²⁷ Великий вассал. Дворянин высшего ранга, (как правило герцог или граф, реже барон), являющийся вассалом непосредственно королю, и обладающий рядом привилегий в сравнении с обычным дворянином.

крепкий замок. Не так давно у вас по поводу его был спор с аббатством, а теперь им управляет ваш приказчик. Я бы хотел получить его.

«Все знает! – с невольным уважением отметил про себя Людовик Сентский, с трудом припоминая, что это за Куронье. Хоть сейчас грамоту выписывай!»

– Хорошо. Предположим, я готов дать тебе дворянство, если ты ее убьешь, – выделил Людовик де Мервье последние слова. – И только ради этого ты готов рискнуть головой?

«Да что я такое несу! Многие бы отцу родному глотку перерезали за рыцарские шпоры!»

– Разве вы сомневаетесь, что я верный сын матери нашей – церкви? – заявил мэтр Артюр. – Светлую Деву считают опасной еретичкой и ведьмой, одержимой бесом, а раз так, то способствовать уничтожению ее – святой долг каждого христианина.

При этих словах герцог, внимательно посмотревший гостя в глаза, вдруг почувствовал какую-то глубоко скрытую фальшь в словах этого человека, да и во всем его поведении. Но, одновременно, как это было ни странно, он так же и почувствовал, что все, что этот черно-книжник говорил, было истинной правдой. Было в нем что-то, что он не мог понять, что внушало глубокое доверие и, одновременно, смутную тревогу.

– Дорого же все-таки ты ценишь свои услуги, – герцог не смог избавиться от искушения уязвить гостя побольнее. – Пожалуй, я бы мог поискать человека и за меньшую цену.

Мэтр Артюр пожал плечами.

– Немало ловких людей расстались с жизнью, даже не приблизившись к ней как следует. Кое о чем это говорит. Не так ли?

– Ну а все-таки, как ты думаешь это сделать? – не без колебаний повторил вопрос герцог.

– Мессир желает, чтобы я продемонстрировал свое искусство? – тоном базарного фокусника спросил мэтр Артюр. И исчез.

С недоумением воззрился де Мервье на то место, где только что находился колдун. Там никого не было.

Людовик вскочил, почуввав в груди нехороший холодок, обежал глазами Комнату, но проклятый некромант словно растворился бесследно в воздухе. А может – именно так и было?! Невольно он положил руку на эфес шпаги. За его спиной послышалось деликатное покашливание. Мэтр Артюр стоял как ни в чем не бывало у окна с ничего не выражающим лицом. Но ведь только что его там не было!! Да и вообще не было здесь, де Мервье мог поклясться в том! Сентский сеньор не был трусом, но мысль о том, что рядом с ним находится настоящий колдун, умеющий без труда становиться невидимым (и наверняка много чего поопасней), заставила его испытать неподдельный страх. Мелькнула мысль: а не позвать ли стражу и не сдать ли чертова мага вместе с его кардинальской грамотой инквизиторам? Но ее тут же сменила другая, совсем уж малодушная – а что если гость угадает его намерение и прикончит его, а после незаметно уйдет?

«Да ведь ему все это время ничего не стоило убить меня!»

Сделав над собой усилие, герцог вновь взглянул прямо в глаза мэтру Артюру Мальери – первому настоящему колдуну, которого встретил в своей жизни.

«Стало быть он не врет, и прикончить Дьяволицу ему нетрудно, пусть она хоть даже и ведьма.» – мысль эта неожиданно четко оформилась в его мозгу.

А в самом деле, чем он рискует? Если колдуну удастся то, что он задумал, то пожалуй, дворянство не будет чрезмерно большой наградой, ведь без вожака мужичье раздавят в две недели, самое большее... Тогда и он, герцог Сентский, в накладе не останется: кому как не ему достанутся королевские милости и слава усмирителя опаснейшей смуты.

Так, так, – лихорадочно соображал герцог. Конечно, найдутся в Совете те, кто попытается оттеснить его от заслуженного успеха. Надо будет убедить короля, чтобы его поставили во главе войск, которые пошлют добивать мятеж. Кто-то, конечно, может сказать, что прибегать к помощи колдовства недостойно рыцарской чести, но война то идет не с равным противником,

а с поднявшимся на дыбы быдлом. А если, – он злорадно усмехнулся про себя, – этот колдун и свернет себе шею– кто в проигрыше кроме него самого?

Но все же странно, однако: не прошло и получаса, как он видит этого человека, и уже готов поверить ему...

– Когда ты готов отправиться? – задал вопрос Людовик Сентский.

– Хоть завтра, – коротко ответил мэтр Артур.

– Что тебе нужно?

– Немного... Совсем немного, мессир. Мне потребуется один, а еще лучше два ловких и бывалых человека – надо еще ведь добраться до места. Кроме этого мне понадобятся деньги – ливров пятнадцать-двадцать, лучше мелкой серебряной монетой, и лошади: достаточно крепкие, но невидные, чтобы не привлекать внимания.

– Это все?

– Нет, – Артур усмехнулся одними уголками губ, – еще самое главное.

– Вы, Ваше Высочество, – он впервые назвал герцога этим еще редко употребляемым титулом, – должны выписать мне дворянскую грамоту и грамоту на владение Куронье. По положенной форме и с вашей печатью.

– Тебе что, выходит, недостаточно моего честного слова?

– О, нет, что вы, – почтительно, даже слишком уж почтительно, поклонившись, поспешил ответить мэтр Артур. – Просто... Я ведь могу и погибнуть. И я хотел бы знать, что умру дворянином.

– Хорошо, – после короткой паузы ответил де Мервье, приняв наконец решение и при этом почувствовав странное облегчение. Ты получишь все, что просишь. Явишься послезавтра утром.

...Когда дверь за странным посетителем затворилась, де Мервье потер виски, отгоняя вдруг нахлынувшую головную боль.

* * *

...Голоса... Во сне я стала слышать неведомые голоса. Но то не голоса обычных людей, которые слышались мне прежде в сновидениях, а нечто совсем иное. Мой слабый дух воспринимает его как голос, человеку не принадлежащий – холодный, сильный и непреклонный. Голосов иногда бывает несколько, иногда один единственный... Они говорят мне что-то важное, чего-то требуют от меня, но, проснувшись, я не могу вспомнить этого, как ни стараюсь. Даже в самых глубоких снах я не вижу тех, кто говорит со мной, и даже не представляю – кто это может быть. Ничего, кроме смутных искаженных образов и тьмы. Единственное, что я чувствую наверняка – это властную, неумолимую волю, которая неотступно следит за мной и направляет мою жизнь. Высшие силы избрали меня для своих неведомых целей, и избежать предназначения ими я не смогу.

* * *

Ля-Фер. Графство Артуа.

С верхней площадки главной надвратной башни Филипп де Альми наблюдал за обложившей город чернью.

Осмелев за последние дни, враг кое – где придвинул свои порядки к стенам Ля-Фер на расстояние, чуть превышающее дальность полета стрелы. Пахло гарью: в тупой злобе осажда-

ющие три дня назад спалили предместья, когда окончательно стало ясно, что город с налету не взять. Проскакало десятка два всадников – что-то новое, раньше конницы в их лагере заметно не было.

Насколько он мог разглядеть, бунтовщики были заняты делом – сколачивали из досок большие щиты-мантелеты, ставили их на тележные колеса и вязали штурмовые лестницы. Поодаль сотни полторы бунтовщиков тренировались с уже готовыми лестницами, быстро приставляя их к закопченным стенам церквушки и взбираясь наверх. Они и не думали скрывать свои намерения.

Ветер приносил обрывки песен, но расстояние не позволяло разобрать слова.

Все почти так же, как вчера и позавчера.

Некогда мощная цитадель, последний раз Ля-Фер пережил осаду пятьдесят лет назад. Крепость и сегодня могла успешно обороняться от десятикратно превосходящих сил, а до того, как алхимики, не иначе по адскому наущению изобрели порох, была почти неприступна. Даже при нынешнем слабом гарнизоне взять ее было весьма затруднительно.

Семь башен, построенных еще на фундаментах римского форта, высокий, пусть и несколько оплывший вал, только недавно углубленный ров, куртины серого гранита с навесом из мореного дуба, обитого медью, способного противостоять огню, и с надежно защищенными амбразурами. Сводчатые, тоже еще римской кладки, подвалы, хранили съестные припасы, которых должно было хватить надолго, даже принимая во внимание беглецов, заполонивших город. Двадцать четыре камнемета готовы были засыпать тяжелыми булыжниками нападавших. На двух угловых башнях были установлены пушки, и пороха для них было вполне достаточно. Одним словом, крепость имела все, что нужно для обороны, за исключением одного – солдат. Даже поставив в строй горожан, командовавший обороной шевалье Антуан дю Шантрель с трудом набрал людей на две смены караулов. И осаждавшие прекрасно знали это.

Мятежники уже дважды за последние одиннадцать дней ходили на приступ. Первый раз они пытались ворваться в ворота под видом прорывающегося подкрепления, но их уловка была без труда разгадана.

Происшедший три дня назад второй штурм был подготовлен куда как основательней. Заранее заготовленными фашинами осаждающим удалось завалить в трех местах ров и приставить к стене длинные лестницы. Они яростно кидались на стены, и некоторым удалось даже взобраться на бастионы но, к счастью, их очень быстро отогнали камнями, смолой и кипятком.

В тинистой воде рва до сих пор плавали обваренные утопленники, и вороны, усевшись на них, клевали мертвечину. Поминутно раздавалось довольное карканье.

Филипп спустился вниз, миновав кордегардию, на пороге которой сидели, о чем-то вполголоса беседуя, латники с красным от недосыпания глазами.

Возле крепостной стены под наскоро сооруженными навесами расположились крестьяне с окрестных ферм – пощады от разнузданных бунтовщиков не было никому. Слышался детский плач, легкая перебранка. В разноголосицу мычала и блеяла скотина, которую бедолаги успели увести с собой.

Со стороны арсенала раздавался грохот и лязг – каменщики без усталости тесали каменные ядра для бомбард и катапульт, там же кузнецы, колотя по наковальням, рубили собранное по всему городу железо на картечь.

Он прошел мимо старинного, еще римского склепа, на трещиноватых мраморных плитах которого можно было рассмотреть полустертые изображения сатиров и нимф. Из-за дверей тянуло сладковатым запахом тления – туда сносили трупы. Правда, их было, слава Иисусу, немного – за все время осады город потерял меньше шести десятков человек, среди которых было только двое рыцарей.

Путь его лежал к монастырскому подворью, под гостеприимным кровом которого нашла прибежище его спутница.

Привратник равнодушно кивнул рыцарю – он уже знал его. Во дворе немолодая толстая монахиня раздавала беженцам жидкую похлебку, разливая ее из чугунного котла.

Филипп поднялся по ступенькам крыльца. За дверью лежали и сидели на полу человек тридцать. Тихонько всхлипывали дети, стонал в забытии раненый.

Он нашел Хелен в самом дальнем углу, где несколько женщин рвали холст на бинты и щипали корпию.

– Хелен! – начал он, – я хочу поговорить с тобой...

– Я уже говорила вам, рыцарь де Альми, что не могу выйти за вас замуж, – нарочито равнодушно произнесла девушка, подняв глаза от куска полотна.

– Кости Христовы! – вспыхнул он. – Меня, может быть, завтра убьют!

– Я не могу стать твоей женой, – повторила Хелен. По лицу ее было видно, что ее душу раздирают противоречивые чувства.

– Ты из-за отца? – устало спросил Филипп. Хелен кивнула. – Я видел своими глазами, как он погиб, я ничем не смог бы помочь...

– Ты говорил тогда, что не видел, как он умер, и вообще не видел его, – негромко произнесла Хелен, всхлипнув. Филипп в очередной раз проклял себя за невольную ложь.

– А моя мать и сестра? – продолжила она, вытерев тыльной стороной ладони покрасневшие глаза.

– Я бы все равно не успел, – пробормотал Филипп, отводя взгляд.

Что он еще мог сказать? Что едва ли не половина жителей Вокулера была вырезана взявшими город мужиками, или погибла в огне, после того, как случайная стрела со стены легко ранила Дьяволицу в руку? Что бальи поджарили заживо на главной площади, а все городские колодцы доверху забили трупами? Что если бы не он, она была бы наверняка давно мертва?

Но Хелен знает это сама – случайно вырвавшийся из города Симон Павель месяц назад рассказывал все это в ее присутствии.

– Вот что, demuазель! Я, знаешь, красиво говорить не умею... – решительно начал он, и опять запнулся. – Ну, короче, ты и сама должна понимать...

– Оставь меня в покое! Мне жить не хочется! – разрыдалась девушка, спрятав лицо в подол.

– Клянусь копытами Дьявола! – пробормотал Филипп любимую поговорку покойного де Боле, сжав до боли кулаки.

– Я попросила бы вас, рыцарь, не упоминать в этом месте имя мессира Сатаны! – услышал он за своей спиной.

Высокая монахиня в сбившемся набок белом чепце укоризненно смотрела на него.

– Постыдились бы: бедная девочка столько пережила, она потеряла родных, а вы так с ней обращаетесь!

– Не она одна пережила, – буркнул он поворачиваясь к выходу.

Меньше всего ему хотелось сейчас спорить с кем-нибудь, а тем более – с опекавшей Хелен настоятельницей бенедиктинок – матерью Агатой Святых Даров.

Не попрощавшись, он ушел прочь. На душе было скверно.

С того самого дня, когда он силой увез девушку из обреченного городка, словно какая-то невидимая стена стала между ними. Она не кричала на него, как это было в первые часы, после того, как он в изнеможении сполз со взмыленного коня, не требовала вернуть ее обратно, не звала на его голову кары небесные...

Она не пыталась спорить, когда он что-то делал, иногда даже утвердительно отвечала на вопрос – любит ли она его.

Но потом вдруг, заливаясь слезами, принималась обвинять его в трусости и гибели отца, твердя, что лучше бы ей остаться в Вокулере и разделить участь родных.

«Может еще живы они», – пытался он утешить Хелен в таких случаях, сам в это не веря. Он не знал, что стало с его собственными родными – с матерью, братьями и младшими сестрами, с племянниками. В Турени пока все было более – менее спокойно. Более-менее...

В дороге он иногда рассказывал ей о своем родном крае, который не видел уже шесть лет, о его скалистых плато, поросших невысоким сосняком и розовым вереском, о форели, живущей в его быстрых ручьях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.